АРХИТЕКТУРА

С·С·С·Р

6

1·9·4·1

32
S

АРХИТЕКТУРА С·С·С·Р

№ 6 ИЮНЬ МОСКВА 1941 г. ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

А. М. ГОРЬКИЙ

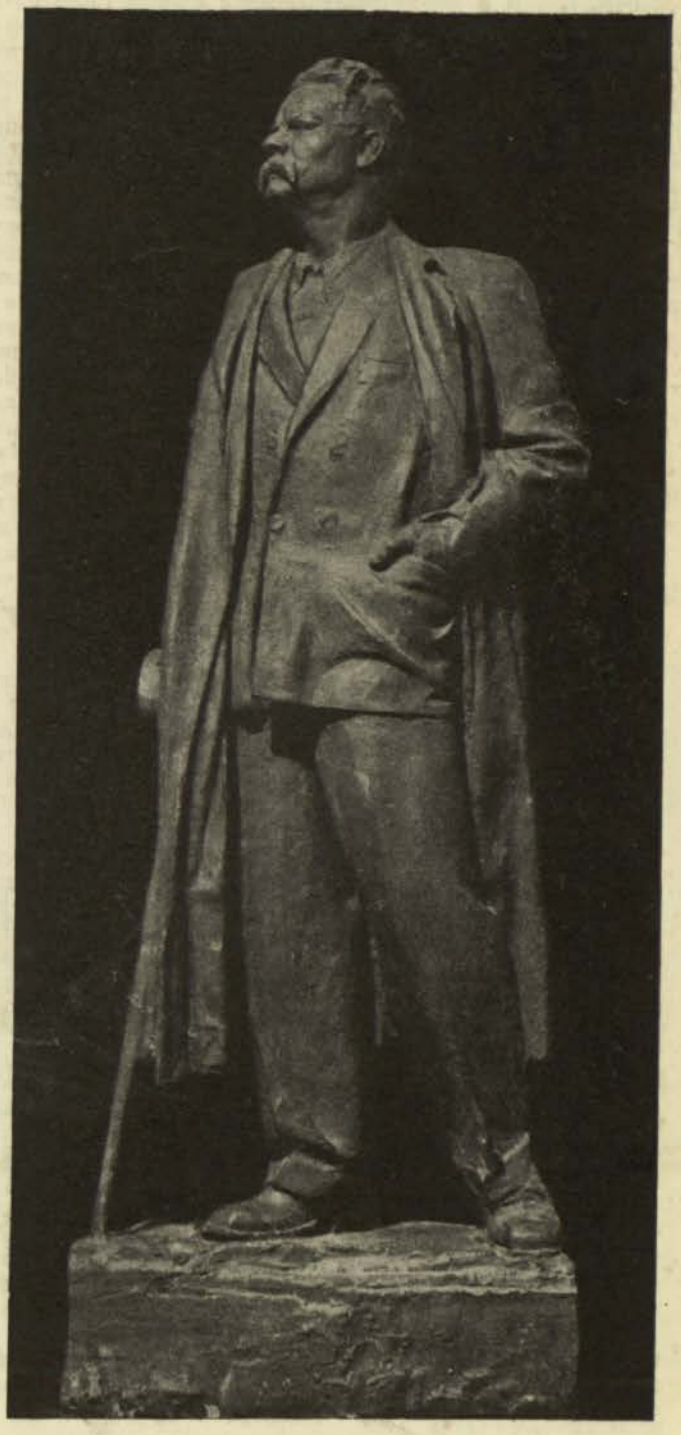
Пять лет назад троцкистско-бухаринскими бандитами злодейски умерщвлен величайший художник пролетариата, гениальный мастер художественной литературы, замечательный мыслитель-гуманист эпохи социализма, Алексей Максимович Горький. И до сих пор еще невозможно примириться с мыслью, что нет уже этого бесподобного русского народного писателя, смелого буревестника пролетарской революции, пламенного рыцаря коммунизма. После смерти Ленина это была, несомненно, самая тяжкая утрата, понесенная нашей страной.

Гигантская фигура А. М. Горького как бы вводит человечество из XIX в XX век. Он пришел в русскую литературу на исходе XIX века, когда в ней господствовали настроения отчаяния и безнадежности, вызванные глубокой политической реакцией, царившей в стране, и кризисом народнических идей. В свое время великий русский сатирик Салтыков-Щедрин высмеивал подобное состояние умов, как «стояние с разинутым ртом перед глубокой стеной». Толстовская проповедь «непротивления злу», бессильные жалобы надсоновской поэзии, призывы Струве «пойти на выучку к капитализму» отравляли сознание интеллигенции того времени.

Максим Горький принес в русскую литературу новые мотивы, новые настроения. Конец XIX века казался бесперспективным и мрачным лишь тем, кто не замечал или не хотел замечать поднимавшегося революционного рабочего движения. Между тем это было время, когда на революционную арену выступил величайший вождь рабочего класса В. И. Ленин. Максим Горький принес в художественную литературу революционный оптимизм молодого рабочего движения, весь его пафос, его протест, его безграничную веру в человека, его жизнеутверждающий, радостный героизм. Он воспевает безумство храбрых, предвещает революционную бурю, смеется над глупыми пингвинами мещанства и поет гимн смелому соколу, зовет к борьбе, к победе. Он мастерски рисует целую плеяду свободолюбивых людей, полных сознания собственного достоинства и способных, подобно легендарному герою Данко, вырвать из своей груди горящее, как факел, сердце, чтобы осветить своим братьям путь к победе. Он идеализирует босяков, поднимая их со «дна» капиталистического общества, чтобы показать, что даже они полны ненависти и гнева и еще не потеряны для жизни и борьбы.

Новые мотивы, призывно зазвучавшие в художественной литературе с появлением в ней Горького, привлекли к нему внимание широчайших народных масс не только в России, но и за границей. Несмотря на то, что буржуазная критика старалась замалчивать его произведения, не было писателя, популярнее Горького.

Талант, идейная глубина произведений Горького и его художественная культура росли и обогащались вместе с развитием рабочего движения в стране. Это движение уже рождало не просто свободолюбивых людей, а людей, знавших, чего они хотят, боровшихся за осуществление определенной программы. Классовые противоречия обострялись, и ходом событий резко был по-



А. М. ГОРЬКИЙ.
Скульптура И. Д. Шадра.

Государственная Публичная Библиотека

ставлен вопрос о дальнейших путях русской революции. Горький пишет роман «Фома Гордеев». Не случайно в этом романе выведены сплошь отрицательные типы. Вот замечательный, написанный с большой художественной убедительностью образ купца Маякина. Это умный, расчетливый представитель своего класса, который хочет «курс держать» на завоевание власти. Но что может дать человеку его, Маякина, власть? На этот вопрос отвечает грозная филиппика Фомы Гордеева: «Вы не жизнь строили, вы помойную яму сделали. Грязищу и духоту развели вы руками своими». Если не Маякин, то, быть может, Фома способен построить настоящую жизнь? Нет, и не Фома, и никто другой из этого класса. Фома превращается в резонерствующего судью собственного класса, но он не способен ни на какие практические действия. Это в зародыше будущий Клим Самгин, в котором, как и в персонажах романа «Фома Гордеев», запечатлены черты революционного бессилия русской буржуазии. Горький прекрасно понимал, что не буржуазия, пусть даже либеральствующая, — хозяин русской революции. Не здесь пролегает генеральный путь революции и не здесь надо искать героев, способных уничтожить «помойную яму» русской жизни.

Этих героев Горький находит в рабочем классе. Здесь люди, по выражению Нила («Мещане»), могут и хотят «месить жизнь по-своему». Таких людей Горький показывает в «Мещанах», в пьесе «Враги». Но истинный шедевр, целую эпопею, гигантское полотно о революции, по богатству красок и яркости образов не имеющее себе равного в революционной художественной литературе, представляет собой его повесть «Мать». В этой повести с исключительной художественной силой и глубиной отображена самостоятельность задач пролетариата в русской революции. И не случайно писатель избрал своими героями большевика Павла и его мать Пелагею Ниловну. Он хорошо понимал, что большевики не подведут революцию под крылышко Маякиных, что к победе ведет только путь самостоятельной борьбы рабочего класса, указанный большевиками. «Подлинную революционность, — писал позже Горький, — я почувствовал именно в большевиках, в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ним. К ним я и «примазался» еще в 1903 году»...

С Лениным, как позже и со Сталиным, писателя связывали общность идей и воззрений и чувства взаимного уважения и дружбы. Гениальный основоположник большевизма, величайший стратег социалистической революции В. И. Ленин высоко ценил и любил гениального художника большевизма — Максима Горького. «Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...»[1] — пишет В. И. Ленин в 1909 г. «...Горький—безусловно крупнейший представитель пролетарского (курсив В. И. Ленина) искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать», — снова и снова возвращается к оценке писателя Ленин в «Записках публициста» [2].

Гениальный зодчий социализма Сталин дал столь же блестящую характеристику творчества Горького. Известно, что на экземпляре сказки «Девушка и смерть» Сталин надписал: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть)». В этой лаконичной фразе — глубочайшая оценка творчества Горького. Фауст — это художественное воплощение прогрессивных стремлений буржуазии в период ее молодости, ее расцветавших творческих сил. Неутолимая жажда познания мира, самоотверженная борьба с препятствиями, желание жить и обновлять жизнь — такими чертами наделил величайший поэт конца XVIII и начала XIX вв. Гете свою гигантскую фигуру Фауста. Но своим художественным чутьем гениальный поэт уловил червоточинку Фауста — его презрение к народу, к массам, а ведь буржуазную революцию все же делал народ. Герои Горького сильнее, выше Фауста, успевшего одряхлеть к концу XIX века. Они умеют любить человека, любить народ сильнее смерти. Они являются носителями социалистического гуманизма, пропаганде которого Горький отдал много сил и черты которого намечены еще в повести «Мать».

Появление каждого нового произведения Горького как в дореволюционные годы, так и после Октября, являлось огромным литературным событием. Такие изумительные книги, как »Городок Окуров», «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Дело Артамоновых», «Клим Самгин», «Егор Булычев и другие», вошли в сокровищницу не только русской, но и мировой литературы. Горький стал классиком пролетарской литературы и, несмотря на все сопротивление буржуазной критики, также классиком мировой художественной литературы.

Как художник, Горький прежде всего великий новатор, впитавший в себя лучшие традиции всей предшествовавшей ему литературы. Он ищет новых тем, создает новые образы, поднимает в своем художественном отображении новые общественные пласты и силы. Он вырос на почве русского рабочего движения, и все его творчество проникнуто глубочайшей народностью потому, что он органически, всеми своими корнями связан с рабочим классом — передовым отрядом русского народа. С первых своих произведений он синтетически сочетает романтику и реализм. Он любит природу и пишет о ней проникновенно, с огромной силой изобразительности. Он любит человека и особенно детей и пишет о них с такой же великой изобразительной силой и с необычайной нежностью и теплотой. Он превозносит героическое потому, что без героизма не может быть ни борьбы, ни победы, ни жизни. Он является в русской и мировой литературе основоположником социалистического реализма, ибо его крупнейшие произведения, о чем бы ни шла речь в них, написаны под углом зрения интересов социалистической революции. Его художественная речь отличается необычайной красочностью и музыкальностью. А. В. Луначарский с полным основанием называл его «музыкантом прозы». Он непревзойденный мастер афоризмов, рассыпанных, как жемчуг, по всем его произведениям и особенно украшающих диалог в его драматургии.

Максим Горький не только творец великих художественных произведений. Мы его знаем и как пламенного публициста, всегда державшего свой бич наготове для удара по врагу. С едким сарказмом он обрушивается в 1905 году на трусливую русскую буржуазию. Незабываемы памфлеты Горького, направленные против мировых держав, и особенно его «Прекрасная Франция», посвященная французской республиканской буржуазии, предоставившей Николаю II заем для подавления русской революции. Сокрушительной силы достигает его публицистика, когда со всей страстностью своей натуры он выступил на защиту нашего единственного в мире социалистического государства. Великий патриот нашей страны, он разоблачает всю низость международных империалистов, готовящих войну против мирного Советского Союза. Он убедительно доказывает, что только в советской стране расцветает настоящий гуманизм. Он обращается к людям искусства и литературы, к мировой интеллигенции и ставит вопрос ребром: «С кем вы, мастера культуры?»

Горький был признанным вождем не только русского, не только советского, но и мирового литературного фронта. Его замечательные художественные произведения, его доклады и статьи по вопросам литературы и искусства, пронизанные глубочайшим содержанием, идейностью и принципиальностью — оказали и продолжают оказывать огромное влияние на все, что есть честного в мировом писательстве и в мировом искусстве. Литература и искусство нашей страны, передовые писатели и деятели искусства Запада будут всегда питаться великим наследием этого титана русской пролетарской художественной литературы.

1 Ленин, т. XIV, изд. III, стр. 211

2 Ленин, там же, стр. 208.

АРХИТЕКТУРА ЗЕЛЕНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ОЗЕЛЕНЕНИЯ ГОРОДОВ

А. ВЛАСОВ

От прошлого сохранилось огромное количество замечательных по своей художественной выразительности памятников садово-паркового искусства.

Корни этого замечательного «зеленого зодчества» мы встречаем еще в древнем Востоке—в Финикии, Вавилоне, Персии, Индии, Китае. Каждый народ в ту или иную эпоху находит различные формы этого зодчества. Садово-парковое искусство развивается синтетически. Топография, климат, флора, пространственная организация пейзажа, принципы планировки, изобразительные искусства — все это вместе взятое создает те или иные композиции зеленого ансамбля.

Величайшие зодчие античности, ренессанса, барокко, классицизма и современности создали ряд блестящих образцов этого синтетического искусства. Интерес больших мастеров зодчества к садово-парковой архитектуре является вполне естественным. Природа в своем бесконечном разнообразии обогащает мир представлений и фантазию художника; она помогает осознать органическое начало в искусстве и способствует воспитанию художественного вкуса.

Палладио в серии своих вилл дает блестящие образцы синтетического понимания архитектуры в неотрывной связи с окружающей природой. Бесконечное разнообразие его композиций, его тонкое понимание деталей и масштаба обусловливается, прежде всего, глубоким проникновением во все своеобразие данной среды. Виньола с подлинным мастерством скульптора лепит свои композиции в природе. Партеры чередуются с террасами, пандусами; использованы все декоративные возможности рельефа для создания целостной, законченной системы в пространстве.

Бессмертные произведения Ленотра до сих пор являются замечательными произведениями французского и мирового искусства паркостроения. Версаль — один из замечательных образцов паркового ансамбля. Создатель французского партера гениально решает плоскости, найдя совершенно новые принципы в организации пространства.

Русские зодчие — Камерон, Растрелли, Воронихин, Гонзаго — создали изумительные произведения паркового искусства в г. Пушкине, Петергофе и Павловске. Глубокое понимание зодчими пейзажа средней полосы России ярко сказалось в архитектуре старых подмосковных усадеб и парков.

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького в Москве.
Слева — генеральный план. Арх. А. Власов, В. Москвин, А. Натальченко, Н. Шмидт. Справа — Пушкинская набережная.

Parc central de la culture et de repos Gorki à Moscou.
A gauche—plan d'ensemble. Arch. A. Vlassov, V. Moskvine, A. Nataltchenko, N. Schmidt. A droite—quai Pouchkine.

Сухуми. Кипарисовая аллея.

Soukhoumi. Allée de cyprès.

Современные города Европы и Америки при решении градостроительных задач уделяют большое внимание вопросам озеленения города и создания в нем зеленых ансамблей. В этом отношении показателен пример Вены. Рингштрассе является одним из прекрасных образцов умелого использования зеленого материала в ансамбле большой магистрали современного города.

Больших успехов в озеленении городов (например, Вашингтона) достигла и Америка. Широко используя опыт английского и французского садово-паркового искусства, американцы ведут работы по созданию новых парков, скверов и бульваров на основе высокой техники, благоустройства и последних достижений агрономии. Современные технические возможности использованы во всем, начиная от методов посадки деревьев и кончая освещением пейзажа и фонтанов, устройством дорог, аллей, усовершенствованных водостоков и поливочной сети.

Современная ботаническая наука чрезвычайно обогащает возможности художника. Коллекции древесных и кустарниковых растений, однолетних и многолетних цветов — в настоящее время значительно расширены. Методами гибридизации и последовательного приспособления введены многочисленные новые культурные сорта растений, исходным материалом для которых явились интереснейшие представители местной флоры.

Опыты великого советского ученого И. В. Мичурина убедительно показывают, как при помощи отдаленной гибридизации создаются растения, гибкие, приспособленные к новым для них условиям жизни и, вместе с тем, весьма податливые для переделки их наследственной природы в сторону, нужную человеку.

Все это открывает неограниченные возможности для обогащения палитры садового художника новыми формами, новыми композициями в построении пейзажа.

Только в глубоком синтезе современного градостроительного искусства, передовой строительной техники, ботаники и агрономии — могут быть решены поставленные перед советскими архитекторами задачи по озеленению городов. Ведущая роль в этой большой синтетической работе принадлежит архитектору. Он соз-

Парк культуры и отдыха имени Сталина в Москве. Генплан.
Арх. М. П. Коржев, М. И. Прохорова.
Parc de la culture et de repos Staline à Moscou.
Plan d'ensemble. Arch. M. P. Korjev, M. I. Prokhorova.

Парк культуры и отдыха имени Сталина в Москве.
Parc de la culture et de repos Staline à Moscou.

Сокольнический парк в Москве.

Parc de Sokolniki à Moscou

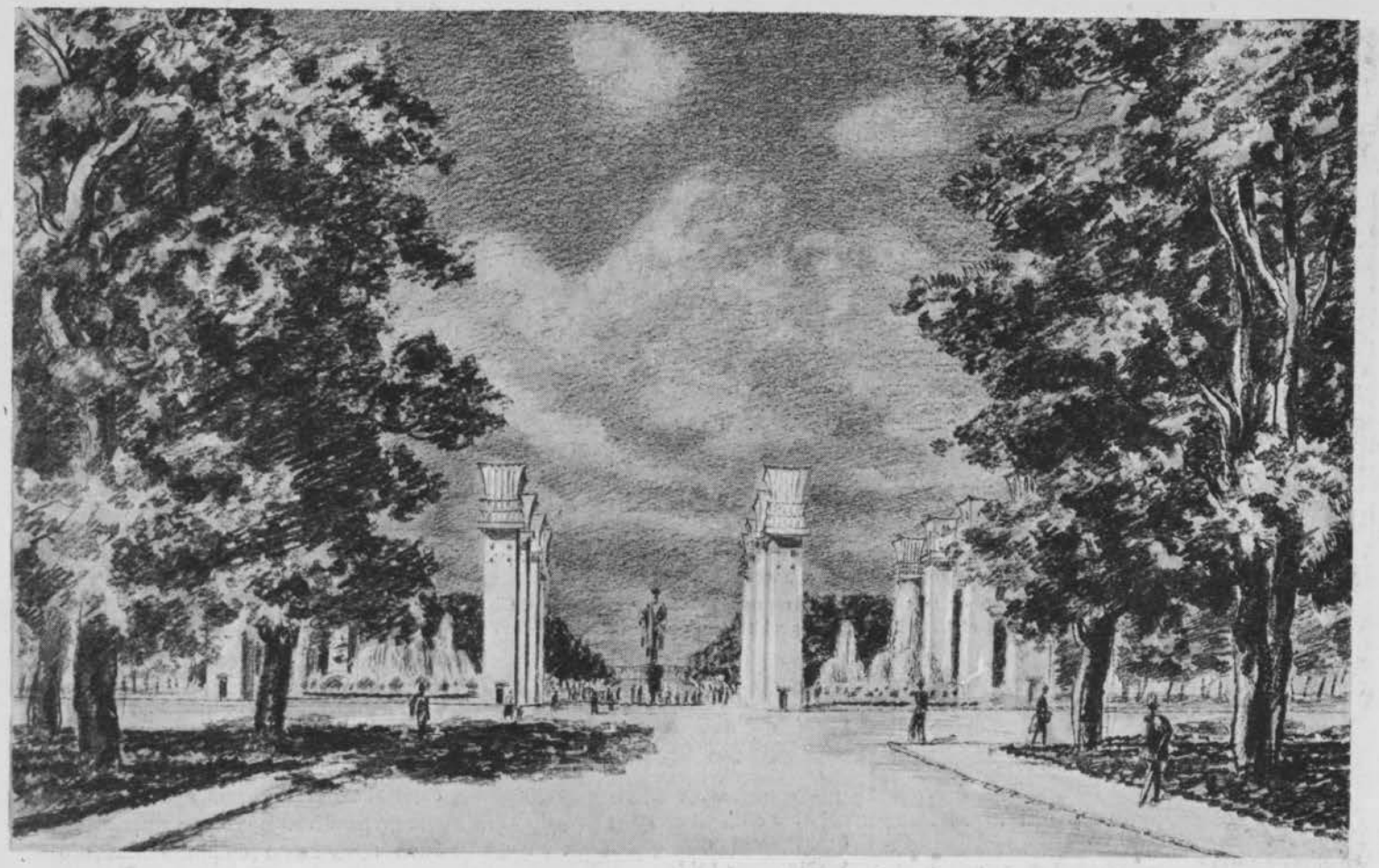
Генплан. Арх. А. Я. Карра, соавтор арх. Н. Л. Супрунов.

Plan d'ensemble. Arch. A. J. Karra avec collaboration de N. L. Souprounov.

дает основную композицию, последовательно претворяя генеральный план в натуру и заменяя зеленую краску на чертеже чудесными в своем динамическом развитии цветом и формой живого организма. Эта работа неосуществима без правильно понятого синтетического начала.

Озеленение городов в Советском Союзе подчинено сложной и многообразной функции нашего города, его жизни, его потребностям. Окружающие город зеленые массивы системой озелененных магистралей и бульваров внедряются в его тело. В системе города создаются свои зеленые массивы — городские парки. Многие из этих парков ведут сложную и интересную работу по массовому воспитанию трудящихся. Это — парки культуры и отдыха. Площади города, в зависимости от их места и назначения, получают различное архитектурное решение, в котором зелени принадлежит одна из ведущих ролей. Город покрывается сетью школьных участков, детских парков и площадок. Некоторые укрупненные жилые кварталы, постепенно освобождаясь от старой застройки, по существу превращаются в сады и парки. Значительные территории наших городов становятся зелеными зонами. План реконструкции Москвы предусматривает озеленение территории, в десять раз превышающее нормы озеленения Парижа и Лондона.

Естественно, что это озеленение городов будет совершаться постепенно, на протяжении многих лет, но оно обязательно должно протекать методически правильно, последовательно, по строго обдуманному плану. Совершенно естественно также, что решение планировочных задач озеленения города и отдельных его ансамблей, как с точки зрения художественной, так и с точки зрения технической, должно иметь свои специфические особенности для каждого города в отдельности. Условия климата, топографии и, наконец, особенности национальной культуры — накладывают свой отпечаток на характер озеленения. Здесь нельзя говорить о каких-либо стандартах.



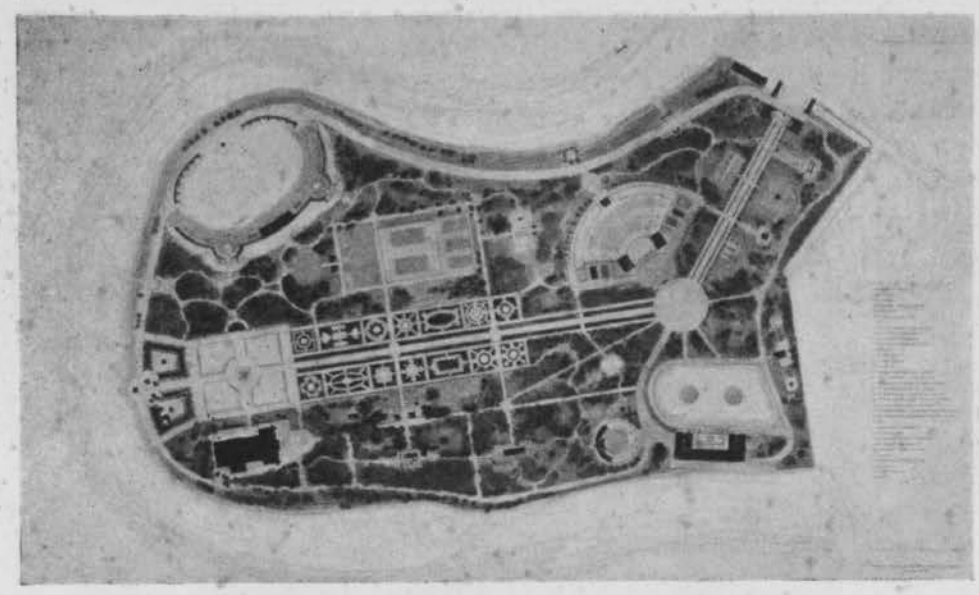
Проект центрального парка культуры и отдыха имени Кирова в Ленинграде. Рисунок акад. арх. А. С. Никольского. 1940 г.
Projet du parc central de la culture et de repos Kirov à Léningrad. Dessin par A. S. Nicolski. 1940.

Наши города осуществляют задачу озеленения весьма различно. Различны, поэтому, и успехи озеленения. Одним из положительных примеров в этой области является озеленение Баку—города, в котором до Великой Октябрьской революции зелень почти отсутствовала. В настоящее время здесь создан большой Нагорный парк, по проекту проф. Л. А. Ильина. Эта работа представляет крупное явление в нашей небогатой еще опытом практике создания новых парков.

Сложный рельеф Баку прекрасно учтен и использован в решении чрезвычайно своеобразной планировки парка. Простыми, но выразительными средствами решены подпорные стенки, террасы, дорожки. Зодчий использовал местные каменные породы и методы кладки. Надо предполагать, что и пейзаж сохранит здесь своеобразие восточного города. Проектный материал говорит о большом мастерстве автора и его любви к архитектурному построению зеленого массива. Целый ряд улиц и площадей Баку получил новое зеленое убранство. Большие озеленительные работы проведены и в пригородах. Все эти мероприятия чрезвычайно благоприятно отразились на внешности города и привели, судя по статистическим данным, к резкому снижению числа заболеваний. Однако, с чисто художественной точки зрения, внутригородское озеленение еще не свободно от штампов. В зелени бульваров и площадей еще не найдено специфическое лицо этого города. В частности, это касается плана озеленения центральной площади, геометрическая структура которой мало выразительна.

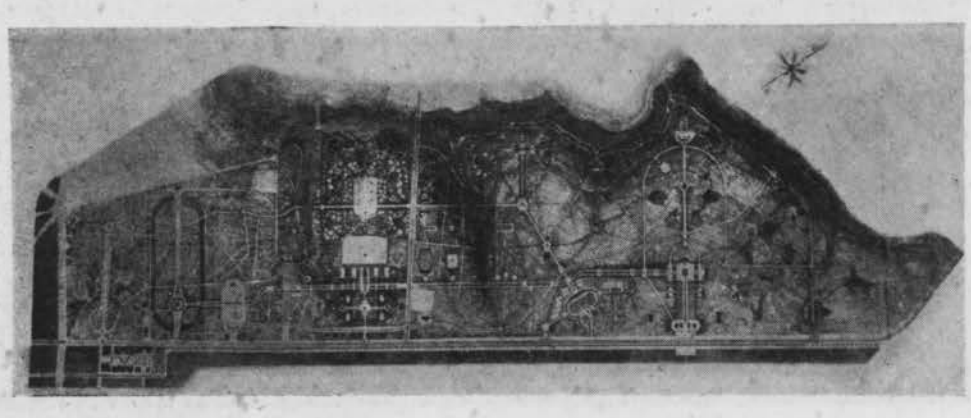
Интересные работы по озелене-

Генплан. Акад. арх. А. С. Никольский. 1932—1938 гг.
Plan d'ensemble. A. S. Nicolski, membre de l'Académie. 1932—1938.



Проект планировки Центрального парка культуры и отдыха в г. Грозном. Генплан. Арх. Т. Б. Рапопорт и Л. С. Залесская.
Projet d'aménagement du parc central de la culture et de repos à Grozni. Plan d'ensemble. T. B. Rapoport et L. S. Zaleskaia, architectes.

Парк Сталинского района в г. Ереване. Генплан.
Parc de l'arrondissement Staline à Erévan. Plan d'ensemble.



Центральный парк культуры и отдыха в Харькове. Генплан.
Parc central de la culture et de repos à Kharkov. Plan d'ensemble.

нию пригородов и самого города проведены в Ленинграде. Заслуживает в этом отношении внимания работа, проделанная проф. Дубяго, по реконструкции Летнего сада.

Большой интерес представляет также озеленение Марсова поля, в прошлом — пустыря. В годы гражданской войны здесь построен памятник на братской могиле и проведены озеленительные работы, к которым было широко привлечено население. По своей архитектуре (автор—акад. арх. Л. В. Руднев)—это один из удачных примеров простого и сильного решения ансамбля.

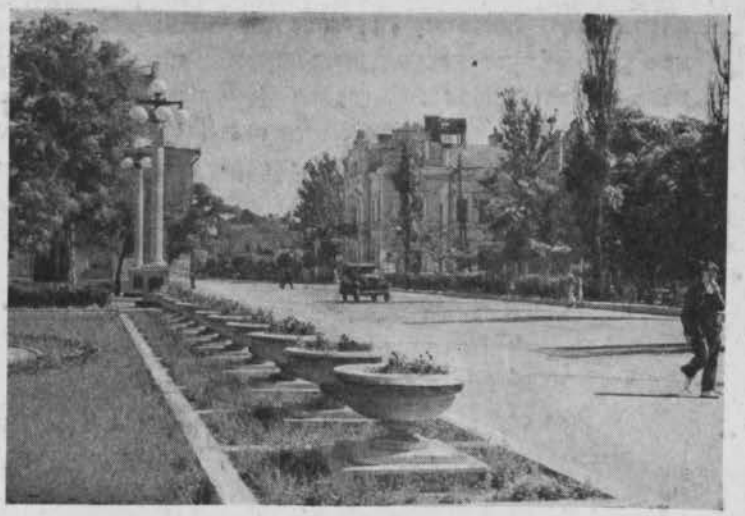
К сожалению, Ленинград еще недостаточно внимательно относится к сохранению исторических памятников в своих окрестностях. В частности, Павловский парк находится в состоянии крайней запущенности.

В Москве, в практической работе по озеленению, сделано еще чрезвычайно мало. Не обеспечено в надлежащей мере даже сохранение существующих зеленых массивов. Объясняется это, в первую очередь, отсутствием надлежащей базы нового посадочного материала и бедностью его ассортимента. В то же время, в Москве проделана очень большая проектная работа. Ряд эскизных проектов, как, например, проекты парка в Кускове, в Измайлове, в Кузьминках и в других местах, разработан внимательно, с большим знанием дела.

Основным недостатком проектных работ по озеленению Москвы следует считать некоторую стандартность в застройке парков. Это объясняется тем, что проектные задания составляются для всех парков по одному образцу, хотя в общей системе города их назначение чрезвычайно различное. Правильно было бы ставить более ясно вопрос о профиле данного парка. Далеко не во всех парках целесообразно, например, устройство аттракционов в столь широкой и в то же время в столь однообразной форме. Такой же стандартный подход наблюдается и в решении отдельных парковых сооружений. Все они, как правило, решаются в дереве и носят характер временных сооружений, несмотря на то, что в экономическом и эстетическом отношениях этот метод застройки невыгоден и ведет к излишнему захламлению территории и к порче пейзажа.

На юге, в частности, в Сочи, Ки-

Москва. Площадь Коммуны.
Moscou. Place de la Commune.



Минск. Сквер у Дома Красной армии.
Minsk. Square près de la Maison de l'Armée rouge.

Ереван. Сад имени 26 комиссаров.
Erévan. Jardin „des 26 commissaires".

Одесса. Улица Пастера.
Odessa. Rue Pasteur.

Одесса. Городской сад.
Odessa. Jardin public.

Харьков. Парк.
Kharkov. Parc.

словодске, Тбилиси, озеленительные работы проводятся довольно широко. В целом ряде санаториев (например, в санатории Наркомата обороны в Сочи) созданы хорошие парки.

Большой интерес, с планировочной стороны, представляет в Сочи прогулочная магистраль, хотя ассортимент растительности подобран здесь недостаточно удачно.

Зеленое строительство в наших городах находится еще, в основном, на первой ступени своего развития. Здесь имеется, правда, ряд достижений, но они не умаляют значения весьма существенных недочетов. К числу основных недочетов в этой области следует, прежде всего, отнести недостаточно развитую базу посадочного материала и бедность ассортимента зеленых насаждений. Это, в первую очередь, относится к Москве и Ленинграду. Неразвитое питомное хозяйство и ограниченность ассортимента чрезвычайно затрудняют в этих городах осуществление проектов озеленения в натуре. Большим недостатком является и то обстоятельство, что застройка зеленых массивов (различными сооружениями и малыми формами) проводится в ряде случаев на низком художественном и техническом уровне. Почти все парки чрезмерно захламлены этими временными сооружениями, сильно тормозящими озеленительные работы на территории. Наряду с этим, весьма отрицательно сказывается на развертывании озеленительных работ и отсутствие тщательно разработанного плана последовательного озеленения города. Это приводит к нецелесообразным затратам и к несовершенным, с художественной и технической сторон, решениям. Невысокий художественный уровень озеленительных работ объясняется и слабым привлечением к этому делу квалифицированных мастеров. Это обусловливается, повидимому, и отсутствием необходимых кадров архитекторов, сведущих в области зеленого строительства.

Все эти, как и многие другие, недочеты не дают возможности поставить на должную высоту работы по озеленению городов. Состоявшееся в начале апреля с. г. всесоюзное совещание по зеленому строительству со всей категоричностью указало, что в этом деле необходим коренной перелом.

Это тем более необходимо, что в нашей стране существуют все возможности для создания образцовых городских парков, садов, бульваров, скверов и озелененных улиц.

Ленинград. Летний сад.

Léningrad. Jardin d'été.

ЗЕЛЕНЫЕ НАСАЖДЕНИЯ КИЕВА

Проф. П. ХАУСТОВ

Киев характеризуется чрезвычайно своеобразным рельефом. Изломанность рельефа определяет собой общий облик города, его, так сказать, архитектурно-планировочное лицо. Киев расположен на двух берегах Днепра, причем левобережная часть города является плоской, постепенно переходящей в прилегающие к городу поля и леса. Наоборот, правобережная часть Киева находится на ряде возвышенностей, прорезанных довольно глубокими тальвегами. Основной массив города, его центральные, деловые улицы, находятся в пределах этих возвышенностей. Низменность левого берега еще более подчеркивает высотный характер основного правобережного массива.

Расположение города на ряде возвышенностей уже само по себе придает ему живописный характер, который усиливается наличием широкой реки, имеющей сильно извилистое течение, и большим количеством зелени, в частности на крутых склонах правого берега. Таким образом, три естественных фактора — рельеф, река и зелень — создают основные предпосылки общего видового восприятия города. Решающим является рельеф, который предопределяет открытие многочисленных далеких перспектив, неожиданных ракурсов и т. п.

Три элемента, о которых мы говорили, всегда имели важное значение в жизни города. Можно думать, что само основание Киева на данном месте обусловлено наличием реки и удобно защищаемых возвышенностей, которые господствуют над Днепром. Первые исторические сведения, которые мы имеем о древнем Киеве, показывают, что он размещался на Старо-Киевской возвышенности, одной из наиболее высоких точек правого берега. В последующие века Киев развивается на другой крупной возвышенности — Печерской. По сути, здесь создалось как бы два поселения, которые отделялись лесом. Лишь постепенно, уже в XIX веке, отдельные части Киева начинают срастаться в единое целое, и, в связи с этим, исчезают те обширные зеленые насаждения, которые занимали тальвег Крещатика, ныне главной улицы города, и склоны, с двух сторон подходящие к этому тальвегу. Надо сказать, что еще пятьдесят-шестьдесят лет тому назад существовали остатки этих, когда-то обширных, зеленых насаждений. К числу таких «остатков» относится обширный сад Меринга, подходивший с одной стороны на довольно близкое расстояние к Крещатику, а с другой — тянувшийся в сторону Липок. Интенсивная застройка города в конце XIX и начале XX вв. привела к быстрой вырубке последних крупных пятен насаждений в центральной части Киева и разбивке на их месте новых улиц и кварталов.

Несколько дольше сохранились пятна зелени в возвышенной части города, носившей название «Липки». До революции этот район города застраивался преимущественно особняками, при которых были обширные подчас сады, конечно, частного пользования. В послереволюционные годы в этом районе развернулась обширная новая застройка, которая создавалась здесь целыми кварталами. Тем самым значительно была уменьшена площадь зеленых насаждений этого района. В целом, последние десятилетия характеризовались сильным и во многих случаях неизбежным уменьшением зеленых площадей внутри города.

Киев. Городской парк. Kiev. Parc public.

Киев часто называют «городом зелени». К сожалению, это справедливо лишь относительно. Многие районы города, в частности такой обширный и плотно заселенный район, как Петровка, почти лишены зелени. Представление о зеленом характере Киева проистекает главным образом из наличия довольно обширных уличных посадок и живописности зеленых склонов над Днепром, хотя во многих случаях эти склоны имеют лишь травяной покров.

В настоящее время перед Киевом стоит задача не только сохранить тот зеленый фонд, которым город располагает, но и осуществить ряд реконструктивных мероприятий по созданию новых озелененных площадей, в особенности площадей общественного пользования.

Киев. Сквер.
Kiev. Square.

Киев. Каштановая аллея на улице Ленина.
Kiev. Allée de châtaigniers dans l'avenue Lénine.

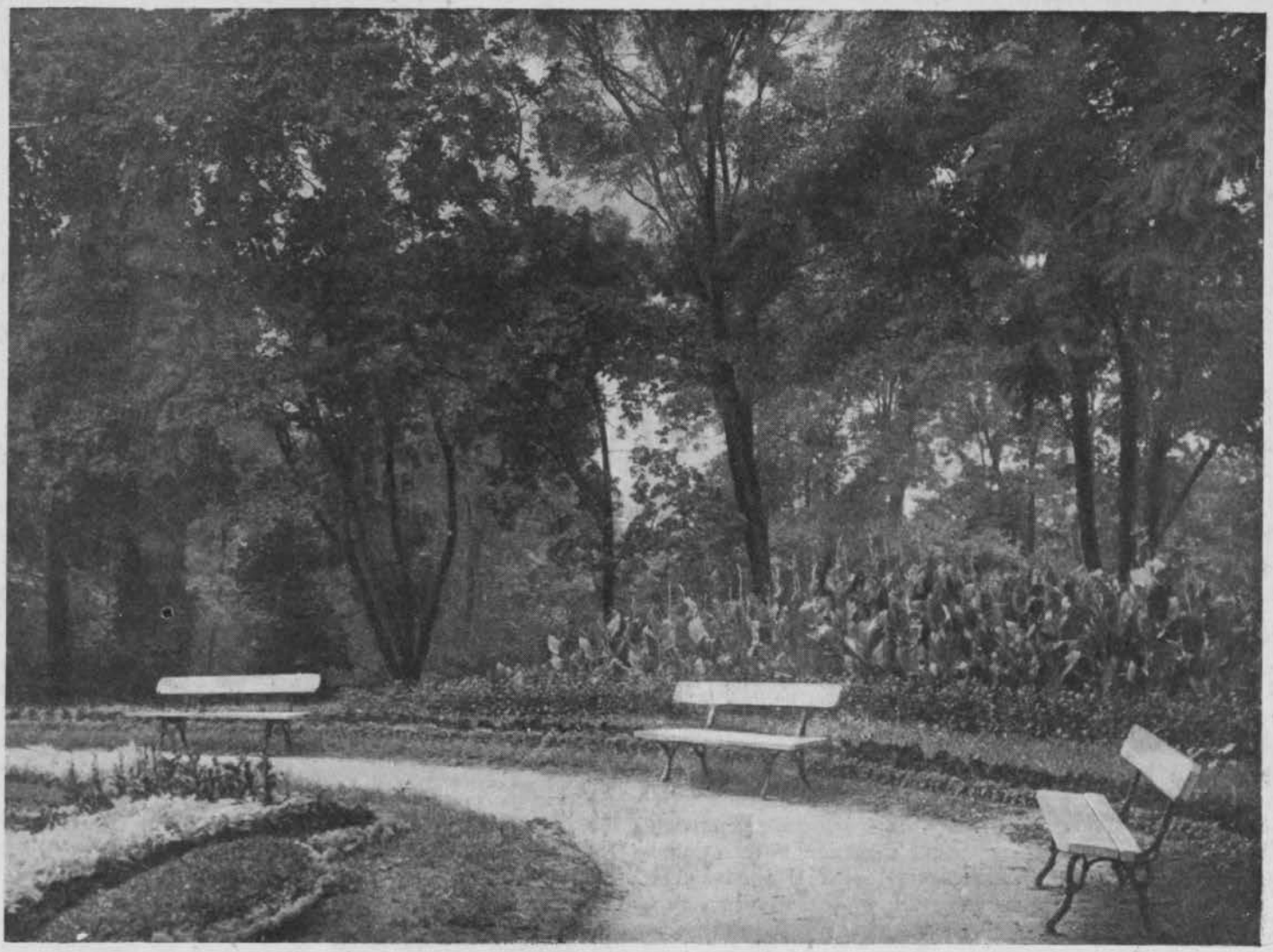
Характеризуя зеленые насаждения Киева, необходимо прежде всего остановиться на тех лесных массивах, которые окружают периферию города на довольно значительном ее протяжении. Эти зеленые массивы охватывают город с востока (Дарницкий лес), с северо-запада (лес у Пуща-Водицы и Мостища) и с запада. Затем следует разрыв, и за ним располагается Голосеевский лес. Таким образом, мы имеем контуры лесного кольца вокруг города, но с довольно большими разрывами. Наличие здесь лесов имеет значение не только для использования их под лесопарки, дачные местности и т. п., но и с точки зрения оздоровляющего влияния этих лесов на всю территорию города. В Киеве сравнительно мало пыли, особенно если сравнить его с таким городом, как, например, Харьков, где отсутствие защитной полосы лесов приводит летом к весьма сильному и частому запылению города.

Периферийные леса Киева характеризуются смешанными породами, но в некоторых массивах, как например, в Пуща-Водице и Святошине, имеются значительные массивы хорошего соснового леса.

Современное использование этих лесных массивов для нужд городского населения является еще весьма недостаточным. Генеральный план реконструкции города намечает создание в лесном поясе Киева ряда больших лесопарков, с площадью каждого из них в 200—300 га. Пока что сделаны лишь первые шаги по организации лесопарков в Голосеевском массиве и Пуща-Водице, в живописном уголке, который носит поэтическое название «Кинь грусть».

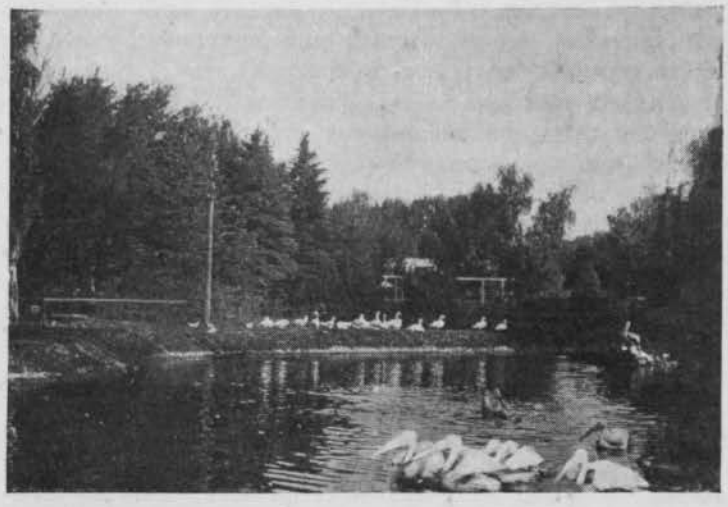
В последние годы рост городской застройки привел к тому, что в массив селитебных территорий постепенно включается район Святошина, еще 20—30 лет назад являвшийся чисто дачной местностью. Святошино имеет хороший сосновый массив, уничтожение которого, конечно, недопустимо. Здесь намечается создание зеленого жилого района, т. е. размещение зданий среди лесных кварталов. Это даст возможность сохранить большую часть зеленого фонда и вместе с тем предоставить жителям отличные гигиенические условия.

Переходя к внутригородской зелени, надо прежде всего подчеркнуть довольно неравномерный характер ее размещения по территории Киева. Основной массив организованной зелени тянется длинной и узкой полосой вдоль возвышенностей правого берега реки. Этот массив начинается с Владимирской горки и заканчивается у печерского музейного городка (бывш. Печерская лавра). Здесь расположен целый комплекс отдельных садов и небольших парков, по-разному распланированных и отличающихся различным характером древесной растительности. В этой полосе зелени находятся устройства стадиона «Динамо», с молодыми посадками зелени и большим количеством клумб, партеров и лужаек. Расположенный рядом сад пионеров в значительной части своей площади еще только осваивается растительностью и лишь отдельные его части имеют большие, ценные деревья. Наоборот, входящие в этот же комплекс зеленых массивов парк вблизи Верховного Совета УССР и Советский парк имеют богатую древесную растительность со строго распланированными дорожками и клумбами, с очень тенистыми и прохладными летом аллеями. Наконец, завершающая часть этой зеленой полосы — парк Аскольдова могила и Аносов-

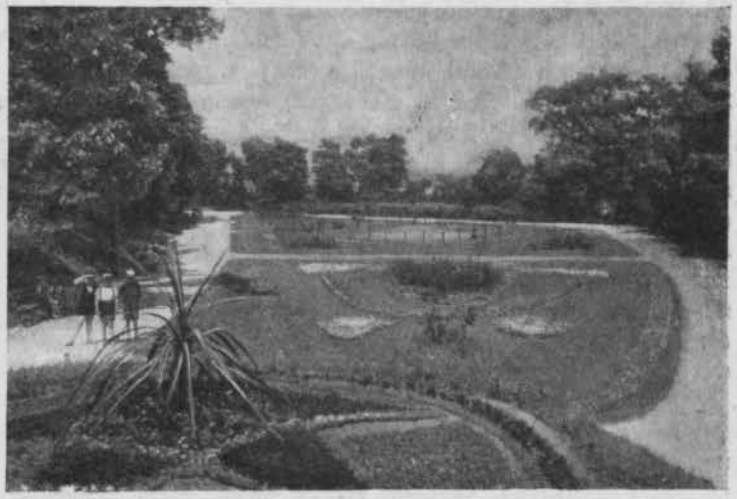


Киев. Ботанический сад.

Kiev. Jardin botanique.



Киев. Искусственный пруд в Зоологическом саду.
Kiev. Etang artificiel au jardin zoologique.



Киев. Парк «Владимирская горка».
Kiev. Parc „Plateau Vladimirski".

ский сквер — в значительной своей части имеет пока лишь молодые посадки.

Основная ценность рассмотренной группы зеленых массивов заключается в живописности их рельефа, в открывающихся с них далеких перспективах реки и Заднепровья. Самостоятельная архитектурно-художественная ценность этих зеленых массивов неособенно велика, ни с точки зрения их планировки, ни в отношении группировки зелени, подбора ее по характеру листвы и тонам окраски и т. п.

Наиболее ценным зеленым массивом Киева, в смысле подбора пород деревьев, является Ботанический сад имени Фомина. Этот сад, насчитывающий уже столетнюю давность, занимает небольшую площадь — 22 га. Расширить его невозможно, так как сад со всех сторон охвачен городскими улицами. Здесь подобрано большое количество великолепных представителей отечественной и чужеземной флоры; имеются и довольно обширные оранжереи с хорошим подбором тропических и субтропических растений. К сожалению, и Ботанический сад не отличается архитектурно-художественной выразительностью. В свое время, когда сад разбивался, перед ним ставились чисто утилитарные задачи, и никакие видовые или планировочные цели здесь не преследовались.

Имеются в Киеве и районные парки культуры и отдыха. Один из них примыкает к основной магистрали города — Брест-Литовскому шоссе. Это — Пушкинский парк. Второй парк расположен на Куреневке и носит название парка им. Шевченко. Этот парк создан на возвышенном месте с использованием живописной березовой рощи. Оба парка культуры и отдыха недостаточны по своей площади, лишены водоемов и не отличаются интересной планировкой зелени. В дальнейшем строительстве парков культуры и отдыха Киева совершенно необходимо использовать уже имеющиеся зеленые массивы в долине ручья Сырец, где возможно восстановление бывших здесь раньше живописных прудов. В настоящее время создается также парк культуры и отдыха в Пуща-Водице, где удачно сочетается богатая зелень и хорошие пруды.

Положительную оценку следует дать киевскому зоосаду, территориально граничащему с Пушкинским парком культуры и отдыха. Зоосад освоил довольно значительную территорию, расположенную в двух уровнях и имеющую хорошие древесные насаждения.

Оценивая в целом киевскую зелень общественного пользования, приходится отметить, что здесь не чувствуется еще руки садово-паркового архитектора. Отдельные, удачные в художественном отношении уголки, о которых мы говорили выше, являются лишь исключением. Киевская зелень хороша сама по себе; она долго сохраняет сочные, мягкие краски, она сравнительно мало пылится, благодаря наличию лесов вокруг города, но это все не связано с непосредственным воздействием архитекторов, оформляющих киевские зеленые массивы. Это обстоятельство дает себя знать в зелени киевских склонов, как правило, засаженных деревьями случайно, без попытки добиться, подбором пород, расположением деревьев и их колоритом, определенных видовых эффектов, которые могут здесь быть особенно выразительными, вследствие чередования цирков и контрфорсов.

В сравнительно близком от Киева соседстве находятся такие замечательные парки, как Александрийский — в г. Белая Церковь, Софиевский — в г. Умани и парк в Кагарлыке. Все эти парки пленяют не только обширностью занимаемой ими территории и богатством насаждений, но и высокой художественностью своей композиции, умелым, в частности, использованием игры разных тонов зелени. Каждый из этих парков является образцом художественного творчества, не уступающим таким классическим паркам нашей страны, как петергофский, гатчинский или сады черноморского побережья. По своим климатическим условиям Киев мало отличается от Белой Церкви, Умани и других близко расположенных к нему пунктов, имеющих ценные произведения парковой архитектуры. Между тем, в Киеве до настоящего времени не использован тот ассортимент деревьев, который отлично приспособлен к условиям киевского климата и почвы. Слабо используются в городе и различные виды декоративной зелени, которая несомненно должна получить здесь широкое применение, тем более, что Киев отличается богатством своих красок, чисто южным колоритом и сочетанием мягких тонов застройки с обильным солнечным освещением.

Мы уже упоминали, что в Киеве имеется большое количество озелененных улиц. В течение многих лет здесь систематически производилась посадка деревьев, как на главных улицах, так и на многих небольших проездах и переулках. Наличие больших ветвистых деревьев очень важно в условиях жаркого киевского лета и в то же время оно является исключительно ценным элементом оформления улицы. Уже давно Киев славится бульваром им. Шевченко (бывш. Бибиковский бульвар), засаженным тополями, создающими стройные силуэты и ритмично направляющими бульвар в даль. Тополя в настоящее время заменяются новыми. По характеру расположения бульвара, по открывающимся с него далеким перспективам, выходящим на внешнюю периферию города, здесь необходимы именно такого типа деревья, как тополь или кипарис.

В системе киевской зелени встречаются и небольшие скверы, которых насчитывается довольно много, особенно в центральных районах города (Золотоворотский, им. Франка, на ул. К. Маркса, у бывш. присутственных мест и др.). Скверы эти не представляют какой-либо художественной ценности, но зато они являются излюбленным местом отдыха для прохожих, освежают пейзаж улицы, дают тень и прохладу, тем более, что во многих из них устроены фонтаны. Переходным от сквера к саду или небольшому парку является сад им. Воровского, в котором поставлен памятник великому украинскому поэту Т. Г. Шевченко.

В заключение необходимо отметить, что в области реконструкции зелени перед киевскими архитекторами стоят сложные и ответственные задачи. Задачи эти сводятся не только к освоению новых, обширных площадей и к созданию ряда районных парков культуры и отдыха, но в равной мере и к повышению художественного уровня всей садово-парковой архитектуры.

Стремление превратить Киев в один из образцовых городов Советского Союза не может быть претворено в жизнь, если мы не добьемся отличного качества зеленых насаждений города, не только в утилитарном, но и в архитектурно-художественном отношении.

Тбилиси. Набережная.

Tbilissi. Quai.

КОМПОЗИЦИЯ И АССОРТИМЕНТ ПАРКОВЫХ НАСАЖДЕНИЙ ТБИЛИСИ

М. НЕФЕДОВ

Климатические условия Тбилиси дают возможность использовать при его озеленении чрезвычайно обширный растительный ассортимент — от древесных и кустарниковых пород приполярной зоны до дендрофлоры субтропических стран. Это обстоятельство позволяет архитектору-озеленителю пользоваться в своей творческой работе богатой и сочной палитрой.

Основным моментом в подборе ассортимента является соотношение между вечнозелеными и листопадными деревьями.

В посадках «Тбилгорзеленстроя» — наиболее мощной садостроительной организации города — хвойные деревья, составляющие основную массу вечнозеленых насаждений, заняли в 1939 году 12,3%, а в 1940 г. — 18,5% (по всем видам насаждений). Более крупную роль вечнозеленые насаждения играют в строительстве парков (лесопарк на плато фуникулера имеет 21,8% вечнозеленых насаждений, парк на б. Ходжеванском кладбище — 20,8%, парк на б. Мадатовском острове — 42,7%). Строительство этих парков еще не вполне закончено, и в ближайшие годы их насаждения будут пополняться преимущественно за счет вечнозеленых пород. Еще значительнее процент вечнозеленых насаждений в старых садах и парках (от 18,6% до 55,9%).

Среди хвойных деревьев, применяемых в озеленительной практике г. Тбилиси, особенной декоративностью отличаются: кипарис (пирамидальный и горизонтальный), кедр, сосна (крымская эльдарская, пицундская и др.), туя и тисс.

Сохранение, в значительной мере, круглогодичного декоративного эффекта насаждений является одной из отличительных особенностей ряда тбилисских парков.

Такие объекты, как улица Челюскинцев возле нового цирка, парк физкультуры, новый сквер на территории старого цирка, сквер на спуске Эльбакидзе, парк на бывш. Мадатовском острове и проспект Руставели, где вечнозеленая флора представлена многочисленными экземплярами, даже в зимнее время создают впечатление, что Тбилиси весь в зелени.

Большое значение при подборе ассортимента имеет введение пород с мощной кроной, образующих тень в летние знойные дни.

Специальные исследования, проведенные тбилисским Ботаническим институтом, показывают, что на

Тбилиси. Проспект Руставели.

Tbilissi. Avenue Roustaveli.

озелененных площадях Тбилиси, под пологом растений, в жаркие дни создаются более благоприятные условия теплоощущения, чем на открытых местах. Это обстоятельство диктует необходимость широкого внедрения здесь древесных пород, обладающих густой и раскидистой кроной. Чем выше отеняющая способность насаждений, чем они плотнее и чем больше занимаемая ими площадь, тем легче дышится в парке.

В садостроительной практике Тбилиси наиболее тенеобразующей способностью отличаются следующие лиственные породы: платан, клен, катальпа, лилиодендрон, конский каштан, карагач, орех и липа. Ива, лох, мелия, тополь, а также некоторые другие деревья характеризуются менее густой кроной, а гледичия, белая акация, софора и другие породы тени почти не дают.

В посадках 1939 г. (на четырех крупнейших парковых объектах) деревья первой категории составляли около 50,2%, второй — 25% и третьей — 24,8%. В старых парках деревья первой категории составляют около 35,0%, а деревья третьей категории — 50,6%. Таким образом, с точки зрения тенеобразования, ассортимент древесных пород в парковом строительстве Тбилиси изменился в лучшую сторону.

Иное положение наблюдается в уличных посадках: здесь, как и раньше, преобладают софора и акация, изредка сажаются платан и ильм (карагач).

Плотность насаждений в старых и новых парках может сопоставляться лишь условно, так как за те десятилетия, которые прошли со времени разбивки старых парков, многие деревья в них, по разным причинам, погибли. Все же можно отметить, что в зеленом строительстве Тбилиси наблюдается тенденция в сторону повышения плотности насаждений.

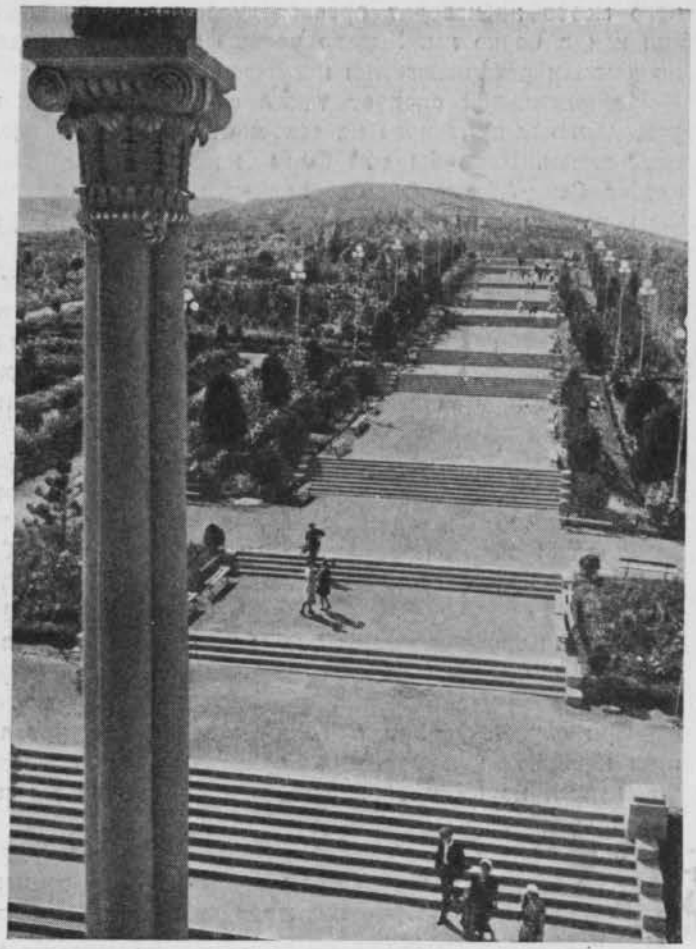
Декоративная ценность насаждений определяется, в конечном счете, их формой и цветом — общим тоном окраски штамба и кроны, габитусом дерева, формой листьев и цветением.

Тополь и кипарис имеют пирамидальные и горизонтальные формы, сосна и ель — темную и светлую окраску хвои, акация и софора обладают мелкой листвой, платан, катальпа и орех — крупной листвой. У катальпы — белые цветы, у шелковой акации — розоватые, у граната — яркокрасные, у глицинии — фиолетовые, у китайского жасмина и золотого дождя — желтые и т. д. Умелое использование всего этого богатства форм и красок может придать чрезвычайно разнообразный и художественный колорит зеленым насаждениям.

• • •

Дореволюционная практика зеленого строительства в Тбилиси не оставила после себя проектных материалов. Некоторые документы позволяют считать, что проекты разбивки парков и скверов все же составля-

Тбилиси. Ботанический сад.
Tbilissi. Jardin botanique.



Тбилиси. Центральный парк культуры и отдыха.
Tbilissi. Parc central de la culture et de repos.

лись. Что же касается дендропроектов, то дореволюционная практика повидимому их вовсе не знала.

В первые годы существования Советской Грузии зеленое строительство в Тбилиси также осуществлялось или вовсе без проектов или с существенными от них отклонениями. Однако, начиная с 1938 г., в результате усиления кредитно-финансовой дисциплины, положение резко меняется к лучшему, и проект входит основным документом в практику зеленого строительства.

Несколько хуже обстоит дело с качеством и полнотой проектного материала.

В настоящее время обычно разрабатывается проект планировки и дендропроект, причем первый сводится в большинстве случаев к проектировке дорожной сети, а второй — к размещению древесных насаждений.

Проекты вертикальной планировки, поперечные и продольные разрезы сплошь и рядом отсутствуют, не разрабатываются и отдельные элементы пейзажной архитектуры, а проекты малых форм охватывают только единичные объекты. Агротехнические вопросы находят свое отражение лишь в сметах.

Все это снижает качество проектирования и ведет к разрозненному выполнению отдельных процессов зеленого строительства.

При композиции зеленых насаждений и подборе ассортимента важное в декоративном отношении значение имеет сочетание габитуса растений.

Расположение в одном проектном разрезе хвойных и лиственных пород, пирамидальных и горизонтальных видов деревьев не даст художественного эффекта. Контурная линия получится ломаной, асимметричной, контрасты — случайными и неорганизованными и, вдобавок, деревья будут мешать друг другу в своем развитии. Пример такого рода неудачного расположения деревьев можно видеть на набережной 1-й очереди, где пальмы, катальпа и альбиция были посажены в окружении тополя. Тополь в своем буйном росте перекрыл другие деревья, и они начали хиреть, потеряв всякое декоративное значение.

Набережная 1-й очереди (1935 год) озеленялась не по проекту и засаживалась случайными породами. Плотность насаждений была доведена до чрезмерно высокой степени. Случайно посаженными на этой набережной оказались и хвойные деревья. Многие из них уже погибли, а те, которые сохранились, летом скрыты в гуще лиственных пород, а зимой — одиноко и сиротливо стоят внутри куртин, среди деревьев с опавшей листвой. В последних работах по парковому строительству такие ошибки уже не допускаются, и парк на набережной 2-й очереди (бывш. Мадатовский остров) радует глаз своей художественной выразительностью.

Гористый рельеф Тбилиси требует специальной композиции растительных форм в парках.

Кипарисы на горке в Ботаническом саду возле ароч-

бывш. Чемберекендский парк реорганизуется в парк Пионеров (автор — арх. В. М. Иванов, при участии арх. М. Б. Хачатуровой) и т. д.

Как в городском, так и в промысловом районах создается много скверов и садов, широко развертывается внутриквартальное озеленение. Озеленяются заводские кварталы. На заводской территории разбиваются прекрасные сады (сад Мясокомбината). В городе созданы кольцевые бульвары, расширен приморский бульвар. Ряд заболоченных и захламленных в прошлом территорий превращен в скверы. Таковы скверы — им. 26 бакинских комиссаров, им. Петрова, им. Фиолетова и др. Ряд основных и второстепенных магистралей города имеет в настоящее время озелененные рабатки, создающие тень и прохладу. Продолжение Самур-Дивичинского канала до Апшерона и создание в недалеком будущем, в непосредственной близости от Баку, огромного водного зеркала пригодной воды, должны в значительной степени изменить весь окружающий Баку пейзаж.

Самур-Дивичинский канал, подведенный к городу, даст возможность превратить полупустынную зону в большой лесопарковый массив. Перед бакинскими архитекторами, работающими в области зеленого строительства, в связи с подачей мощных резервов воды, стоят ответственные задачи по созданию мощных зеленых пятен, которые превратят в будущем Баку в окруженный зеленью район.

• • •

Из всех имеющихся в Баку парков наиболее целостным архитектурным комплексом является парк им. Кирова (автор — проф. Л. Ильин). И в целом, и в отдельных архитектурных фрагментах решение парка характеризуется большой выразительностью. Террасирование парка на склоне холма, ниспадающего с запада на восток, в сторону бульвара и морской бухты, привело к созданию на культурно обработанном большом склоне интересного, живописного пейзажа. В основу архитектурной композиции парка положен принцип создания сети параллельных аллей и ряда террасообразных площадок. Основные аллеи парка оконтурены невысокой зеленью, не закрывающей интереснейших перспектив на город и морскую бухту. Отрицательным моментом в этом парке является недостаточное количество крупных деревьев и недостаток тени.

В жаркие летние дни в центре парка тень дают лишь интересные и не лишенные уюта беседки, но количество затененных мест не может удовлетворить всех посетителей парка, и посадка в нем ряда крупнокронистых деревьев является совершенно необходимой.

Весьма удачно осуществлен в этом парке подбор деревьев, с меняющейся по временам года окраской. Особой выразительностью отличаются часто встречающиеся здесь кипарисы.

Ответственным элементом архитектуры парка является памятник (с музеем) С. М. Кирову (автор проф. Л. Ильин и скульптор Сабсай). Это монументальное, доминирующее над городом, сооружение видно с бухты, на расстоянии многих километров. Оно является органическим завершением головной части парка. Архитектура здания музея и пьедестала решена в скупых, четких и лаконичных формах, которые, сливаясь воедино со всей архитектурой парка, создают весьма живописный ансамбль.

Другие сооружения парка — эстрада, кафе, ресторан, читальня, кино и т. д., решенные в едином стиле,— поддерживают этот ансамбль.

• • •

Парк им. Дзержинского расположен в пониженном амфитеатре, почти в геометрическом центре будущего города. Рельеф местности, образуя мягкие складки, раскрывается в сторону моря на юг. Ввиду центрального расположения парка и весьма незначительной его территории, предполагается создать здесь много площадей активного отдыха и зрелищных предприятий, а также республиканский стадион (на 30 тыс. человек), размещенный по оси естественного амфитеатра. Укрытый от ветров парк может, в условиях Баку, функционировать круглый год.

Здесь будут широко использованы вечнозеленые растения — эльдарская сосна, кипарис, маслина, а также различные экзотические растения.

Большой живописности парка можно добиться, если применять зеленые насаждения с учетом их декоративных особенностей. Широкая, шелковистая, матовая зелень инжира хорошо контрастирует с темной листвой граната. Прекрасное цветовое сочетание образует темная зелень сосны и серебристо-серая крона маслины.

Покрытые ползучими растениями подпорные стены и откосы, лавровая роща, обработанные вечнозеленым японским и китайским лигуструмом, буксусом и розмарином бордюры, цветочный каскад на переходе с нижней террасы на верхнюю, — все это удачно дополняет ландшафтную архитектуру парка.

Парк им. «Роте-Фане» расположен в центре фабрично-заводского района (Белый город). Он является наиболее старым крупнозеленым массивом города, созданным на базе сада, принадлежавшего Нобелю.

При разработке проекта реконструкции парка авторам пришлось столкнуться с существующей здесь хаотической застройкой и с отсутствием правильной планировочной композиции аллей и дорожек.

Для расширения парка, в соответствии с разработанным планом, к его восточной части прирезана значительная территория, соединяющаяся посредством мостов с узкоколейной железной дорогой.

При реконструкции парка предполагается существующую его часть отвести под сектор культуры и отдыха, а в прирезываемой территории создать физкультурный центр с оборонной работой.

Парк в основном занимает относительно небольшую территорию, на которой намечено разместить театр, кино, ресторан, детский сектор, площадки, павильоны и т. д.

В секторе физкультуры и спорта наибольшая площадь отведена под стадион, прогулочный и плавательный бассейны, душевые, ресторан и др.

Парк «Роте-Фане» запроектирован как комплекс, воздействующий на посетителей, главным образом, архитектурой своих сооружений, скульптурой и живописью.

В оформлении зелени намечено широкое использование опыта садов Азербайджана, с применением национальных форм в ковровых цветниках.

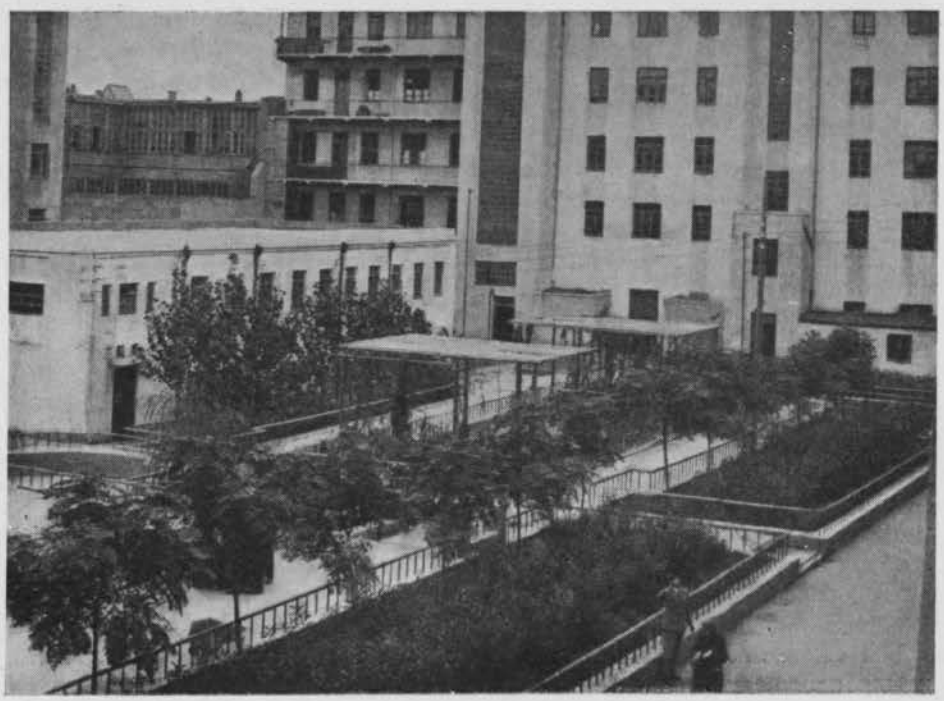
• • •

В созданных вокруг основного ядра старого города новых поселках (поселок Монтина, Шаумяна и др.)

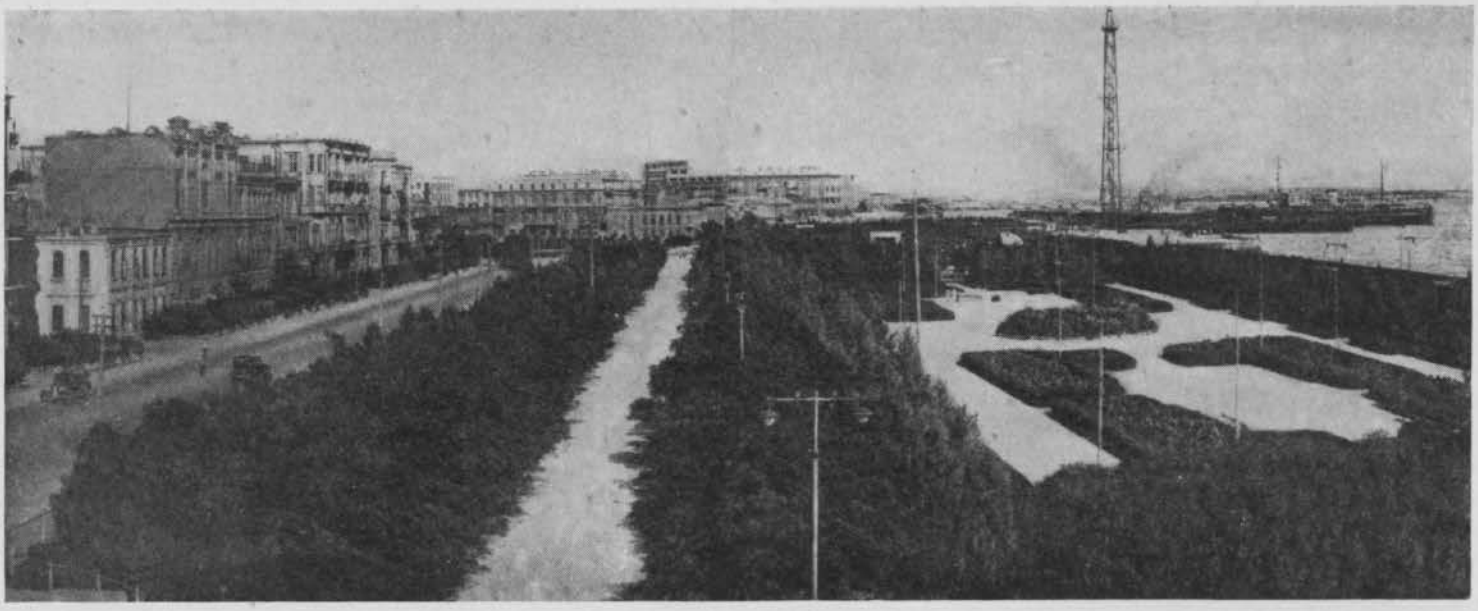
Баку. Жилой квартал.

Bakou. Nouveau quartier d'habitation.

Баку. Сквер перед зданием СНК АзССР.
Bakou. Square.



Баку. Внутриквартальная зелень.
Bakou. Verdure au centre d'un quartier d'habitation.



Баку. Набережная.

Bakou. Quai.

обращает на себя внимание обилие зелени. Крупные здания и небольшие коттеджи окружены массивами зелени, а некоторые районы фактически превращены в города-сады.

Необходимо, однако, констатировать, что в зеленом строительстве Баку имеются еще значительные недочеты, в основном относящиеся к ассортименту используемых насаждений. Основным видом посадочного материала кустарниковых пород являются олеандр и японский лигуструм, а из древесных — мелия и шелковица. Применение в массовом порядке этих пород создает однообразие. Совершенно недостаточно используется в Баку и цветочное оформление, несмотря на то, что Баку имеет все возможности для организации крупных показательных павильонов-оранжерей, в которых круглогодично произрастали бы лучшие экземпляры цветочного ассортимента — розы, цикломены, гортензии, цинерарии, гвоздика, левкой и т. д.

Городские магистрали — Коммунистическая, проспект Сталина и другие — не оставляют достаточно сильного впечатления. Применение здесь вечнозеленых древесных пород значительно обогатило бы архитектурный пейзаж улиц.

Хорошо произрастающий на бакинской почве осокорь (из класса тополей) своей широкой кроной удачно мог бы декорировать целый ряд улиц, остро нуждающихся в тени. Однако, из-за отсутствия инициативы в этом деле, в зеленых насаждениях Баку осокорь не используется.

Весьма бедно представлено здесь и пристенное озеленение, имеющее большое значение в городах юга.

Почти отсутствуют в Баку и газоны. В связи с этим, покровная почва в садах и парках выглядит серо и невзрачно. Баку, при наличии довольно значительного ботанического института азербайджанского филиала Академии наук СССР, мог бы использовать в ассортименте своих насаждений ряд декоративных и кустарниковых пород, могущих акклиматизироваться в местных условиях. К сожалению, и в этом направлении пока еще почти ничего не делается.

Скверы и парки Баку почти не отражают национальных форм. В архитектуре малых форм, заполняющих парки (киоски, павильоны, световые фонари, решетки и пр.), господствует отсебятина, безвкусица и бессистемность.

В летнее время парки заливаются по ночам морем света; они выглядели бы достаточно эффектно, если бы этому не мешали исключительно грубо выполненные здесь оформительские работы. Плакаты, стенды, временные павильоны и т. д. — сдаются «на откуп» различным малоквалифицированным художникам-оформителям и оставляют, в результате, весьма неблагоприятное впечатление.

Большим недочетом наших парков и скверов является также почти полное отсутствие фонтанов. Правда, вода, лимитируемая городским водопроводом, требует весьма бережного к себе отношения. Однако фонтаны с мелко распыленной струей (особенно при устройстве ряда циркуляционных установок для повторного использования отработанной воды) не потребуют большого количества воды и сыграют большую роль в увлажнении весьма сухого в летнее время воздуха. Такого рода фонтаны были запроектированы в саду Революции, но до сих пор они не осуществлены.

Необходимо ко всему этому добавить, что, несмотря на огромный рост зеленых насаждений в Баку за последние годы, количество их все же является совершенно недостаточным (4,4 м² на душу).

Многие из этих недочетов зеленого строительства Баку объясняются, главным образом, недостаточным вниманием к этому делу со стороны архитектурной общественности.

Лишь в последние годы Союз советских архитекторов Азербайджана стал уделять серьезное внимание вопросам озеленения и зеленого строительства. В этой области уже наблюдаются некоторые сдвиги, и можно рассчитывать, что в ближайшем будущем и по количеству и по архитектурной выразительности зеленых насаждений Баку займет подобающее место в ряду озелененных городов Советского Союза.

З Е Л Е Н Ь В Р И Г Е

О. ТИЛЬМАНИС

Рига, столица Латвийской ССР — старинный город, расположенный у Рижского залива, на устье реки Даугавы (Западной Двины). С момента своего возникновения и вплоть до середины прошлого века, город имел значение лишь как крепость. Это обстоятельство отрицательно сказалось на развитии городской застройки и особенно на развитии зеленых насаждений.

Лишь начиная с 1858 г., когда были снесены укрепления, сломаны городские каменные стены и срыты земляные валы, Рига быстро расширила свою территорию, и в настоящее время город располагает площадью величиною в 21 тыс. га.

Под застройку использована сравнительно небольшая часть этой территории, так как по природным и почвенным условиям лишь 43% всей площади, т. е. 9 тыс. га, может быть использовано для заселения. Очень большую площадь — 3400 га (17%) занимают водные пространства и 2400 га (12%) — зеленая площадь.

На территории города расселено сейчас около 400 тыс. жителей, но селитебная площадь при соответствующей застройке дает возможность расселить здесь, не расширяя границ города, до 800 тыс. человек.

Приведенные цифры свидетельствуют, что на одного жителя Риги приходится в среднем 60 м² зеленой площади.

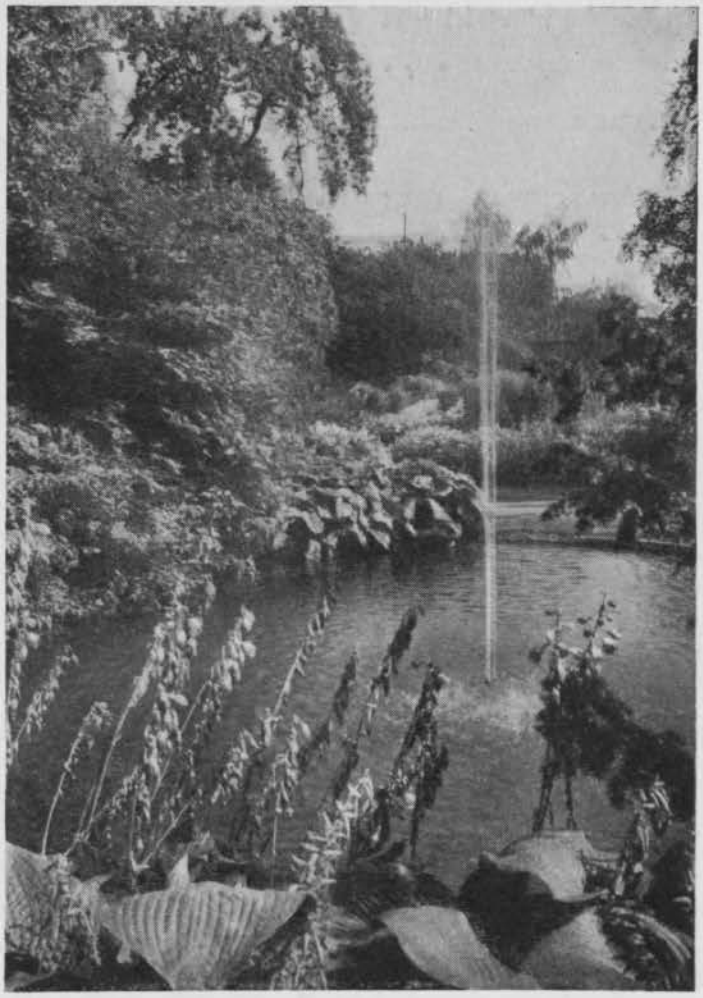
Цифра эта является весьма значительной, но надо иметь в виду, что далеко не вся зеленая площадь Риги занята открытыми парками, садами и насаждениями.

Площадь городских парков и скверов занимает всего 100 га, а площадь лесопарков с проложенными и закрепленными дорожками — 400 га. Иначе говоря, общая площадь городских зеленых земель, приведенная в надлежащий порядок, связанная архитектурно с сетью городских улиц и обеспеченная постоянным уходом, не превышает 500 га или 12,5 м² на одного жителя.

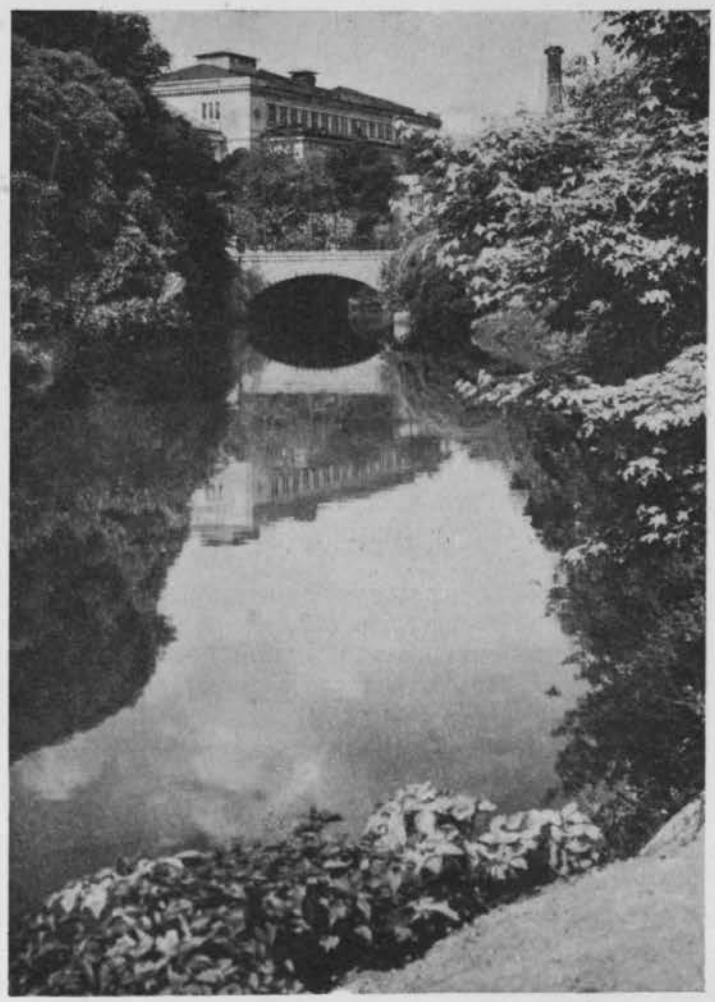
Если при этом в Риге все же чувствуется обилие зелени, то этим она обязана прекрасному состоянию го-

Рига. Зеленые насаждения у оперного театра.

Riga. Plantations près du théâtre de l'Opéra.



Рига. Зеленые насаждения «Бастионная горка».
Riga. Plantations du „Mont du bastion".



Рига. Зеленые насаждения в центре города.
Riga. Plantations au centre de la ville.

родских насаждений и их характеру, подчеркивающему естественную прелесть природы.

Большую часть зеленой площади в границах города занимают небольшие лесные массивы. Помимо этих небольших лесных массивов, расположенных в границах города, Рига располагает также обширными лесными массивами вне городской черты. В этих массивах, имеющих площадь в 80 тыс. га, находится бассейн отличной питьевой воды, добываемой системой абиссинских колодцев.

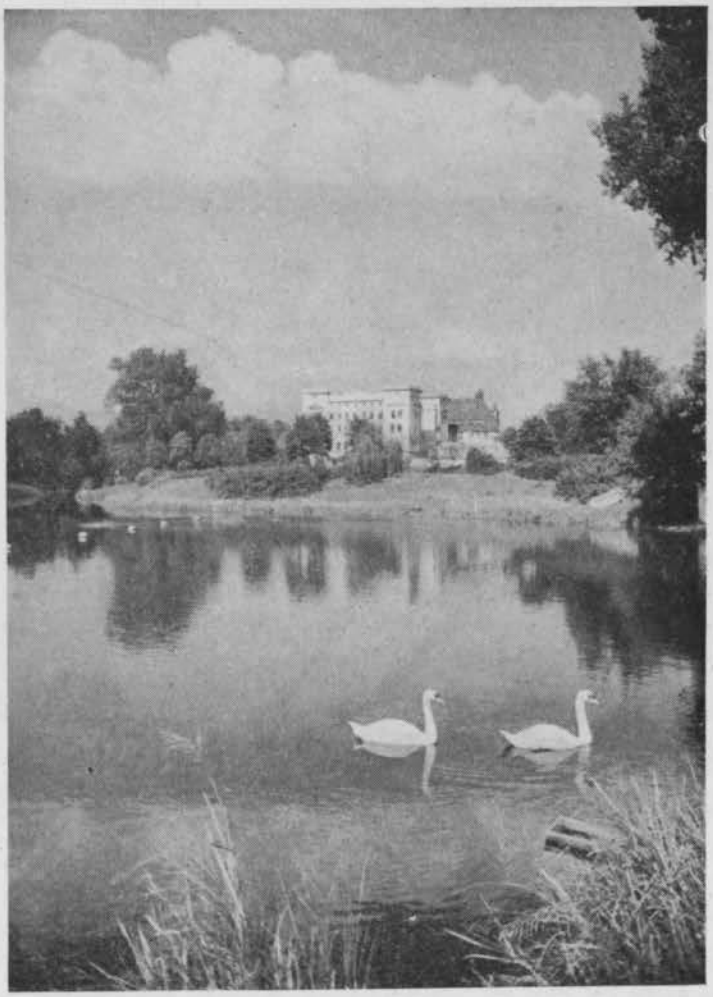
В качестве центрального мотива зеленых насаждений, в центре города, на месте бывших крепостных стен, в свое время был использован канал, сохранивший в общих чертах форму крепостного рва. Путем его частичного расширения, озеленения берегов и переброски мостиков — удалось придать окаймляющей его зелени особую выразительность.

Зеленые насаждения отличаются здесь естественной прелестью, усиленной искусно подобранными разнообразными породами деревьев, свободно разбросанными группами кустарников, цветов и трав, придающих этим центральным насаждениям облик богатой, нетронутой природы.

С юго-западной стороны старый город обрамлен набережной реки Даугавы. До 1928 г. здесь располагался во всю длину набережной центральный продовольственный рынок. После перевода рынка в надлежащие помещения эта часть города также освободилась для зеленых насаждений. Теперь эти насаждения довершают зеленое окружение старого исторического ядра городского плана Риги.

Самым старым городским парком, разбитым по плану голландских парков XVII века, с чередующимися каналами и аллеями, является сад «Виестуриса», построенный в 1921 г. за тогдашней городской чертой, а теперь находящийся вблизи центральных частей города, в его заселенной части. Деревья этого парка достигли внушительных размеров, сохранились хорошие аллеи. В парковой архитектуре чувствуется хорошее пространственное решение.

Рига. Бульвар.
Riga. Boulevard.



Рига. Сад Кронвальда.
Riga. Jardin „Kronvald".

Сад соединен с городскими питомниками. Другие парки и сады Риги разбросаны по всей территории. Каждый из них занимает площадь до 10 га.

При создании городских парков существовало стремление в максимальной мере использовать рельеф и располагать зеленые насаждения, главным образом, на возвышенных местах. Однако, ввиду плоского, в основном, рельефа города, на возвышенных местах удалось устроить лишь три парка: парк «Аркадия», «Дзегужкалнс» и «Парк 1905 г.».

Кроме того, при разбивке садов и парков, учитывалась необходимость в максимальной мере озеленить сильно заселенные места. Это обусловило озеленение жилых кварталов и создание внутриквартальных садов (парк «Зиедоня» и парк по Московской улице).

Широко использовались при озеленении города и рижские заброшенные кладбища, занимающие площадь свыше 200 га.

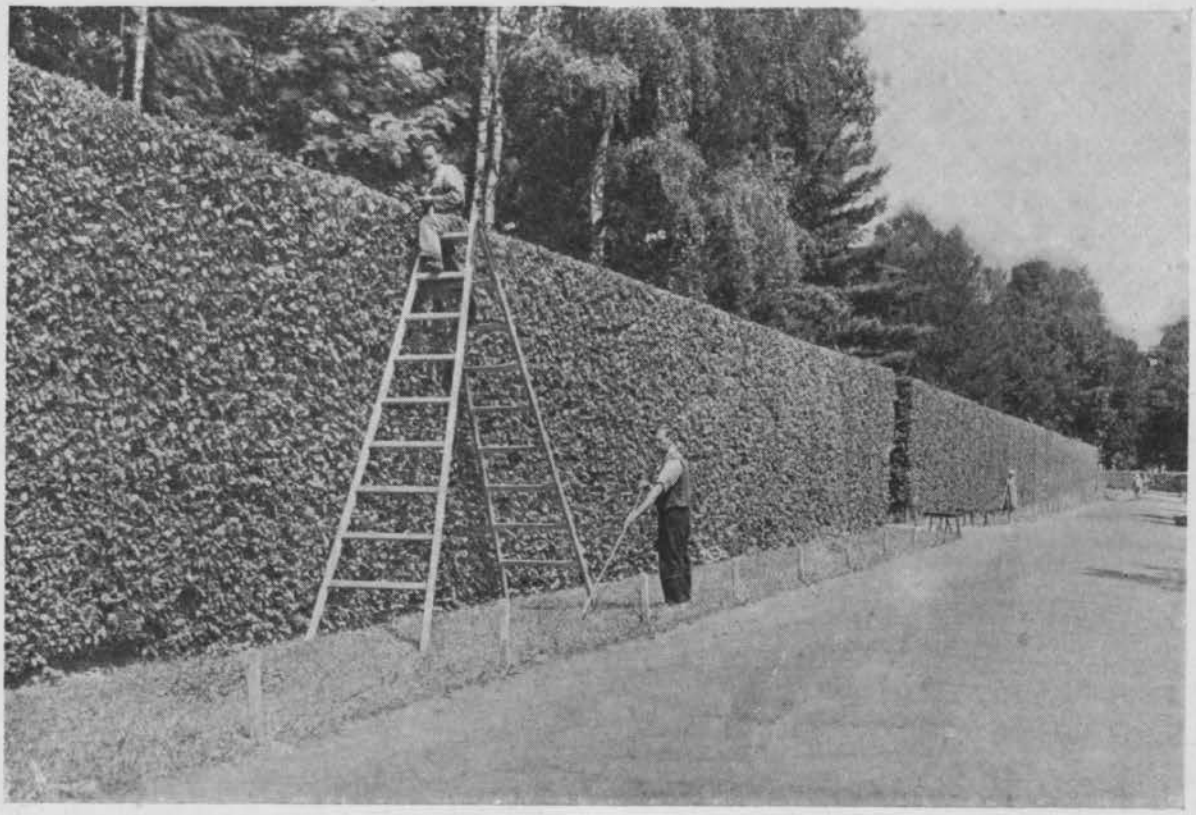
Все новые сады и парки города задуманы и исполнены в свободном стиле английских садов. Характерной особенностью рижских садов является их интимный характер. Это — сады отдыха. В них нет сооружений для развлечения (если не считать музыкальных эстрад) и для спортивных занятий.

Сады не ограждены от улиц и площадей. Дорожки отделяются от зелени невысоким бетонным окаймлением, а в более оживленных местах — и металлическим прутиком (высотою в 30 см). Охрана садов предоставлена гражданам, которые проявляют бережное и любовное отношение к зеленым насаждениям.

Сады и парки являются излюбленным местом прогулок детей. Во всех садах устроены небольшие бассейны (с фонтанами) разной глубины.

Отдельные сады соединены между собою зелеными улицами и бульварами. В садах — большое количество разнообразных цветов.

Включение Риги в сеть промышленных городов СССР ставит перед ее градостроителями ответственную задачу сохранения и увеличения зеленой площади, столь необходимой для здорового труда и отдыха.



Львов. Стрийский парк. Живая изгородь.

Lvov. Parc „Striski". Clôture formée de plantes grimpantes.

ПАРКИ И СКВЕРЫ ЛЬВОВА

В. ГАРКАВЕНКО

Львов расположен на живописной территории. Характер рельефа — сочетание удобных для застройки территорий с внезапно возвышающимися холмами — способствовал созданию здесь крупных зеленых массивов, превратившихся в дальнейшем в благоустроенные парки и скверы. Наличию в центре города небольших скверов и бульваров способствовал также снос, в первой половине XIX века, резрушившихся древних крепостных стен и других оборонных сооружений, на месте которых широко разрослась зелень. Общая площадь зеленых насаждений в настоящее время составляет 210 га (около 180 га — парков, скверов и мелких зеленых массивов, 20 га — уличных травяных и цветочных насаждений и 10 га — бульваров и озелененных площадок). В пересчете на одного жителя, получается весьма низкая норма зеленых насаждений общественного пользования — примерно 4 м². Таким образом, впечатление о Львове, как о зеленом городе, является лишь результатом удачного расположения зеленых массивов и умелого использования зеленого материала. Зелень заполняет все, даже самые незначительные клочки территории, проникает в квартал, на улицу, в усадьбу, появляется на стенах зданий, террасах и т. д.

Необходимо иметь в виду и то, что в приведенных нами цифровых данных не учтены находящиеся на территории города зеленые массивы, пока еще закрытые для общего пользования, а также крупные массивы лесистых территорий, вплотную подходящие к городу с восточной, западной и южной сторон.

• • •

Наибольший удельный вес в системе зеленого хозяйства города имеют парки. Самым живописным и наиболее крупным из них является Стрийский парк, площадью около 40 га. Разбитый в 1887 году на территории, изрезанной оврагами, парк этот служит примером того, как умелым использованием территории и удачным подбором пород растений можно добиться прекрасных пейзажных эффектов.

Стрийский парк пользуется славой одного из ценных произведений паркового искусства в СССР.

Глинистая почва, переходящая местами в песчаную, явилась достаточно подходящей для произрастания на ней богатейшего ассортимента древесных пород. Из лиственных пород здесь встречаются красные и яворовые клены, каштан, ольха, береза, бук, дуб, акации, ли-

па, рябина, яблоня, а из хвойных — ель, сосна, тис, лиственница и др. Умелым использованием рельефа и сочетанием декоративных приемов французских парков со свободной планировкой английских—здесь достигнуто большое разнообразие ландшафтных мотивов и открывающихся перспектив.

Входная часть парка изобилует разнообразным ассортиментом цветочных насаждений: горных крокусов, тюльпанов, нарцисов, роз, пионов, георгин, хризантем.

Отличительной особенностью парка является почти полное отсутствие в нем, при высокой степени благоустройства, каких бы то ни было построек зрелищного характера. Это придает парку особую прелесть и интимность. Стрийский парк заслуженно является излюбленным местом посещения жителей города.

В непосредственном соседстве с парком, на противоположной стороне Стрийской и Кадецкой улиц, находятся частично озелененные территории — Вулецкие холмы со старым кладбищем, — составляющие как бы естественное продолжение парка. Главный вход в парк расположен на улице Пулавского, обсаженной с обеих сторон деревьями и оформленной двумя партерами цветочных насаждений.

Не меньший интерес представляют входы со Стрийской улицы: ближний, расположенный на возвышенности, сразу раскрывает перед посетителем богатую ландшафтную панораму, а дальний — представляет собой аллею, обсаженную с обеих сторон сплошной стеной стриженых «Fagus silvatica», высотой около 3,5 м.

Второе место, по величине и природным качествам, занимает парк Высокий замок, площадью около 30 га. Благодаря своему возвышенному положению, парк имеет ряд видовых террас, площадок и аллей, расположенных в три яруса, с которых открываются прекрасные перспективы на город.

Планировка парка — свободная, с удачным использованием резко выраженного рельефа, с рядом серпантинных аллей, с каменными лестницами.

Большая часть площади парка представляет собой цветники, партеры и клумбы.

Из древесных пород превалируют березы, сосны, каштаны, граб. Встречаются и редкие породы: «Abies concolor», «Ginco», «Bioba» и др.

Парк перед зданием Государственного университета имени Ивана Франко, с площадью около 12 га, находится в самом центре города. Это — один из старейших городских парков, разбитый на болотистой, в прошлом, территории, за городской крепостной стеной древнего Львова.

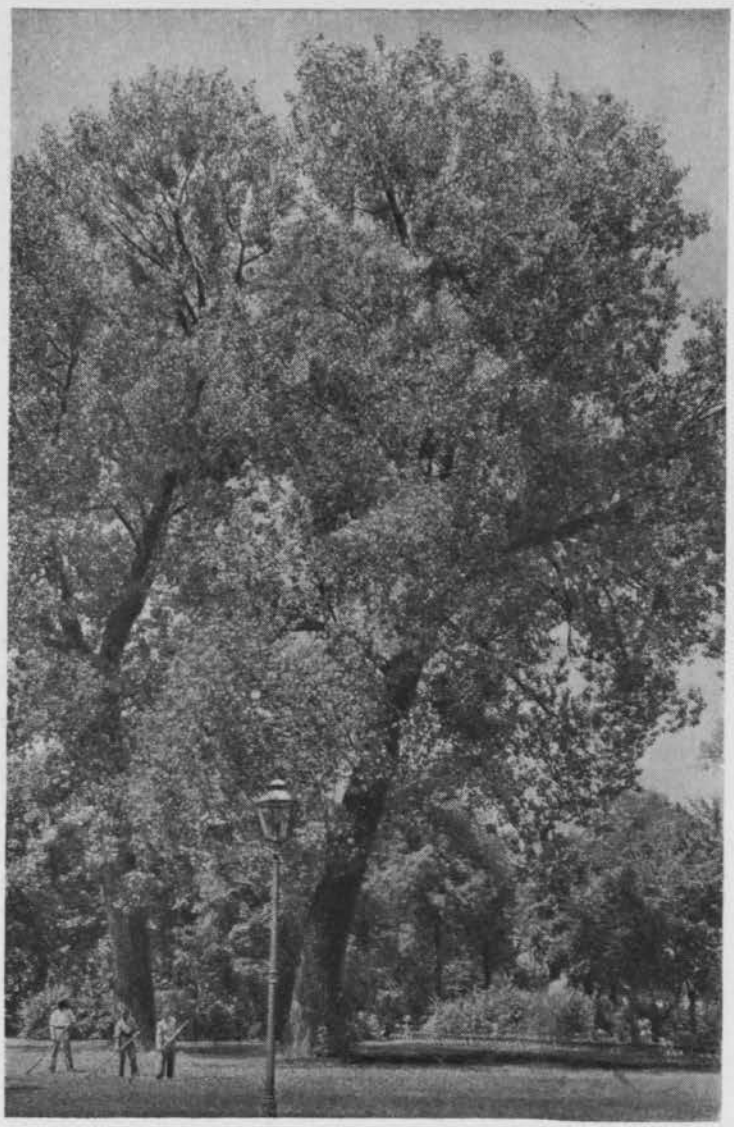
Рельеф парка — спокойный, с общим уклоном к зданию университета. Университет и парк — единый ансамбль, единое неразрывное целое. Главный вход (со стороны университета) представляет собой прекрасный партер из цветочных растений, дополненный скульптурными элементами паркового характера. С верхней части парка открывается вид на силуэт Высокого замка.

Парк Железная вода расположен на возвышенных склонах, над поймой реки Полтвы. Площадь его — около 18 га. В связи с его возвышенным положением, парк представляет прекрасное место для зимнего спорта.

В нижней части парка находится водный бассейн с железистыми источниками. Заслуживает внимания расположенный здесь крупный массив природного бу-

Львов. Стрийский парк.
Parc „Striski".

Львов. Лычаковский парк.
Lvov. Parc „Litchakovski".



Львов. Парк при университете.
Lvov. Parc de l'Université.

Львов. Парк «Высокий замок».
Lvov. Parc „Haut château".

кового леса. Планировка парка — естественная со свободным рисунком парковых дорожек.

Лычаковский парк (площадью около 8 га) — наиболее молодой парк в городе. Он основан в 1892 году на возвышенном плоскогорье, представляющем собой песчаные дюны. В связи с этим, ассортимент пород не отличается разнообразием; из парка открываются хорошие виды на город.

Помимо этих, более или менее значительных, парков, в городе имеется также большое количество других, небольших благоустроенных парков и скверов, оборудованных для отдыха трудящихся.

Львов, в центральной, наиболее древней своей части, лишен зеленых насаждений и характерен узкими, сплошь застроенными улицами, оформленными лишь газовыми фонарями. Однако и тут изредка встречаются хорошо озелененные бульвары и древесные насаждения на улицах, как, например, Бульвар 1-го мая, заложенный в XVIII веке, на месте древних укреплений.

Начинаясь от театра оперы и балета, бульвар переходит дальше в комплекс Марьяцкой и Галицкой площадей и в бульвар на Академической улице.

С центральной аллеи открывается перспектива на театр и на памятник польского народного писателя Адама Мицкевича.

Бульвар засажен четырьмя рядами кленов с зеленой и красной листвой, каштанами, акациями и ясенем, а также низкой стриженой кустарниковой растительностью (жасмин, барбарис и др.). С обеих сторон аллеи и в центре бульвара расположены цветники и клумбы.

Бульвар на Академической улице — это аллея стриженых пирамидальных тополей, соединенных между собой гирляндами дикого винограда. Прогулочная полоса по оси бульвара засажена «рабатками» из роз.

Определенный интерес представляет и небольшой сквер в конце Академической улицы, оформленный в стиле «модерн», с рабатками, цветниками, шарообразно остриженными деревьями.

Радянский бульвар, расположенный на возвышенной террасе, параллельно улице «Подвале», основан на месте крепостных стен древнего Львова. На его территории сейчас находится «пороховая башня» XVI века.

Из второстепенных бульваров и скверов очень приятное впечатление производят Вокзальная улица с широким цветником (между двумя полосами проезжей части), а также скверы на Галицкой, Марьяцкой, Бернардинской и других площадях.

Во Львове распространен прием создания между тротуарной полосой и застройкой зеленых газонов в 2—4 м ширины. Газоны засеваются травой и засаживаются цветами, что, даже при небольшой ширине зеленой полосы, дает определенный эффект.

В ассортименте уличных древонасаждений Львова, помимо обычно используемых здесь пород — конского каштана, тополя, клена, акации, березы, липы — встречаются также более редкие представители древесной флоры — платаны, мелколистый ясень, кратегусы и т. д. Интересными здесь являются сочетания пирамидально и шарообразно остриженных деревьев, а также наличие цветущих и даже плодовых деревьев (японская черешня, садовая черешня, вишня и т. д.).

* * *

Зелень во Львове является неотъемлемой частью ансамбля. Так, например, в городе зачастую можно увидеть на фасаде здания сплошную стену дикого винограда, высотой в 4—5 этажей; целые улицы, застроенные малоэтажными зданиями, утопают в зелени. Зеленый материал участвует не только в оформлении горизонтальных поверхностей, но входит и как составная часть «вертикального» решения — цветочные насаждения проникают на балконы верхних этажей и даже на столбы уличных фонарей. Легкая из проволочной сетки или штахетная ограда, обвитая плющом, хмелем, или диким виноградом, удачно вписывается в этот зеленый ансамбль.

В 1939 году в результате военных действий, во Львове было разрушено значительное количество древесных насаждений. В 1940 году Тресту зеленого строительства пришлось провести здесь крупные работы по их восстановлению и пополнению. Осуществление этих мероприятий закончится в текущем году. Попутно проводятся работы по созданию новых благоустроенных скверов и других мест отдыха трудящихся города. Перед строителями зеленого хозяйства стоит крупнейшая задача по организации Парка культуры и отдыха, для которого отводится лесистая территория «Погулянка», находящаяся в непосредственной близости от центрального ядра города и обладающая живописным рельефом. В настоящее время уже проводятся подготовительные мероприятия по освоению части этой территории.

Проект этого парка (на территории около 400 га) разработан львовским филиалом «Гипрограда», который одновременно заканчивает и работы по составлению генерального проекта реконструкции города и по разработке общей схемы зеленых насаждений.

Основная задача проектировщиков заключается в том, чтобы обеспечить максимальное развитие зеленых насаждений и, в первую очередь, на рабочих окраинах, о которых меньше всего заботилась польская «шляхта».

Свободный украинский народ, входящий в дружную семью народов великого Советского Союза, имеет неограниченные возможности для превращения старинного города Львова в новый социалистический зеленый город.

Львов. Академическая улица.
Lvov. Rue „Académitcheskaia".

Львов. Сквер на Марьяцкой площади.
Lvov. Square place „Mariatskaia".

ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА В КУРОРТАХ

В. КАКОВСКИЙ

Одесса. Парк при санатории для туберкулезных больных.
Odessa. Parc au sanatorium pour les tuberculeux.

Одесса. Хаджибеевский курортный парк.
Odessa. Parc à la station de cure de „Khadjibeï".

Каскады в курорте Ворохта (Западная Украина).
Cascades à la station de cure „Vorokhta" (Ukraine Occidentale)

Ландшафтная архитектура, как искусство, имеющее целью создавать в различных местностях композиции природы, только недавно зародилась у нас в ее новом понимании и имеет большое будущее в стране социализма.

В курортах должны преобладать ландшафты эстетически-культивированной природы. К таким ландшафтам, наряду с требованием художественности, должны предъявляться требования медицинского порядка.

Можно наметить два основных вида курортной ландшафтной архитектуры: а) курортный парк и б) санаторный сад (нервно-соматического, туберкулезного или иного профиля). Курортные парки, открытые для всех трудящихся, носят общедоступный характер. Санаторные сады, обслуживающие только больных и отдыхающих определенных санаторий, по возможности, отвечают специфике этих санаторий, составляя неотъемлемое и весьма важное продолжение их на открытом воздухе. При проектировании курортных парков и санаторных садов, вся сущность и вся трудность сводится к тому, чтобы найти соответствие между режимом лечения и отдыха и оформлением ландшафта и его отдельных элементов.

Курортологи разделяют климатические и ландшафтно-архитектурные воздействия на две группы: «раздражающие» и «щадящие». Необходимо поэтому серьезно заняться изучением ландшафтно-архитектурных влияний на человека для того, чтобы правильно применять ландшафты в качестве «раздражающих» и «щадящих» факторов в курортах.

Различные формы растений воспринимаются людьми неодинаково. Особенности форм крон деревьев дают материал для воздействия на лечащихся и отдыхающих в курортных парках и санаторных садах. Другие признаки растений, как высота, компактность, цвет, характер ствола, ветвления, листвы, цветения и плодоношения, аромат, шелест листьев — еще больше увеличивают выбор средств воздействия на больных.

Как средство ландшафтно-архитектурного воздействия растения имеют большое значение, благодаря их сезонной динамике. Развитие деревьев и кустарников весной, распускание почек, нарядное цветение, созревание плодов и красочное разнообразие листвы в осенние месяцы — все это очень тонкие и нежные средства влияния на больных и отдыхающих в курортных ландшафтах.

Один из способов регулирования ландшафтно-архитектурных факторов — это группировка растений. Художественная группировка растений — это синтез природы и искусства, действующий на психику человека сильнее, чем сама по себе природа. Группа деревьев может быть центрированная, привлекающая и тем напрягающая внимание больного, и эксцентрированная, рассеивающая внимание и как бы «щадящая» психические силы человека. Уравновешенные и пропорциональные

группы производят спокойное впечатление. Контрастные по характеру, цвету листвы и цветения сочетания растений, в противоположность спокойным сочетаниям, относятся к «раздражающим» факторам.

Наконец, наиболее мощный фактор ландшафтно-архитектурного воздействия — ландшафт в целом. Тут можно говорить о роли растительности в пространстве и о сочетании растительности с землей, скалами, водой, светом, дорогами, строениями, скульптурой и пр. Сюда относятся панорамы, растительные ансамбли и перспективы.

Пересеченный рельеф местности, скалы, имеющие характер утесов, текучая или волнуемая ветром вода, извилистая и беспокойная по своему профилю дорога, контрастирующая с местностью архитектура и скульптура, прорывы яркого, солнечного или искусственного света, — все это важные ландшафтно-архитектурные факторы. При помощи растительности можно иногда усилить резкость этих явлений, например, на островершинном холме посадить пирамидальную растительность, что еще ярче выразит образ холма, и можно смягчить впечатление от этих элементов пейзажа, маскируя их резкие проявления.

Нужно различать четыре типа построения ландшафтов: а) лесопарковое, когда ландшафт близок к естественному лесу, б) парковое, отличающееся наиболее интенсивной и продуманной художественной обработкой ландшафта, в) бульварное — в виде зеленомощных посадок вдоль пешеходных и проезжих магистралей, и г) оазисное, которому свойственна распыленность растительных вкраплений среди строений. В курортных местностях могут быть представлены все четыре построения. Лесопарковое, бульварное и оазисное построения направлены в курорте к тому, чтобы выполнять роль «щадящего» фактора. Парковое построение должно сочетать в себе как «раздражающие», так и «щадящие» факторы в соответствии с требованиями регулируемого врачами режима лечения и отдыха.

Стиль может быть больше всего выдержан при парковом построении ландшафта. В курортных парках и санаторных садах применимы как классические стили, так и романтические, в их современной, отвечающей нашей эпохе трактовке. Классические стили, преимущественно регулярные, строго и парадно организующие ландшафты, хотя и воспринимаются элементарнее, благодаря геометрической четкости их общей схемы, однако требуют большей мобилизации психических сил на восприятие искусственно созданных, дорогих эффектов, чем романтические стили, иррегулярные, скомпонованные из мотивов естественной природы. Курортный парк в романтическом стиле (например, алупкинский в Крыму), как ландшафт в целом, может быть скорее причислен к «щадящим» факторам, чем парк в классическом стиле (например, парк в Архангельском, под Москвой.)

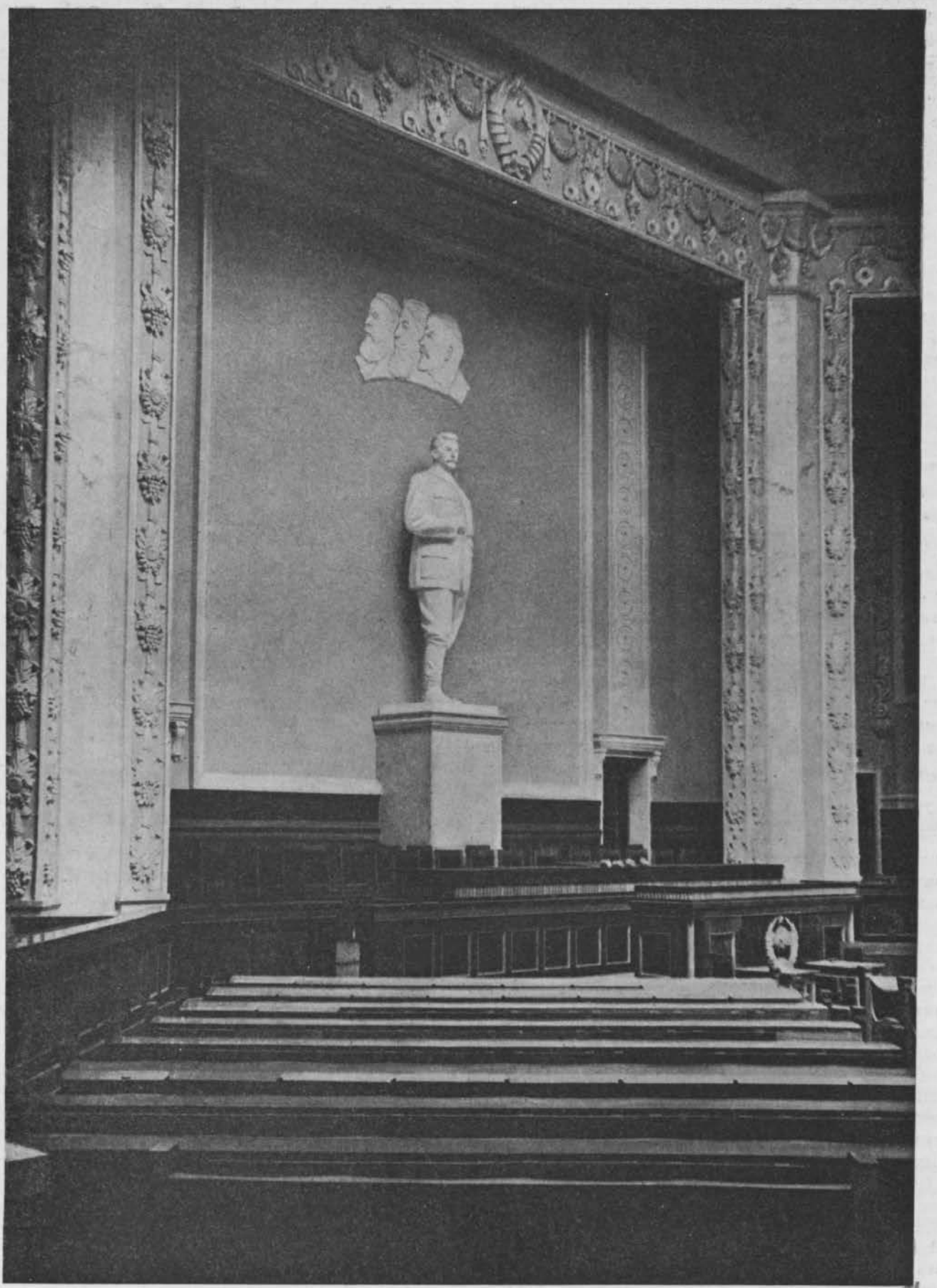
Важно усвоить основное положение: ландшафт должен быть созвучным тому, для чего он устраивается. Только при этом может быть достигнуто полное соответствие между формой и содержанием его.

В нашей стране, строящей новую жизнь, должна получить большое развитие курортная ландшафтная архитектура, сочетающая природу и искусство ради восстановления здоровья и подъема творческих сил трудящихся.

Ландшафт окрестностей Гурзуфа (Крым).
Paysage aux environs de Gourzouf (Crimée).

Ландшафт окрестностей Симеиза (Крым).
Paysage aux environs de Siméis (Crimée).

Лесопарковый ландшафт курорта Яремчи (Западная Украина).
Paysage de la station de cure „Iarémitchi" (Ukraine Occidentale).



Здание Верховного Совета УССР в Киеве. Зал. Арх. В. Н. Заболотный.
Immeuble du Conseil Suprême de la R. S. S. d'Ukraine à Kiev. Arch. V. I. Zabolotni.

МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В. И. ЗАБОЛОТНЫЙ

М. ХОЛОСТЕНКО

Владимир Игнатьевич Заболотный принадлежит к числу мастеров советской архитектуры, которые выросли в послеоктябрьские годы. Будущий зодчий родился в семье батрака в 1898 году. Детство и юность его проходили в среде народа. Удивительная красота окружающей природы, памятников архитектуры, народного творчества, украинских народных песен глубоко запала в душу юноши.

Среднюю школу В. И. Заболотный заканчивает в 1919 году в Переяславле. Затем он недолгое время работает в местном музее и инструктором ИЗО искусства в переяславском военкомате. По командировке этого военкомата в 1921 году Заболотный уезжает в Киев, где проходит полный курс архитектурного факультета Киевского художественного института. В 1928 г. Заболотный защищает дипломный проект.

По окончании института Заболотного оставляют при кафедре архитектуры ассистентом. Так началась его педагогическая деятельность, которую мастер ведет с тех пор непрерывно, являясь в настоящее время профессором архитектурного факультета Киевского государственного художественного института и Строительного института. Одновременно с педагогической деятельностью началась и его творческая самостоятельная работа в Управлении юго-западных железных дорог и Гипрограде.

Первые большие работы архитектора посвящены планировке и реконструкции городов. В них наряду с увлечениями конструктивизмом и чисто формальными исканиями уже намечалось характерное для Заболотного реальное чувство жизни. Работа по планировке и реконструкции городов многому научила молодого архитектора и воспитала в нем понимание городского ансамбля и значения отдельного сооружения в общей системе городской застройки. И не случайно поэтому, что по прошествии ряда лет чисто архитектурно-строительной деятельности мастер снова возвращается к решению больших градостроительных задач, уже в качестве главного городского архитектора Киева.

Лауреат Сталинской премии арх. В. И. Заболотный.
Lauréat du prix Staline l'architecte V. I. Zabolotni.

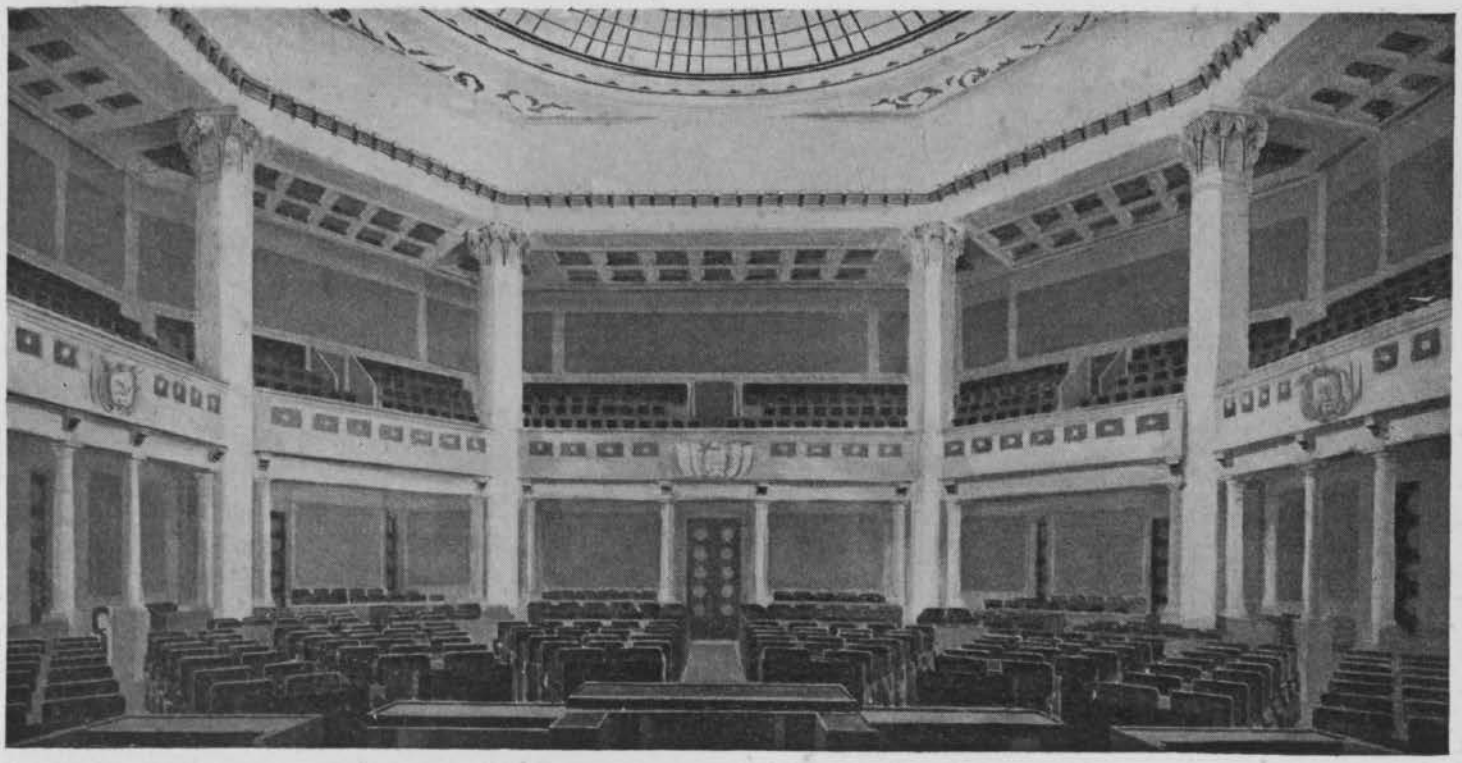
Если годы работы по градостроительству много дали архитектору в смысле общего развития, то несколько последующих лет, которые были отданы случайным заданиям, оказались для него менее счастливыми. Работа над отдельными, часто случайными объектами не давала ему творческого удовлетворения и достаточного простора для проявления своего темперамента. Поэтому-то, вероятно, и замечаются в них довольно разнообразные стилевые влияния, из которых, пожалуй, наиболее явно выраженным было влияние известного американского архитектора Райта. Заболотный не подражал внешним элементам его архитектуры. С Райтом его сближало стремление связать архитектуру с природой, с ландшафтом. Это стремление, отвечающее также историческим традициям украинской архитектуры и народного творчества, было особенно близко Заболотному и ярко сказалось уже в одной из ранних его работ — проекте Дома инженерно-технических работников по улице Челюскинцев в Киеве. Своеобразные условия местности и столь характерный для Киева сильно пересеченный участок — были прекрасно учтены автором. Здание органично вписалось в окружающий ландшафт.

Публичная Библиотека

Здание Верховного Совета УССР. Арх. В. И. Заболотный. Immeuble du Conseil Suprême de la R. S. S. d'Ukraine. Arch. V. I. Zabolotni.

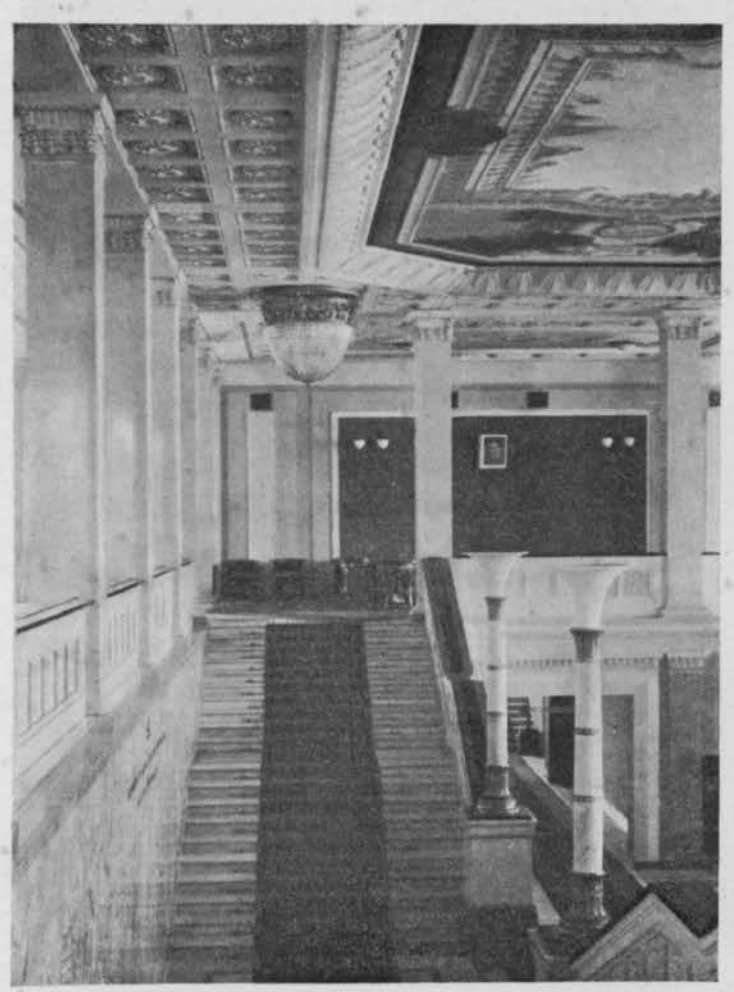
Фасад со стороны сада. Façade du côté du jardin.

Переломным этапом в творчестве Заболотного становится 1934 год — год переезда правительства УССР из Харькова в Киев. В это время перед архитекторами Киева были поставлены большие задачи по реконструкции города и созданию нового правительственного центра. Проблемы эти были горячо и остро восприняты Заболотным — впечатлительным и темпераментным архитектором. У него зародилась идея, сделавшаяся ведущей в его творчестве последующих лет, — создание архитектурного образа советского общественного, правительственного здания. Идея эта глубоко запала в его сознание, и ей он посвятил все свои творческие устремления. Архитектор с энтузиазмом включается в работу по конкурсу на проект правительственного центра, а затем принимает участие в закрытом конкурсе на здание ВУЦИК.

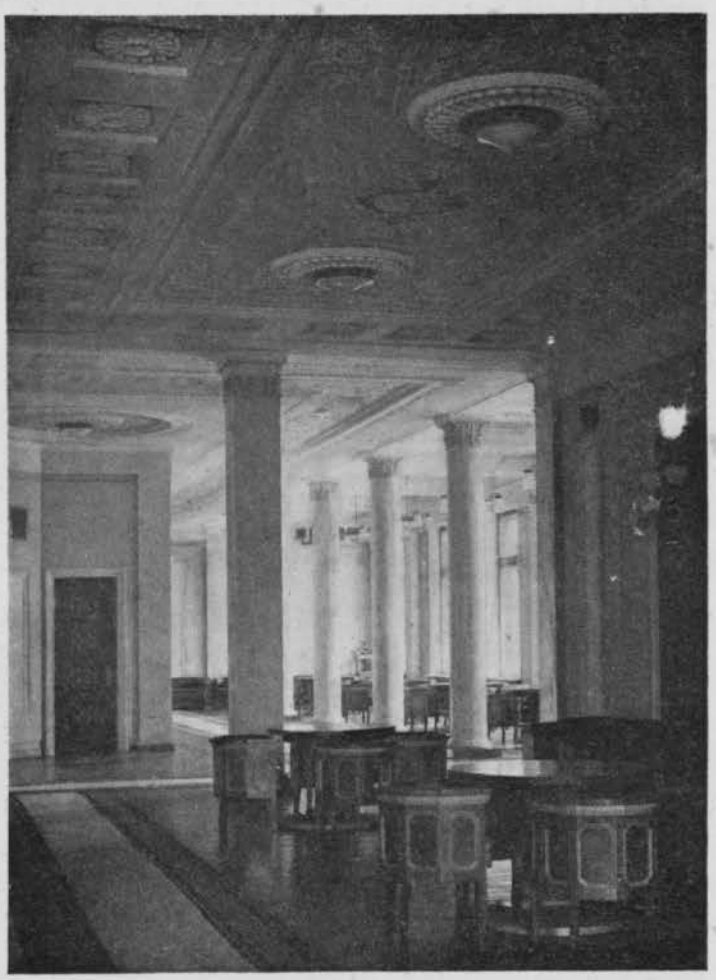


Здание Верховного Совета УССР. Зал. Проект.

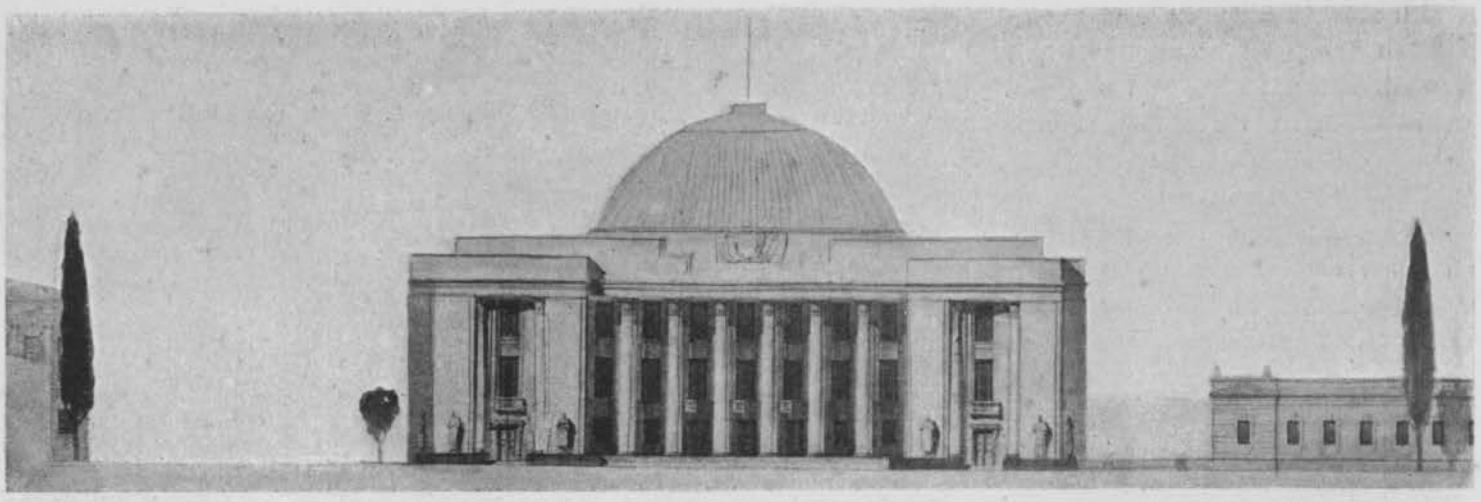
Immeuble du Conseil Suprême de la R. S. S. d'Ukraine. Projet d'une salle.



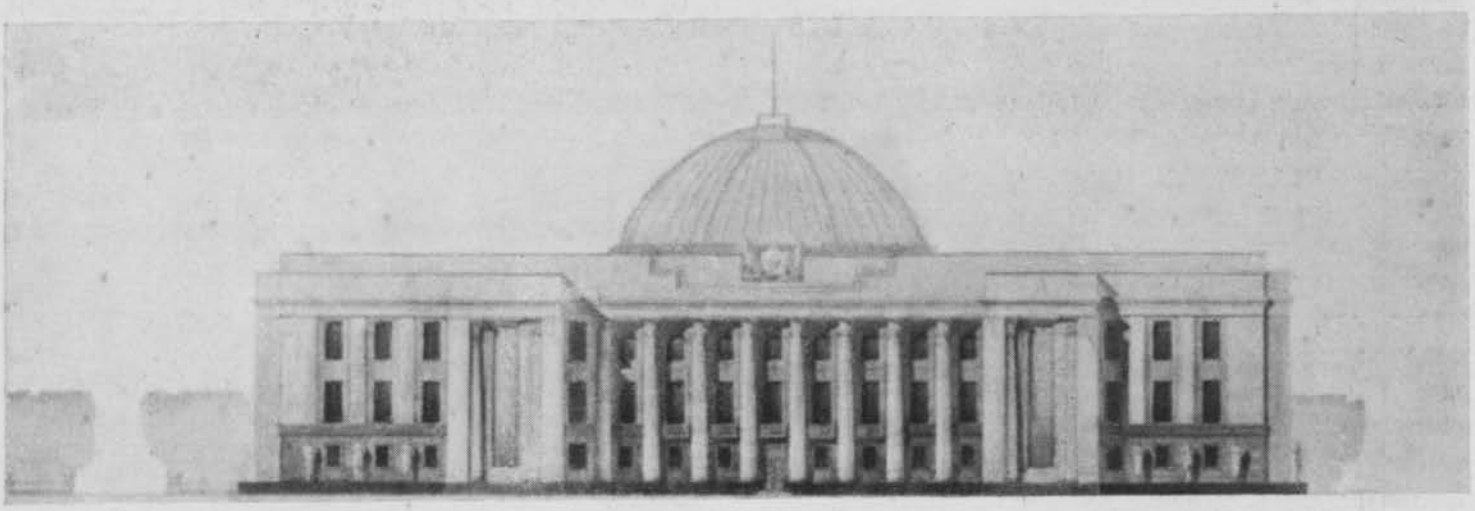
Лестница в кулуары 2-го этажа.
Escalier conduisant au couloir du 1-er étage.



Кулуары.
Couloir.



Здание Верховного Совета УССР. Проект. Фасад на площадь. **Арх. В. И.** Заболотный.
Immeuble du Conseil Suprême de la R. S. S d'Ukraine. Projet. Façade donnant sur la place. Arch. V. I. Zabolotni.



Фасад по улице 25-го Октября.

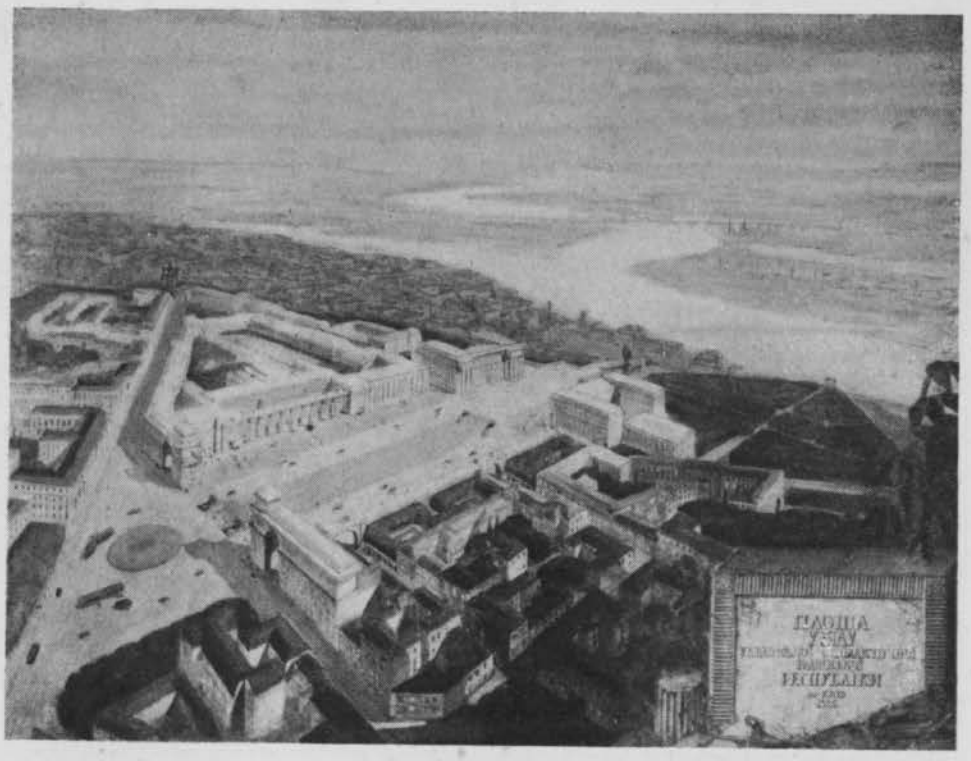
Façade sur la rue du 25 Octobre.

Конкурсный проект Сессионного зала ВУЦИК. Арх. В. И. Заболотный.
Immeuble du Conseil Suprême de la R. S. S. d'Ukraine. Projet de concours. Arch. V. I. Zabolotni.

Здание ВУЦИК должно было расположиться на втором холме нагорного Киева, на бывшей дворцовой площади, одном из красивейших и своеобразных углов Киева.

Поиски композиции в данных условиях осложнялись своеобразием архитектурной ситуации: с одной стороны соседством здания бывш. дворца с его барочной архитектурой и с другой стороны — здания СНК УССР академика И. А. Фомина — монументального сооружения нового стиля. Нужно было обладать большим тактом, чувством меры и в то же время творческой самостоятельностью, чтобы найти соответствующее решение для сравнительно небольшого по размерам, но очень важного по своему идейно-общественному значению сооружения. Мастер с этой задачей справился, и работа по конкурсу принесла ему победу. Наметившийся раньше и искомый так упорно и настойчиво образ в этом проекте оформился, определился, очистился от случайных и не свойственных основной его идее элементов, приобрел черты самостоятельной архитектурной концепции.

Так родился первый проект здания ВУЦИК. Дальнейшая работа шла уже по пути усовершенствования и отшлифовывания найденной композиции. На последующие этапы творческой работы громадное влияние оказало принятие страной Сталинской Конституции и создание Верховного Совета УССР. Сооружение, над проектом которого работал арх. Заболотный, получило новое назначение: оно стало зданием Верховного Совета УССР. Заболотный сумел найти и во внешней архитектуре и в интерьерах здания черты, непосредственно и правдиво отражающие характер и содержание сооружения. Спокойный ритм членений и пропорций, сочетание простых и лаконичных масс сооружения с красивыми и хорошо найденными портиками производят впечатление торжественности и в то же время эпической простоты и ясности.



Конкурсный проект Правительственной площади в Киеве. Перспектива.
Арх. В. Заболотный, П. Юрченко, А. Недопака.
Plan d'aménagement de la place du Gouvernement à Kiev. Perspective. Projet de concours.
Arch. V. Zabolotni, P. Iourtchenko, A. Nédopaka.

Упорные поиски архитектора были прежде всего поисками правдивого образа, большого идейного содержания. Создать произведение строгой, большой красоты и идейной силы стало его мечтой. Но она не была оторвана от жизни. Напротив, мечта о красоте вырастала из прекрасного в самой жизни. В замысле этого сооружения архитектор запе-

Конкурсный проект Правительственной площади в Киеве. Здание ЦК КП(б)У.
Арх. В. Заболотный, П. Юрченко, А. Недопака.
Plan d'aménagement de la place du Gouvernement à Kiev. Immeuble administratif.
Arch. V. Zabolotni, P. Iourtchenko, A. Nédopaka

Бывш. Троицкая церковь в Переяславле. Карандаш. Арх. В. И. Заболотный.
Ancienne église Troïtski à Péréyaslav. Crayon. Arch. V. I. Zabolotni.

Киевская лавра.
Темпера.
Арх.
В. И. Заболотный.

Vue du monastère
à Kiev.
Dessin par l'arch.
V. I. Zabolotni

чатлел свои мысли о красоте и глубокой человечности культуры социализма, о сущности социалистического государства, о его подлинной демократичности.

Глубокое идейное содержание нашло прекрасное архитектурное воплощение в облике всего здания Верховного Совета УССР. Архитектура этого здания нашла самое широкое признание. В его простых и ясных формах, в его внутреннем оформлении широкие народные массы увидели как бы воплощение своих чувств. В. И. Заболотный был удостоен за эту свою работу Сталинской премии первой степени.

Особенно большое внимание В. И. Заболотный уделил внутренней архитектуре и культуре деталей. Простые, пространственные, как бы переливающиеся интерьеры внутренних помещений здания Верховного Совета УССР красивы, в меру богато и торжественно обработаны. В обработке их применены естественные и искусственные камни, дерево, лепка и резьба по гипсу, живопись и орнаментация. Элементы синтеза нашли убедительное и мастерское применение в композиции вестибюля, где живописный плафон потолка прекрасно вяжется с хорошо задуманной и высококачественной по исполнению отделкой стен. В лепной и живописной орнаментации всех помещений, наряду с основными элементами, идущими от приемов классической архитектуры, нашли применение мотивы украинского орнамента.

Значение этого здания не в отдельных его деталях, может быть, даже и не всегда и не во всем удачных, а прежде всего в прекрасно найденном общем облике сооружения.

В своей сущности оно является подлинно новым социалистическим сооружением, ярко говорящим о замечательных культурных успехах Украинской советской социалистической республики — неотъемлемой части великого и могучего Союза ССР.

Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) в Москве. Перспектива.
Institut de médecine expérimentale de l'U. R. S. S. à Moscou. Perspective.

ПРОЕКТ ЗДАНИЯ КЛИНИКИ ВИЭМ В МОСКВЕ

Е. ЛЕВИНСОН

Всесоюзный институт экспериментальной медицины известен далеко за пределами нашей страны. Вполне естественным поэтому является требование, чтобы ансамбль Института по своему архитектурному облику отвечал крупному научному значению этого учреждения.

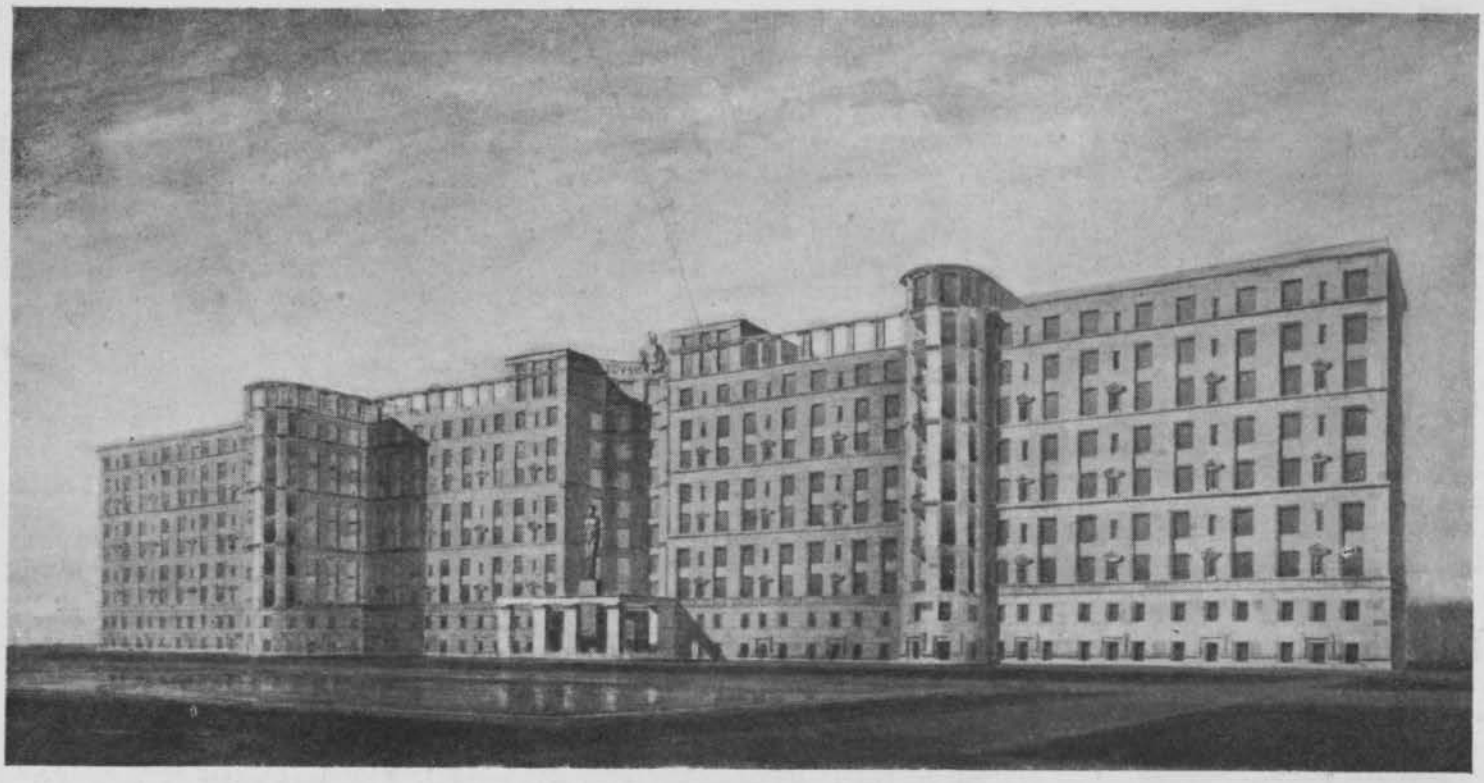
Клинический корпус является в ансамбле ВИЭМ самым ответственным звеном. Перед строительством этого объекта был проведен закрытый конкурс. Проектировщики должны были найти облик сооружения на основе выданного плана, который является результатом длительной предварительной работы большого коллектива архитекторов, инженеров и научных работников ВИЭМ.

Вполне естественно, что программные условия конкурса поставили конкурентов в определенные рамки, сузившие задачу проектирования. Вместе с тем, проектирование собственно клинического корпуса должно было вызвать целый ряд вопросов, связанных с решением генерального плана, с принципом общей ансамблевой застройки участка, расположенного в одном из ответственных мест Москвы — в Серебряном бору.

Композиция клинического корпуса осложнялась, в частности, тем, что по соседству с ним сохранился значительный массив зеленых насаждений и существует целая система низкоэтажных корпусов. Все это усложняет проектирование высокоэтажного корпуса, занимающего в ансамбле по генеральному плану доминирующее положение.

Окружающая клинический корпус в основном четырехэтажная застройка частично осуществлена в натуре. Кроме того, в данное время находятся в стадии строительства корпуса химии, физиологии, столовой. Часть сооружений хозяйственного сектора также уже выстроена (экспериментальные мастерские и пр.).

В свете этих данных, постановка клинического корпуса отдельным сооружением, с значительными разрывами, отделяющими его от других построек ВИЭМ, с организацией большой площади с водным пространством перед главным фасадом клиники, является вполне целесообразной не только с точки зрения медицинских требований: архитектурно она также вполне оправдывается. Наличие большого пространства по центральной оси участка ВИЭМ, открывающего широкую перспективу на главный фасад клиники, следует



Проект здания клиники ВИЭМ. Арх. Б. К. Рерих и К. Т. Топуридзе, соавтор арх. Ю. С. Гребенщиков.
Projet de la clinique de l'Institut de médecine expérimentale. Arch. B. K. Rerich et K. T. Topouridzé en collaboration de l'arch. G. S. Grébenschikov.

Фрагмент центральной части. Модель.
Fragment de la partie centrale. Modèle.

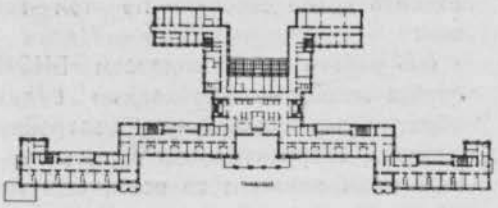
считать также очень благоприятным фактором.

Сомнение вызывает лишь планировочное пятно застройки клиники. Беспокойное и неуравновешенное в западной и восточной частях корпуса, оно усложняет решение боковых фасадов, которые, при наличии девяти этажей, всегда будут казаться композиционно неустойчивыми и своей раздробленностью снижающими пластичность всего объема в целом.

Представленные в порядке закрытого конкурса три проекта имеют ряд характерных свойств, определяющих трактовку столь значительного и сложного сооружения, каким является клиника ВИЭМ. Основная задача, которая была поставлена перед авторами, — суметь «вписаться» в созданное и проектируемое окружение и, что значительно труднее,— верно определить облик сооружения.

Несмотря на ограниченность приемов, которая вызывается наличием готового плана, все три проекта принципиально различны.

Проект архитектора Л. М. Полякова трактует сооружение в вертикальных членениях, подчиняя этому приему весь фасадный комплекс. Принятый прием вертикальных чле-



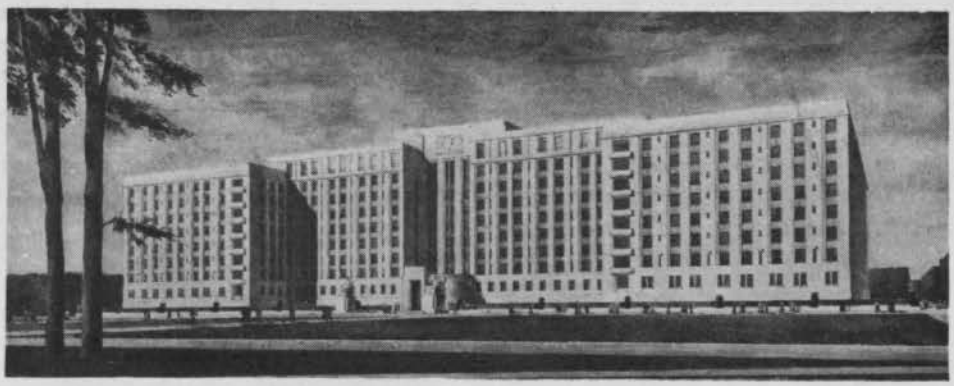
План. Plan.

нений пилястр-лопаток не получил достаточно органического завершения в центральных десятиэтажных частях здания. Применение ритма спаренных пилястр не позволило в данном случае найти убедительное завершение углов, и последние поэтому оказались ослабленными. Кроме того, принятый арх. Л. М. Поляковым прием привел его к созданию сооружения, по типу скорее напоминающего большое административное здание. Наконец, выявленные в проекте урбанистические начала чужды окружению и тем задачам, которые должны быть поставлены при решении комплекса ВИЭМ в зоне Серебряного бора.

Представленный арх. Л. Н. Апостоловой фасад клиники не имеет выявленных членений. Его тектоническое построение усложнено введением в первые три этажа системы разновысотных пилястр, которые делают нижнюю часть здания беспокойной и не вяжутся с трактовкой основного массива стены. Весь облик сооружения подсказывает применение железобетонных конструкций, что противоречит указанию программы — выстроить кирпичное здание. Органический недостаток плана — наличие узкой, западающей центральной части, которая предрешает расчленение корпусов и препятствует созданию сильного центра. В проекте этот недостаток усугублен введением дополнительного запада.

Из всех представленных на конкурс проектов наибольший интерес представляет проект архитекторов Б. К. Рериха и К. Т. Топуридзе. Авторы используют простые средства и не вводят элементов, играющих чисто декоративную роль. Они повышают выразительность фасада, применяя двухэтажные членения и трактуя первые два этажа как цо-

Проект здания клиники. Фасад.
Арх. Б. К. Рерих и К. Т. Топуридзе, соавтор арх. Ю. С. Гребенщиков.
Projet de la clinique. Façade. Arch. B. K. Rérich, K. T. Topouridzé en collaboration de l'arch. G. S. Grébenschikov.



Проект здания клиники ВИЭМ. Перспектива.
Арх. Л. М. Поляков.
Projet de la clinique de l'Institut de médecine expérimentale. Perspective.
Arch. L. M. Poliakov

Проект здания клиники. Фасад.
Арх. Л. М. Поляков.
Projet de la clinique. Façade. Arch. L. M. Poliakov.

Проект здания клиники ВИЭМ.
Арх. Н. Л. Апостолова.
Projet de la clinique de l'Institut de médecine expérimentale. Arch. N. L. Apostolova.

коль. Имеющийся в плане центральный запад авторы смягчают, вводя вместо прямоугольной полуциркульную форму. Лоджии, выходящие из комнат отдыха, в данном проекте также принимают в плане полуциркульную форму.

В проекте архитекторов Б. К. Рериха и К. Т. Топуридзе самое ценное — это хорошо найденный образ, вполне отвечающий назначению здания.

Образ в архитектуре рождается на основе строгого учета целой системы предпосылок и, прежде всего, использования природных особенностей окружения и всех возможностей задания. Логично развитая форма, подчеркивающая и дополняющая окружающее, становится тем связующим, которое или подчиняет себе окружающее, или само становится его органической составной частью. В данном случае перед архитектором стояла задача—создать высокоэтажное, отдельно стоящее сооружение. Даже отдельные композиционные недостатки проекта здесь отступают на второй план перед основным — нахождением четкого образа этого значительного сооружения. В этом отношении ценность предложения Б. К. Рериха и К. Т. Топуридзе становится совершенно очевидной.

При работе над окончательным проектом авторам следует учесть необходимость частичного видоизменения планового решения. Предложенное ими частичное изменение плана, улучшающее планировку фронтальных частей здания, необходимо в последующем развить еще решительнее. Без этих коррективов вообще вряд ли удастся композиционно увязать все отдельные части здания в единое целое.

Для интересно задуманной авторами скульптурной фигуры следует также точнее определить место. Думается, что отдельно стоящую скульптурную фигуру необходимо вывести из полузамкнутого пространства входной части здания и поставить более свободно по той же оси.

В работе над комплексом ВИЭМ особое внимание необходимо будет обратить на дальнейшую застройку участка, скорректировав архитектурный план клиники со всем, еще не оформленным комплексом. Не менее важна задача совершенствования благоустройства, организации зеленых массивов, партерной зелени и пр.

Несомненную творческую удачу архитекторов Б. К. Рериха и К. Т. Топуридзе необходимо закрепить, включив в круг их работы, помимо здания клиники, и весь архитектурный организм столь значительного комплекса, каким является Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. Горького в Москве.

ДОМ НА 1-Й МЕЩАНСКОЙ УЛИЦЕ В МОСКВЕ

И. ЛЕНЕНКОВ

Жилой дом на 1-й Мещанской улице в Москве, заканчиваемый строительством по проекту арх. Д. Д. Булгакова, привлекает внимание своей необычайно пестрой отделкой. Фасады этого дома, выходящие на 1-ю Мещанскую улицу и вновь проектируемую вокзальную магистраль, уснащены множеством чисто декоративных элементов — лоджиями, нишами, барельефами и прочими аксессуарами. К тому же, при их отделке архитектор использовал чрезвычайно пеструю палитру красок, начиная от зеленых и кончая яркокрасной и яркожелтой. Все это решительно не вяжется с нашим представлением об архитектуре многоэтажного жилого дома, выходящего на одну из главных улиц столицы.

Между тем, по своей композиции фасад дома очень прост: тема стены развивается тремя убывающими кверху членениями, переходящими в аттик, и увенчивается аккуратным, красивым карнизом. Первые три этажа дома трактуются как цоколь и обработаны цветной штукатуркой, имитирующей квадры камня. Углы цоколя обработаны рустом. Здесь совершенно неоправданно введены рельефные изображения цветов подсолнуха, которые, кстати сказать, не вяжутся со зданием не только по своему мотиву, но и по масштабу и размещению.

Подчеркивая первые, «несущие» этажи, архитектор отделяет от них мощным поясом-тягой среднюю часть стены, композиция которой усложняется благодаря введению отдельных архитектурных пятен. Заканчивается средняя часть стены лентой балюстрады; еще выше располагается «фризовой» этаж.

В основу внутренней планировки положены двух-, трех- и четырехкомнатные ячейки. Комнаты получились светлые, хороших пропорций. В односемейной двухкомнатной квартире кухню можно использовать одновременно как столовую. Первый этаж дома занят торговыми помещениями, остальные шесть этажей отведены под жилые секции и в плане повторяют друг друга.

Из числа отдельных архитектур-

Жилой дом на 1-й Мещанской улице в Москве. Проект. Арх. Д. Д. Булгаков.

ных деталей необходимо упомянуть о большой лоджии, проходящей через четыре этажа фасада со стороны 1-й Мещанской улицы. Архитектор трактует эту лоджию только как самодовлеющее декоративное пятно, призванное оживить фасад. Практически лоджией могут пользоваться жильцы лишь двух квартир — пятого и седьмого этажей. На шестом же этаже она лишь затемняет окна.

Любопытна, но мало оправдана и декоративная интерпретация лоджии. По замыслу автора она должна вызывать представление об уголке сада. Железобетонные колонны имитируют естественно растущее дерево, от которого по плоскости стены расходятся ветви. Стены лоджии, образующие фон этой декорации, расписаны правильным геометрическим узором, раскрашенным в яркозеленые и желтые тона.

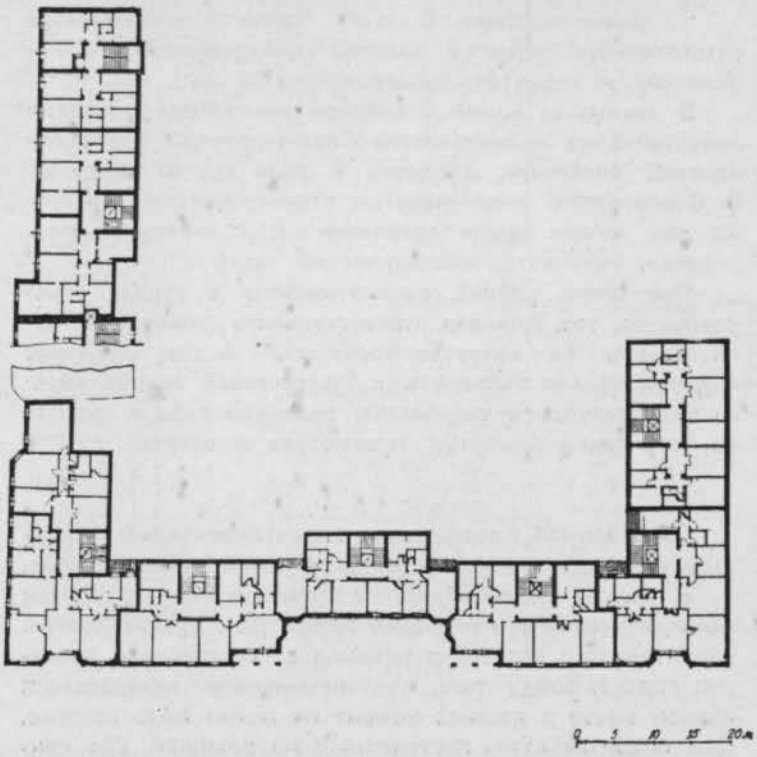
Но даже всех этих фантастических придатков к архитектуре здания архитектору показалось мало. Он вводит на фасаде между оконными проемами на пятом этаже еще доску непонятного назначения, перебивая специально для этого ритм оконных проемов и уменьшая их размеры. Фасад дома от этого не выиграл, сама же доска своим темнокоричневым фоном производит довольно унылое впечатление. Ничем не оправдано также введение и двух небольших ниш, расположенных по бокам лоджии на четвертом этаже. Далее по фасаду имеются еще две небольшие лоджии, совершенно отличающиеся от первой и разнящиеся между собою как по стилю, так и по отделке.

Арочному проезду, ведущему с 1-й Мещанской улицы внутрь двора, приданы монументальные формы, никак не гармонирующие с принятым принципом отделки фасада. Наконец, весьма странное впечатление производит и одинокая капитель, расположенная выше седьмого этажа на углу здания.

Таким образом, весь фасад представляет собою образчик фальшивой, насквозь ложной декорации.

Вдохновившись идеей создания нового образа жилого дома, архитектор стремился во что бы то ни стало придать своему произведению необычайный вид. Он пошел по пути явно неоправданного обогащения плоскости фасада, впал в крайность, потерял такт и тем самым лишил здание правдивости.

Жилой дом на 1-й Мещанской улице.



План типового этажа. Схема.

Сталинабад. Проект дома Правительства Таджикской ССР. Арх. С. Л. Анисимов. 1940 г.

АРХИТЕКТУРНАЯ ПРАКТИКА СТАЛИНАБАДА

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ

Три года назад проектные организации Сталинабада получили значительное пополнение молодыми кадрами. С этого момента наблюдается существенный сдвиг в архитектурно-проектной, планировочной и строительной практике города.

В последнее время Совнарком республики утвердил проекты Дома правительства Таджикистана, республиканской больницы, стадиона и ряда других объектов. В Сталинабаде заканчивается строительством гостиница, ряд жилых домов, строится Дом правительства, стадион, кинотеатр, академический театр и пр.

Чем шире, однако, развертывается в городе строительство, тем большая ответственность ложится на архитекторов за качество сооружений и тем серьезнее приходится им подходить к критической оценке своего архитектурного творчества, проверяя себя и других на творческих диспутах, просмотрах и отчетах.

• • •

Остановимся на практике проектирования и строительства общественных и жилых зданий в Сталинабаде.

В центре Сталинабада, на площади перед Домом связи, строится в настоящее время Дом правительства. Строительство ведется в разрыве с генеральным проектом города, ввиду того, что намеченное генеральным планом место в данный момент не может быть освоено. Дом правительства, построенный на площади, где сливаются две главные улицы Сталинабада (им. Ленина и им. Лахути), займет в городе центральное место. Площадь перед Домом правительства (ныне Площадь связи) подвергнется коренной реконструкции. Задача состоит в том, чтобы планировкой подчеркнуть это здание, максимально отвести от него транспортный перекресток и снизить зрительную значимость Дома связи.

Лейтмотивом архитектурной композиции здания является строгий большой ордер. Выступающие колоннады основных объемов и прямоугольные порталы-проезды образуют главный фасад здания. Высокий цоколь, прорезанный лестницами, служит хорошим основанием композиции. Колоннады венчаются простыми антаблементами и аттиками. По бокам центральной колоннады выступают трибуны. Через порталы открывается вид на внутренние парадные дворики с фонтанами. Порталы служат для проезда автомобилей, для сквозного проветривания внутриквартального пространства и совпадают с местоположением сейсмических и температурных швов. В глубине квартала запроектирован сад. Зал заседаний Верховного Совета проектируется двусветным и рассчитан на размещение 640 человек. Для наружной отделки будет применен светлосерый искусственный полированный гранит (для колоннад и цоколя) и естественный гранит (для трибун). Капители выполняются из цемента с гранитной крошкой и покрываются мелкой каковкой. Поверхность наличников окон, дверей

и некоторых простенков покроется орнаментом (тонкослойный сграффито). Внутренние колонны, пилястры и частично стены будут штукатуриться под мрамор, а филенки стен главных зал — заполняться барельефами и панно. Потолки основных помещений проектируются лепными с резьбой по ганчу и с росписью. Полы в вестибюлях, на террасах и лестницах будут мозаичными и паркетными.

В архитектурной композиции здания весьма слабо используются традиции национальной архитектуры. Применение национального орнамента и выполнение в национальных традициях отдельных деталей (резьба по ганчу, дереву, терракота и пр.) плохо вяжутся с совершенно чуждой национальным формам трактовкой плана здания, его фасадов и пропорций. Все это препятствует созданию правдивого образа Дома правительства среднеазиатской республики.

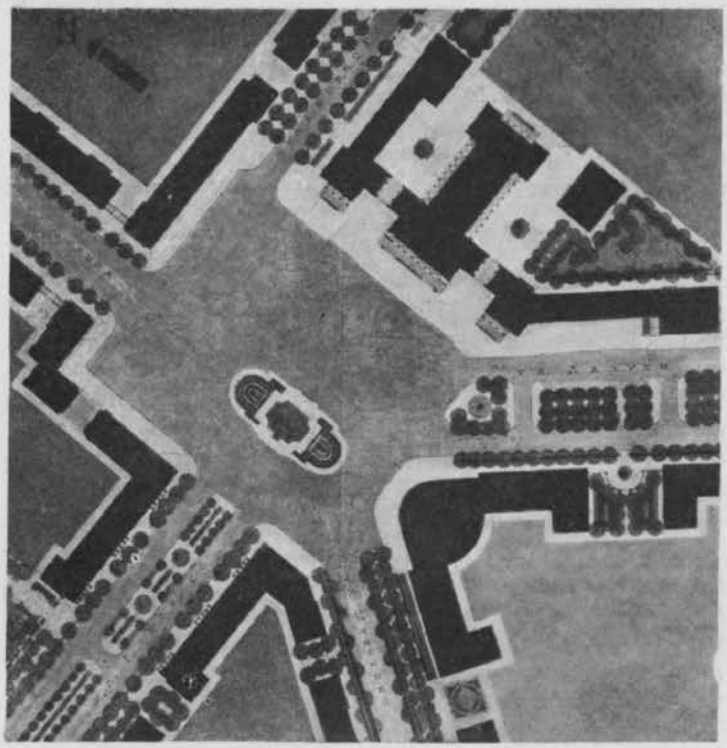
Другим, запроектированным для строительства крупным объектом Сталинабада является республиканская больница, размещаемая в Медгородке, в северной части города. С запада участок ограничен обрывом берега реки Дюшамбе. Отсюда открывается вид на Гиссарскую долину, на озеро и на ряд городских сооружений (стадион, Гиссарский канал). Обилие зелени в этой части города, близость Варзобского ущелья — создают весьма благоприятные условия для больных. Основной комплекс помещений больницы размещается в шести корпусах.

Помимо этих основных корпусов, на участке больницы располагаются подсобные хозяйственные постройки, а вблизи участка три двухэтажных дома. В проекте больницы, впервые в Таджикистане, все основные стены проектируются толщиной в полтора кирпича. Перегородки, перекрытия и подоконные доски конструируются гипсолитовыми. В условиях Таджикской республики, где лесоматериалы крайне дефицитны, это — очень существенное достоинство проекта, дающее большую экономию. Для придания зданиям сейсмической устойчивости по первому и третьему этажам размещаются железобетонные сейсмические пояса, а корпуса большой протяженности (более 100 м) делятся на павильоны.

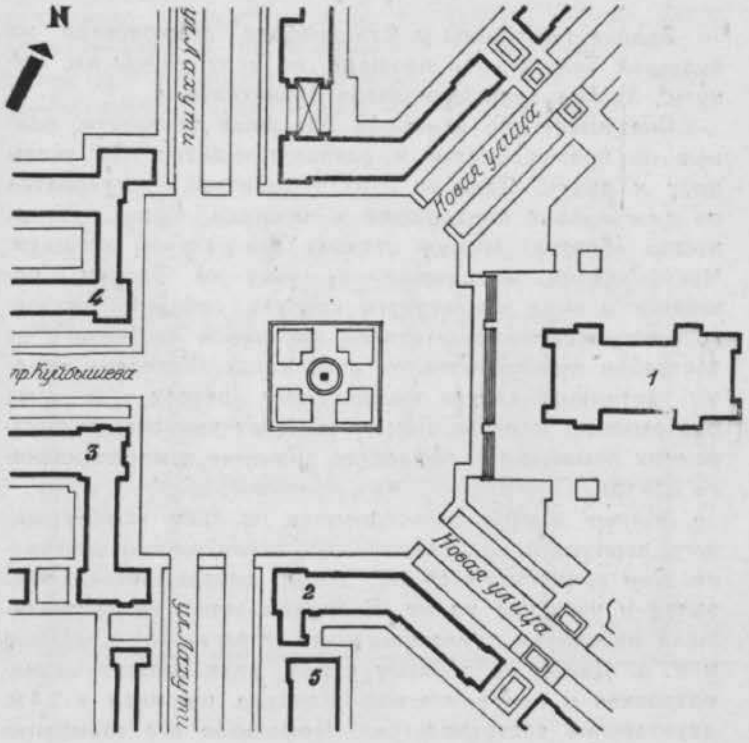
Лейтмотивом архитектурной обработки больничных зданий является противопоставление спокойных, прорезанных лишь оконными проемами, плоскостей стен отдельным, насыщенным деталями и увенчанным фронтонами, портикам.

Большое количество стенных плоскостей, лишенных рельефной обработки, соответствует основным санитарно-гигиеническим требованиям, так как в условиях Таджикистана рельефные архитектурные детали становятся местами скопления большого количества пыли.

К недостаткам архитектурного решения больничного комплекса нужно прежде всего отнести то обстоятельство, что восточный курдонер прикрывается со стороны улицы зданием административного корпуса, а главные подходы к нему образуются сбоку. Вид на центральную его часть — учебный корпус—открывается только тогда, когда зритель проникает внутрь больничного комплекса. Значительно правильнее было бы решить наиболее насыщенно и парадно уличный фасад больницы, т. е. административный корпус. Оба курдонера (восточный и западный) следовало организовать максимально интимно, отдавая лишь незначительное пред-



Сталинабад. Проект планировки Правительственной площади.



Проект планировки Театральной площади. 1936—1940 гг.

Сталинабад. 40-квартирный жилой дом. Арх. Тегкаев и Покровский

почтение восточному, поскольку он служит подходом к учебному зданию. Неубедительной является и трактовка архитектурных деталей. Образ больничного комплекса, навеянный ансамблями ампира, не может получить здесь необходимой выразительности. По своему плановому и объемному решению комплекс надо было решать так, чтобы он более органично вошел в соприкосновение с южной природой и четко отвечал национальным традициям таджикской архитектуры.

• • •

Здание гостиницы в Сталинабаде сооружается на будущей Театральной площади, на углу улицы им. Лахути. Здание запроектировано трехэтажным.

Оно имеет две основные фасадные плоскости, равные по протяженности и располагающиеся под углом друг к другу. Одна из этих плоскостей простирается по диагонально подходящей к площади Новой улице, вторая образует южную сторону Театральной площади. Часть здания, выходящая на улицу им. Лахути, решается в виде компактного корпуса, габариты которого диктуются незначительной величиной свободного от застройки пространства по этой улице. Угловому объему гостиницы, слегка выдвинутому вперед (за счет раскреповок) и повышенному (за счет компоновки внутренних помещений), придается значение композиционного центра.

Жилые номера располагаются по трем этажам жилого корпуса и над подсобными помещениями ресторана. Они ориентируются на север, северо-восток, юго-запад и частично на юг. В первом этаже около вестибюля находится помещение портье, багажные кладовые и т. п. Далее, по первому этажу, размещаются парикмахерская и почта-телеграф. Коридор, шириной в 2,4 м, двусторонне застраивается. Нормальное его освещение достигается через комнаты отдыха, лишенные со стороны коридора стен, и через дополнительные лестничные клетки, запроектированные для улучшения поэтажной связи. Здание гостиницы имеет 95 номеров, вмещающих 167 человек.

Корпус гостиницы членится на три самостоятельных конструктивных павильона с железобетонными поясами в каждом из них, с целью придания зданию большей сейсмической устойчивости.

Основным недостатком нового здания является неблагоприятная, в условиях Сталинабада, ориентация большей части жилых комнат на северо-запад и юго-запад. Неправильно решен и главный вход в гостиницу. Местоположение его композиционно не совпадает с главным объемом здания и отнесено на второстепенное место. Орнамент ни в какой мере не воспроизводит национальных черт таджикского орнамента, а покрытые этим орнаментом детали вызывают скорее ассоциации с элементами зданий эпохи Возрождения.

• • •

В заключение, несколько замечаний о новых жилых домах Сталинабада. На улице им. Лахути — главной улице Сталинабада — построен жилой сорокаквартирный дом. Он входит в ансамбль, располагающийся против здания ЦК КП(б) Таджикистана. Трехэтажный объем дома представляет в плане растянутую в ширину букву «П» с вырезанными внешними углами заднего фасада. Торцы здания, выдающиеся вперед, образуют неглубокий курдонер.

Два верхних этажа, решенных в виде единого насыщенного деталями объема, покоятся на рустованном массиве первого этажа. В решении фасада преобладает вертикальный мотив, хотя и горизонтальные членения довольно сильно выявлены. Прием обработки окон тесно увязан с обработкой ордера двух верхних этажей.

Фасадные плоскости средней части здания и его боковых частей разнятся по своей трактовке. Это создает зрительный разрыв между ними. Впечатление не-

достаточной увязки перпендикулярных друг другу фасадных плоскостей усиливается неудачным решением внутренних углов здания.

В решетках балконов и лоджий второго этажа интересно сочетание резного гипса с металлическими частями. Однако желание автора облегчить рисунок решеток третьего этажа путем устранения гипсовых деталей создает впечатление разномотивности. Резкая разница в трактовке решеток снижает впечатление целостности композиции. Обработка оконных проемов на стенных плоскостях между лоджиями указывает на желание объединить их в цельное архитектурное пятно и тем подчеркнуть монолитность верхнего двухэтажного объема. Однако маломощный и грубо нарисованный сандрик над окнами третьего этажа и резко выступающая подоконная тяга снижают это впечатление цельности.

Полноценное решение дворового фасада относится к большим достоинствам проекта и выгодно отличает его от многих работ в области жилищного строительства Таджикистана.

Оценивая архитектуру здания в целом, можно констатировать, что авторам удалось создать образ жизнерадостного южного жилого дома (по этому же проекту, несколько улучшенному в деталях, строится сейчас «Дом специалистов» на проспекте Куйбышева, против здания наркоматов Таджикистана).

Все квартиры снабжаются балконами, а некоторые и лоджиями. Комнаты отличаются приятными пропорциями. Компактно и удобно размещены подсобные помещения. Недостатком интерьеров является обилие дверных и оконных проемов в комнатах. Качество внутренней отделки, как и в большинстве выстроенных здесь за последнее время зданий, стоит на низкой ступени.

Дом специалистов, строящийся сейчас на проспекте Куйбышева, отделывается более тщательно и обещает более удачно воспроизвести в натуре проект.

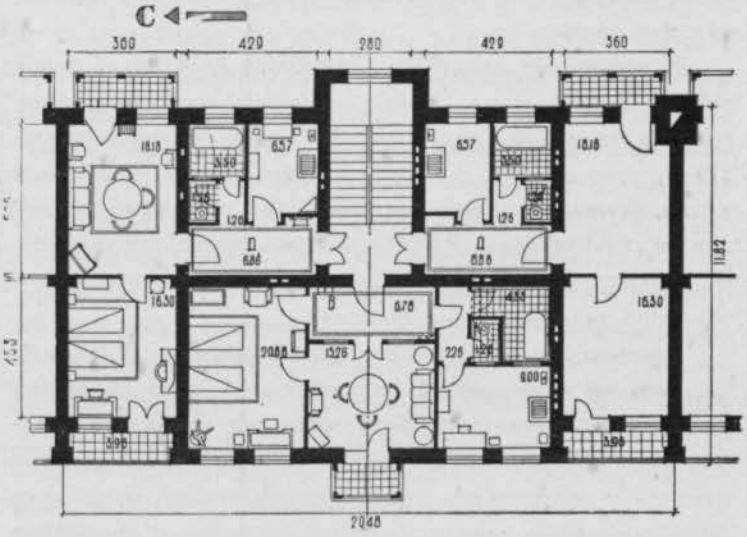
• • •

Широкое развертывание архитектурно-проектных и особенно планировочных работ в Сталинабаде стало возможным лишь в связи с организацией республиканской проектной мастерской. Работа вблизи проектируемых объектов сократила сроки исполнения, согласования и утверждения проектов, а главное, сделала возможным удовлетворять повседневные потребности строек и осуществлять строительство в полной увязке с намечаемой планировкой.

Лишь один очень существенный недостаток снижает, в условиях Сталинабада, роль и значение проектирования на месте. Это — отсутствие повседневного творческого руководства. В работах отдельных авторов чувствуется растерянность и шаткость установок и представлений. Этому способствует и постановка работы в проектной организации. Проектирование интерьеров не практикуется. Проекты зданий выпускаются часто без отмывки. В процессе работы перспективы нередко не делаются. Увлечение методами подрядной работы, при полном отсутствии научно-исследовательских тем, не дает возможности проанализировать и подытожить успехи и недостатки отдельных авторов. Это ведет, зачастую, к повторению ошибок и к игнорированию целого ряда достижений.

Хуже всего обстоит дело с созданием городского ансамбля. В каждом здании создается «архитектурный акцент», всеми средствами доводимый до возможного предела, независимо от его необходимости в застраиваемом комплексе. Примером игнорирования ансамбля может служить застройка Театральной площади. Проект театра, весьма интересный по замыслу и прекрасно прорисованный, давно известен архитекторам Сталинабада и других городов. Однако воздвигаемые на той же площади здания гостиницы и Госбанка архитектурно не увязаны с театром, имея к тому же сильные композиционные оси, совершенно не нужные для этой площади.

Слабой стороной работы сталинабадских и вообще таджикистанских архитекторов является нетворческое отношение к архитектурному наследству. Очень часто дело сводится к чисто внешней орнаментации, в то время как все здание строится на принципах, совершенно чуждых среднеазиатским сооружениям.



40-квартирный жилой дом. Перспектива и жилая секция.

АРХИТЕКТУРА КОЛХОЗНОГО СЕЛА

УЗЛОВЫЕ ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Акад. арх. М. ГИНЗБУРГ

Широко развернувшееся за последние годы строительство жилых, общественных и производственных зданий на селе должно было привлечь к себе самое усиленное внимание советских архитекторов. К сожалению, внимание это и сейчас еще привлечено в совершенно недостаточной степени. Объясняется это вероятнее всего тем, что среди архитекторов существует предвзятое, ни на чем не основанное представление о том, что сельскохозяйственная архитектура — это архитектура «второго сорта», не имеющая большого значения и не сулящая широких творческих перспектив. Мало импонируют, вдобавок, многим нашим архитекторам, избалованным грандиозными масштабами советских строек, и небольшие, сравнительно, масштабы отдельных сельскохозяйственных сооружений.

Явная несостоятельность всей этой «концепции» совершенно очевидна. Сельскохозяйственная архитектура таит в себе такие творческие возможности, которые редко представляются архитектору при проектировании городских ансамблей, а небольшой объем строительства колхоза ни в какой мере не снижает значения творческой работы над архитектурным решением.

Знаменитейшие греческие ансамбли и неувядаемый по красоте и славе афинский Акрополь — тоже невелики по своим размерам, но это не мешает им быть величайшими произведениями мировой архитектуры, созданными в результате напряженной творческой работы зодчих той эпохи.

В небольших сельских ансамблях архитектор творческим чутьем может найти своеобразное равновесие масс, которое, не подчиняясь строгой геометрической схеме, таит в себе тонкие и сложные композиционные черты. Основную роль в создании этих ансамблей играет синтез архитектуры с ландшафтом, отводящий зодчего от абстрактных схем и диктующий оригинальные архитектурно-планировочные решения.

Наконец, именно здесь, в строительстве сельских сооружений и ансамблей, в наибольшей мере создается возможность усвоить богатое наследие народного творчества, впитать веками накопившееся в народе умение строить и располагать дома, с изумительной мудростью вписывая новые здания в полной гармонии с ансамблем и с природным окружением.

Когда летишь на самолете над нашими селами и деревнями, невольно поражаешься необычайному своеобразию и разнообразию не только в общей структуре села, но и в способе расположения жилищ, в методах их увязки с прекрасной природой.

У реки, на крутом берегу, лепятся живописные, утопающие в зелени домики. Исключительно удачно выбраны места для селитьбы, с огромным тактом используется каждый холмик, на высоких точках уличных осей располагаются вертикали церквей, подпираемых живописными домиками и создающих вместе с ними стройный силуэт.

Столь же удачно выбраны направления улиц и их рельеф, не требующий земляных работ и органически слитый с ландшафтом. Все говорит здесь о вековых планировочных приемах, чуждых всякому схематизму и сочетающих заботу о бытовых удобствах, о целесообразности, с чисто эстетическими требованиями целостности ансамбля. А сами эти ансамбли — это та же природа, перевоплощенная в архитектуру, перекликающаяся, сливающаяся с ней в единое целое. Сплошь и рядом эти маленькие сельские ансамбли отличаются изумительной живописностью, оригинальностью своего построения, причудливостью и разнообразием своих форм.

Когда подъезжаешь с моря на лодке к крымским деревушкам — Ускют, Караузень (Алуштинского района) — создается ощущение, что перед тобой яркоосвещенный пятнадцатиэтажный дом. Оказывается, это — обычная татарская деревушка, которая террасообразно лепится на скале, причем крыша нижележащего дома служит как бы полом для вышележащего.

Впечатление от этого яркого красочного пятна не забывается, как не забываются и другие, столь же причудливые очертания сельских поселений Кавказа, Средней Азии, Дона, Украины, Сибири, севера и юга, востока и запада нашей огромной страны.

Это изумительное своеобразие приемов народного зодчества сказалось не только в построении целых ансамблей, но и в решении каждого дома — будь то черкесская сакля, украинская хата или вологодская изба. В каждом доме одного и того же поселка ощущается слитность с ландшафтом, с ансамблевым окружением и в то же время определенное своеобразие, создаваемое

специфическими особенностями в расположении того или иного дома, особенностями использованных для его украшения деталей.

Разумеется, народ — строитель этих домов и поселков — не руководствовался зафиксированными архитектурно-планировочными принципами и уж во всяком случае не придерживался той или иной схемы.

Подобно песням и пляскам в фольклоре, строительные приемы и навыки передавались из поколения в поколение и сказались на архитектуре каждого дома — в его орнаменте, в порезках, в решениях конька кровли, в рисунках ставень, в росписи стен. Все это не привносилось извне, а вытекало из природного окружения, из соображений правильно понятой целесообразности, из учета местных бытовых и климатических особенностей, из особенностей и свойств используемых для этого строительства местных материалов.

• • •

Ландшафт и народное творчество—вот, что является альфой и омегой для каждого архитектора, работающего в области сельскохозяйственного проектирования и строительства. И лишь, в результате забвения этого основного принципа и в результате недооценки нами сельскохозяйственной архитектуры вообще — могли появиться наше время весьма существенные недочеты в различных решениях колхозных поселков.

Основным из этих недочетов является механическое перенесение в сельские местности приемов городской архитектуры, с геометрической сеткой прямых улиц, с шахматной планировкой, с принятыми в городе габаритами улиц и площадей. При этом, зачастую повторялись не только приемлемые для города и совершенно неуместные на селе архитектурно-планировочные приемы, но и такие, еще не изжитые в городской архитектурной практике и уже давно осужденные партией, правительством и архитектурной общественностью черты, как гигантомания, излишества, стремление к вычурности и мишуре.

Характерным примером такого рода архитектурно-планировочного решения может служить разработанный в 1935 г. Укрпроектсельхозом (автор — арх. Андрущенко) генплан зернового колхоза. В этом проекте игнорируется рельеф местности, и поселок располагается на совершенно гладкой поверхности. Где-то сбоку проходит река, ни в какой мере не отражаясь на строго прямолинейной и симметричной композиции. Внутри селитьбы расположен большой парк, уместный в удаленном от естественной зелени городе и совершенно карикатурный в условиях утопающего в зелени и окруженного лесами и рощами поселка.

Для этого весьма маленького поселка запроектирована грандиозная площадь с диаметром в 140 м, а ширина центральной улицы достигает 50 м. Явная бессмыслица подобной планировки совершенно очевидна.

Спешим, однако, оговориться. С момента появления этого проекта прошло уже шесть лет, а за это время работа ряда проектных организаций (в частности Сельхозпроекта и Укрсельхозпроекта) значительно подвинулась вперед. За последнее время мы имеем ряд таких вполне приемлемых планировок колхозных поселков, как планировка поселка Зачепиловка на Украине или планы ряда поселков Смоленской области, разработанные бригадой Сельхозпроекта в 1939 г.

Значит ли это, однако, что мы уже окончательно порвали в сельскохозяйственном проектировании с механическим и зачастую карикатурным повторением мотивов городской архитектуры?

К сожалению, этого еще никак нельзя сказать. Даже в одной из неплохих планировочных работ последних двух лет — работе Сельхозпроекта в Смоленской области — мы имеем большое количество проектов, применяющих прямолинейную сетку, несмотря на наличие рельефа, диктующего весьма своеобразные и органически слитые с природой решения.

Больше того, из помещаемых в этом номере материалов видно, что уже в самое последнее время появляются такие проекты генпланов колхозного села, в которых, при наличии 140 дворов, проектируется клуб на 300 мест, кино на 500 мест, огромный городского типа парк культуры и отдыха, широчайшие улицы, оформленные бульварами, и т. д. (проект Полтавского института инженеров сельскохозяйственного строительства).

Таким образом, приходится, к сожалению, констатировать, что все эти излишества, все это механическое повторение городских приемов, допускается в отдельных случаях и в решениях отдельных общественных зданий и даже жилых домов.

В этом перенесении на село черт городской архитектуры, может быть, ярче всего сказывается отрыв современного архитектора и от ландшафта и от истоков народного творчества, характеризовавшегося, прежде всего, логической продуманностью и всесторонним учетом практической целесообразности. Наши работающие в области сельскохозяйственного строительства архитекторы нередко и до сих пор не понимают того простого положения, что использование наследия заключается не в копировании отдельных элементов и не в перенесении на современные постройки народного орнамента, а в освоении замечательных по своей архитектурной и конструктивной логичности приемов народного творчества, приемов, полноценно учитывающих и природу, и рельеф, и быт, и климат, и национальные особенности, и местные строительные навыки, и местные строительные материалы.

Говоря об освоении приемов народного творчества,

мы имеем, разумеется, в виду их критическое освоение. Надо изучить народные приемы и традиции, использовать все ценное, что в них есть, но отнюдь не надо плестись у этих традиций в хвосте.

• • •

Мы должны создавать колхозное жилье на уровне современной строительной техники, используя все ее последние достижения, — новые методы, новые механизмы, новые конструкции и материалы. В строительстве нашей старой деревни сочеталась и народная мудрость и народные предрассудки. Наши села и деревни отличались не только своими замечательными ансамблями, но и грязью, антисанитарией, захламленностью, скученностью, примитивным оборудованием своего производства. Осваивая ценное, нужное, мы должны решительно отбросить все противоречащее современному облику колхозного села, должны учитывать грандиозные сдвиги, произошедшие и в быту и в производстве нашей деревни.

Решающая роль в строительстве колхозной деревни принадлежит типизации, на основе всестороннего учета местных условий, и развитию строительной индустрии на базе местных материалов. В районных центрах (может быть, при участии самих колхозов и колхозников) должны быть созданы промышленные предприятия по изготовлению строительных материалов и деталей. Широкое развитие должны получить и строительные дворы. В выборе и разработке типа и характера колхозного поселка, двора, дома, производственного сооружения — архитектору открываются широчайшие творческие возможности.

Возникает, однако, вопрос: не находится ли задача типизации колхозного строительства в каком-либо противоречии с тем чарующим разнообразием поселков и отдельных домов, которое столь выгодно отличало наши старые деревенские ансамбли? На этот вопрос может быть дан только отрицательный ответ.

Народное зодчество, — и это очень любопытно отметить,—ни в какой мере не противостояло задаче типизации. Народная мудрость диктовала, напротив, отбор лучшего из созданных типов. Она не только не отвергала, но, напротив, подсказывала повторение решений, облегчающее увязку новых зданий с уже сложившимся ансамблем. Но эта своеобразная народная «типизация» была не механической, а органической; она не приводила к трафарету и к однообразию в застройке, а напротив, своеобразным расположением каждого дома, его увязкой с местом, с рельефом, использованием разнородных деталей и мелочей, она обеспечивала изумительное разнообразие в облике каждого дома. Все это, конечно, лишено было всякой нарочитости и преднамеренности. Просто, каждый строитель-крестьянин вносил во все эти мелочи свой вкус; сообразно со своим вкусом отбирал установившиеся типы деталей и красил дом в тот или иной цвет; в зависимости от своей любви к тем или иным деревьям и цветам, определял характер разбиваемого возле дома сада, палисадника или цветочной клумбы. И все это вносило естественное разнообразие в застройку, так как за всеми этими мелочами, деталями, палисадником, окраской дома, подбором и расположением деревьев и цветов — чувствовался живой человек, со своими собственными вкусами, симпатиями, с своеобразным подходом к задачам оформления дома.

Все это убедительно говорит о полной возможности и необходимости сочетать типизацию строительства с любым разнообразием застройки. Для этого требуется лишь одно — не делать типовые проекты «впрок», без творческого вдохновения данным местом, без привлечения колхозников к этой работе, без учета ландшафта, рельефа и всех вообще местных особенностей, и создать достаточно широкий «ассортимент», набор индустриально изготовляемых деталей, архитектурно выразительных и способных удовлетворить самым разнообразным вкусам колхозного населения. При выработке типов колхозного жилья надо всемерно использовать творческое наследие, архитектурные приемы решения отдельных зданий и целых ансамблей, сочетающие логическую продуманность и практическую целесообразность с архитектурно-художественной выразительностью, способные поднять чисто функциональные, технологические моменты жилья или производственной постройки до уровня художественного произведения.

И, наконец, вопрос о контрасте, являющемся основой всякой ансамблевой композиции. В старой деревне этот контраст достигался противопоставлением вертикально решенной церкви низкой, малоэтажной селитьбе. Разумеется, речь идет не об обязательном создании вертикальных сооружений (хотя и тут мыслимы определенные варианты), а о самом принципе контраста, неизбежном при создании полноценных ансамблей. Вопрос этот не может ускользать из поля зрения проектировщика и должен каждый раз решаться на основе конкретного учета всех местных особенностей.

Сельскохозяйственное строительство открывает перед советскими архитекторами широчайшие творческие перспективы и в то же время ставит перед ними ряд ответственных и сложных композиционных и строительных задач.

Критическое освоение народного творчества, стремление к органическому слиянию архитектуры ансамблей и отдельных зданий с ландшафтом и широкое развертывание строительной индустрии на базе местных материалов — таков, повидимому, наиболее правильный метод решения этих задач, кратчайший путь к полноценной сельскохозяйственной архитектуре.

ЖИЛОЙ ДОМ КОЛХОЗНИКА

Г. МАРТЫНОВ

Работа над проектами колхозного жилого дома за последние два-три года значительно продвинулась вперед. Проведенное Академией архитектуры СССР изучение практики жилищного строительства в колхозах и разработанная ею, в порядке экспериментального проектирования, серия проектов жилых домов колхозников внесли в этот вопрос значительную ясность.

Существенную помощь в этом деле сыграло также совещание, созванное (весной 1939 года) Союзом советских архитекторов СССР, совместно с Академией архитектуры, Наркомземом и Наркомсовхозов. Решения этого совещания явились программой дальнейшей работы по вопросам архитектуры колхозного жилого дома.

Отвлеченное проектирование типовых проектов жилых домов для колхозов «вообще», безотносительно для каких районов они предназначаются, без учета конкретных природных условий, местных строительных материалов и бытового уклада колхозников, имевшее место в первый период работы над колхозным жильем, всеми в настоящее время осуждено.

Несмотря на эту совершенно очевидную порочность метода отвлеченного проектирования, на практике он все еще продолжает в отдельных случаях применяться.

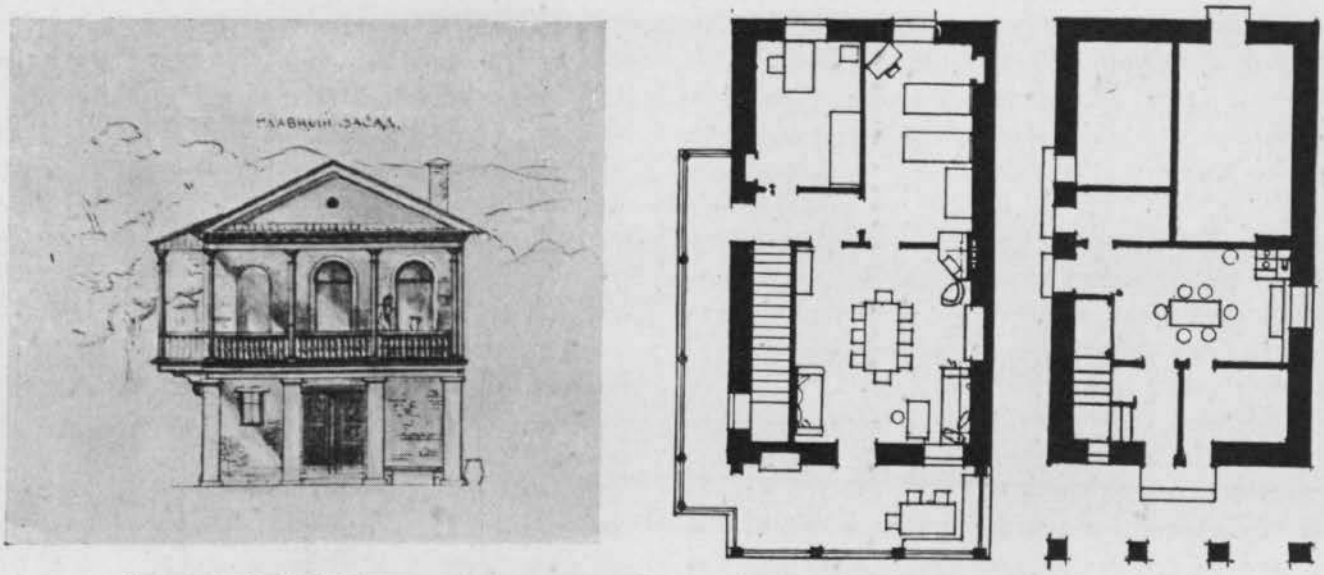
Основной причиной этого является недостаточное знакомство архитекторов с конкретной обстановкой колхозов, с культурно-бытовым укладом их жизни, с требованиями, предъявляемыми ими к новому жилищу.

В результате, мы имеем ряд фактов, когда при проектировании жилых домов в колхозах, при утверждении проектов в соответствующих инстанциях и при оценке их на конкурсах, исходят из принципов проектирования городской квартиры или загородной дачи, не понимая самой природы сельских населенных мест и бытового уклада колхозников. В других случаях, при разработке проектов колхозного жилья, исходят из представления о старой, дореволюционной деревне, не учитывая тех колоссальных сдвигов, которые произошли в деревне после Великой Октябрьской социалистической революции.

Чтобы избежать всех этих ошибок, необходимо, в первую очередь, организовать систематическое, всестороннее изучение народных жилищ, бытовых и национальных традиций отдельных народов нашей страны. Такого рода изучение даст возможность вскрыть закономерность развития тех или иных типов народных жилищ, понять, как в них отражались бытовые и национальные навыки населения, выяснить, что из национально-бытового уклада является устаревшим и какие черты быта являются прогрессивными и должны быть учтены при разработке новых, современных типов жилых домов колхозников.

Игнорирование особенностей народного жилья приводит на практике к серьезным ошибкам. Так, например, при строительстве жилых домов переселенческих колхозов в Армении не были предусмотрены подвальные этажи, широко распространенные в народных жилищах этой республики. Колхозники-переселенцы переделали дома по-своему, но так как глубина заложения фундаментов не была рассчитана для этой цели, то подвальные помещения получились неполноценными.

Корейцы, переселившиеся в Среднюю Азию, в выстроенных для них жилых домах плиту и голландскую печь почти всюду заменили местными очагами, «канами», которые больше соответствуют их бытовым



Проект типового колхозного жилого дома для Восточной Грузии. Арх. Т. Бейер (Грузсельпроект).

навыкам. «Кан» служит не только для приготовления пищи, но и для отопления. Принципы устройства «кана» представляют большой интерес. Обогревательные каналы располагаются не по вертикали, как в обычной обогревательной печи, а горизонтально, они проходят под поверхностью земляного пола. Благодаря этому, пол в доме зимой всегда бывает теплым. В этом устройстве сказалась большая народная мудрость, и игнорирование ее может быть объяснено только невежеством людей, руководивших строительством жилых домов для этих переселенцев.

Наряду с этим, необходимо глубже изучать современные условия и практику жилищного строительства в колхозах, осуществляя широкое обсуждение проектов совместно с колхозниками.

В этом отношении весьма разумное мероприятие было проведено Грузсельпроектом и Союзом советских архитекторов Грузии, которые, организуя конкурс на проекты жилых домов для колхозников Грузии, разослали во многие колхозы специальные анкеты. Ответы и пожелания, присланные колхозниками, были учтены при разработке программы конкурса. Очень много интересных практических указаний было сделано и колхозниками, участвовавшими в работах пленума правления Украинского Союза советских архитекторов, посвященного вопросам колхозной архитектуры (в апреле 1941 г.).

Изучение народного жилья и практики жилищного строительства в колхозах, осуществленное Академией архитектуры, приводит к заключению, что природные условия, местные строительные материалы, национальные и бытовые традиции населения настолько разнообразны, что даже в пределах одной республики или края встречаются сильно разнящиеся между собой по архитектуре жилые дома колхозников.

На небольшой сравнительно территории Крыма дома на южном побережье (по их плану, архитектуре и строительным материалам) сильно отличаются от жилых домов степной части Крыма. Но и в степной части жилые дома в татарских, русских, еврейских и немецких колхозах также существенно разнятся между собой.

Совершенно правильно подошли, при составлении программы конкурса на жилой дом колхозника, в Грузии, предусмотрев различные задания для Западной и Восточной Грузии. Обе эти части Грузии характеризуются различными климатическими условиями, разным рельефом местности, разными строительными материалами, а следовательно, и различным типом жилья.

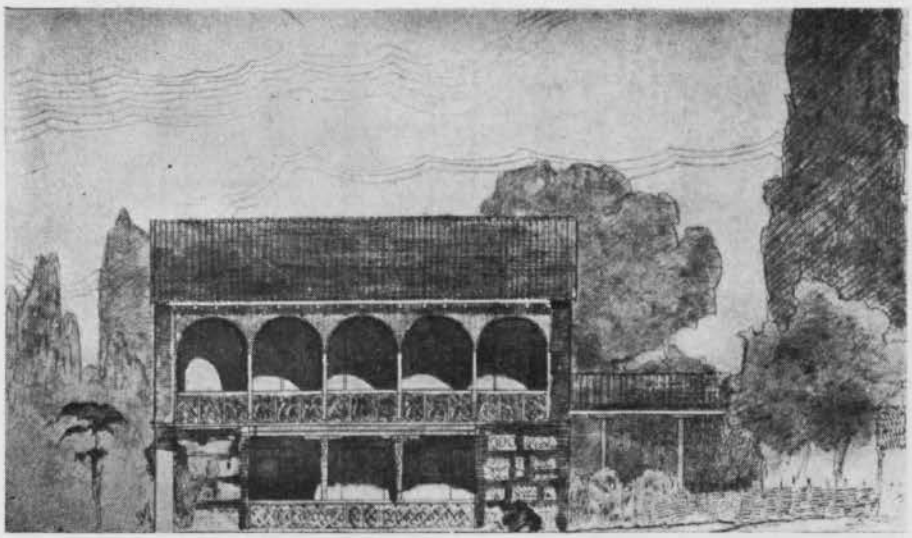
Аналогичный метод был применен и при проведении конкурса в Киргизии. В программе конкурса были учтены различные природные условия и различные местные строительные материалы в южных и в северных районах республики.

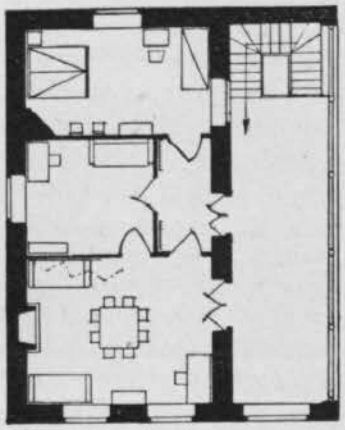
Иначе, в ряде случаев, обстояло дело на Украине. Демонстрировавшиеся на выставке, приуроченной к апрельскому (1941 г.) пленуму правления Украинского Союза советских архитекторов, типовые для всей УССР проекты предусматривают жилой дом применительно к условиям Полтавской и Харьковской областей. В то же время, сложившиеся типы жилых домов в южных, безлесных областях Украины существенно отличаются от полтавских и харьковских хат.

Мы уже отмечали, что работа над созданием архитектуры колхозного жилого дома должна основываться на творческом использовании лучших образцов народного зодчества.

В этом отношении заслуживает внимания проект жилого дома в колхозе, разработанный Академией архитектуры (автор — арх. С. Кибирев, при участии арх. Л. Павловой). В основу объемного решения взят деревянный сруб. Благодаря боковой пристройке, в которой размещаются терраса, сени и кладовая, применению встроенного окна, хорошо найденным пропорциям, со вкусом прорисованным деталям и умелому использованию народных резных украшений на лобовых досках и на карнизе, — архитектура дома оставляет весьма благоприятное впечатление. Очень экономична и хорошо продумана и планировка дома.

Проект жилого дома, разработанный Академией архитектуры для районов Северного Кавказа, предусматривает использование в качестве строительного материала — самана. Запроектированная здесь побелка стен, черепичная кровля, ставни на





Проект колхозного жилого дома для Восточной Грузии. Арх. Л. З. Сумбадзе (Грузсельпроект).

окнах и терраса придают дому южный характер. Подсобные помещения вынесены за периметр отапливаемых стен и расположены в виде пристройки. В доме запроектированы два входа: один со стороны улицы через террасу, второй — для хозяйственных целей — из кухни (через сени, выходящие на хозяйственный двор).

• • •

Из работ украинских организаций следует отметить проект жилого дома, составленный Укргражданпроектом. Выразительная архитектура дома достигается простыми средствами. Проектом предусмотрена глино-соломенная кровля, хорошо сочетающаяся с оштукатуренными и побеленными стенами. Глино-соломенная кровля широко распространена в украинских селах, она долговечна и огнеустойчива. Со стороны входа запроектирован характерный для полтавских хат «пиддашек» (свес крыши, поддерживаемый на углу деревянной колонной), создающий глубокие светотени.

Несколько проектов жилых домов для колхозников разработано Гипроградом. В проекте арх. А. М. Касьянова планировка дома исходит из обычного плана украинской хаты. В кухне-столовой запроектирован «піл», т. е. небольшое возвышение за печкой, которое в старых хатах использовалось как место для сна. Следует признать, что в новых жилых домах колхозников проектировать «піл» по санитарно-гигиеническим соображениям не представляется целесообразным. В целом, однако, проект разработан достаточно тщательно.

Арх. Топорков в своем проекте предусмотрел при входе «ганок», т. е. крыльцо, которое, так же как и «пиддашек», часто встречается в украинских хатах. Передняя — светлая и отапливаемая. Хорошо расположены печи. В кухне-столовой рабочее место хозяйки перед печью выделено и при желании может быть отделено от столовой занавеской. В главном фасаде неприятное впечатление производит сбитая ось окон.

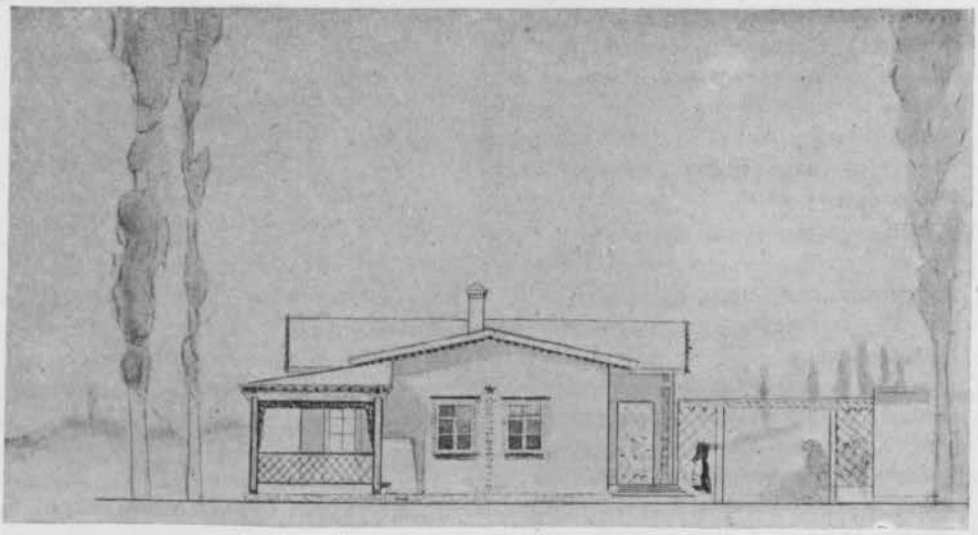
Во всех трех проектах кладовая запроектирована в периметре отапливаемых стен дома. Подобное размещение кладовой довольно часто встречается в украинских хатах, но по теплотехническим условиям кладовую, так же как и сени, целесообразнее размещать в виде холодной пристройки, как это и сделано в проекте арх. Каткова (в этом проекте вместо «пиддашка» предусмотрена терраса). Однако запроектированные здесь два входа, расположенные рядом и выходящие в сени, не оправданы. К тому же, простенки между дверьми и окнами шириной в 33 см, при саманных стенах, осуществить не удастся (ширина простенка должна быть не менее 75 см).

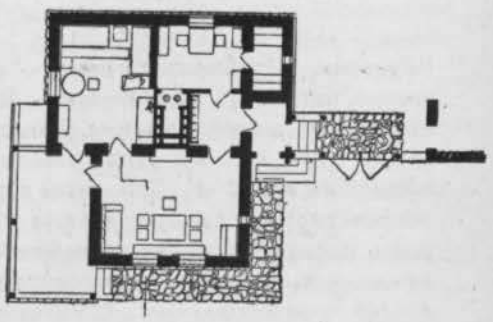
Предусмотренная в проектах архитекторов Каткова и Касьянова форма крыши является типичной для украинских хат с соломенной кровлей. Для черепичной кровли такая форма не совсем удобна, так как она имеет четыре ребра, перекрыть которые черепицей довольно трудно (для этой цели потребуется коньковая черепица). Не случайно в южных областях Украины, где черепичная кровля получила большое распространение, жилые дома всюду имеют двускатные крыши.

Много интересных проектов было представлено и на проведенный недавно конкурс на жилой дом колхозника в Киргизии.

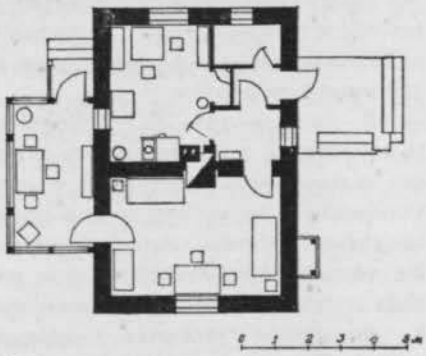
В проекте арх. Л. Н. Воронкова (1-я премия) план дома решен просто и рационально. При доме запроектирована характерная для среднеазиатских жилищ терраса (айван). На террасе предусмотрен очаг местного типа для приготовления пищи в дождливое (осеннее и весеннее) время. Для лета запроектирован очаг на приусадебном участке. Интересная архитектура дома достигнута очень простыми и скупыми средствами. С большим вкусом прорисованы детали, умело применен цвет, удачно применена арка на террасе. Запроектированная плоская крыша является характерной для архитектуры Средней Азии. Недостатком проекта является чрезмерное раскрытие террасы и возникающее отсюда неудобство использования ее в жаркое время года для отдыха и для сна.

Определенный интерес представляет также проект арх. Г. Адамовича (2-я премия). Этот проект предназначается для северных районов

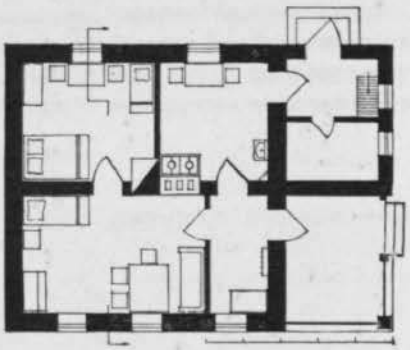




Проект колхозного жилого дома. Арх. Г. И. Миловидов.



Проект колхозного жилого дома.
Арх. Г. В. Адамович.

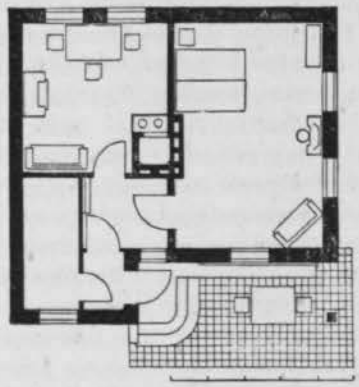


Проект колхозного жилого дома
для Северного Кавказа.
Арх. Г. М. Мартынов.

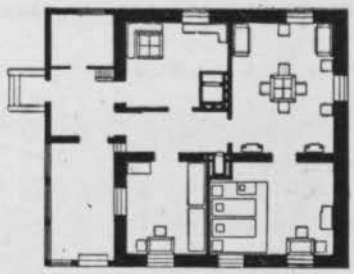
Киргизии. Планировка дома — довольно четкая и экономичная. Дом состоит из жилой комнаты, площадью в 17,9 м², и кухни-столовой, площадью в 12,2 м². При входе в дом запроектирован тамбур; вместо террасы предусмотрена застекленная веранда, что, по условиям климата, является целесообразным. Архитектурный акцент на главном фасаде дается обработкой окна. Просто решенный наличник и ставни хорошо гармонируют с гладкой, побеленной стеной. Уместно включена сюда роспись наличника. В варианте фасада для местной земляной кровли применена роспись лобовой доски. В этом варианте подшивку потолка следовало бы запроектировать по стропильным ногам, что позволило бы снизить кубатуру здания и обеспечило бы значительную экономию дерева. Жилой дом размещается на участке с отступом от красной линии на 5 м. По границе участка запроектирована живая изгородь. Конфигурация приусадебного участка (45×60 м) является незкономичной, так как большая ширина участков вдоль улицы приведет к значительному ее удлинению. Следует отметить также нерациональное использование территории приусадебного участка. Двадцать процентов площади запроектировано под застройку, хозяйственный и чистый дворики. Предусмотренная здесь специальная дорога для прогона скота с участка на пастбище уже давно осуждена практикой планировки колхозных поселков.

В проекте арх. В. Змиевского сделана попытка отразить национально-бытовые традиции жилья Средней Азии. В жилых комнатах предусмотрены стенные ниши и камины, устраиваемые, однако, не в теле стены, а за счет сокращения жилой площади, что является незкономичным. Главный фасад прорисован со вкусом, но, ориентируя террасу в сторону улицы, автор не учитывает климатических условий и допускает ту же ошибку, которая имеет место в проекте арх. Воронкова. При наличии в доме двух сравнительно небольших комнат, запроектировано шесть окон, которые к тому же выходят не на террасу, как это принято в жилищах Средней Азии, а наоборот, на незащищенные от солнца стороны дома.

Из проектов двухкомнатных жилых домов определенный интерес представляет проект арх. Л. В. и В. И. Яковлевых, получивший вторую премию. Жилой дом представляет в плане квадрат, разделенный капитальной стеной на две равные части. Такое решение удобно в отношении перекрытия дома. Из передней в столовую можно попасть через спальную или через кухню. Такое решение не может быть признано удачным. Пристройка к дому, в которой размещаются подсобная кухня и другие вспомогательные помещения, является неоправданной и, тем более, в условиях Средней Азии, где теплый период продолжается большую часть года. Вряд ли может быть рекомендована в местных условиях и предусмотренная проектом русская печь. Дом, в целом, выгля-



Проект колхозного жилого дома.
Укргражданпроект (Киев).



Проект колхозного жилого дома.
Арх. Котков (Полтава).

дит довольно привлекательно, но в нем мало национальных черт. Запроектированные на окнах ставни характерны для белорусского или украинского дома и как-то не вяжутся с широко распространенной в Средней Азии плоской крышей.

В проекте арх. Г. И. Миловидова (3-я премия) хорошо продуман план. Интересно и объемное решение дома. Однако, размещение террасы и приемы ее обработки воспроизводят мотивы дачной архитектуры. Обращает также внимание большое количество хозяйственных служб, запроектированных на приусадебном участке. Они занимают площадь, вдвое большую, чем строительная площадь дома. В условиях колхозов, где основной продуктовый и весь рабочий скот обобществлены, совершенно недопустимо ориентировать проект на столь значительное развитие подсобного хозяйства.

• • •

Целый ряд интересных проектов жилого дома колхозников был представлен и на конкурс, проведенный недавно в Грузии.

Для Восточной Грузии характерны двухэтажные дома. В соответствии с разработанной для конкурса программой, в первом этаже предусматривалось размещение кухни-столовой и хозяйственных помещений, в том числе кладовой для хранения вина (марани), а во втором этаже — жилых комнат.

Проект арх. Бейер (1-я премия) дает хорошую планировку дома. Связь между первым и вторым этажами запроектирована по внутренней лестнице. В архитектуре отражен кахетинский колорит, но в композиции дома ощущается некоторая архаичность.

Арх. Сумбадзе, получивший вторую премию, запроектировал дом с наружными лестницами. План дома, в целом, приемлемый. Следовало бы только кухню-столовую приблизить к лестнице на второй этаж. Фасад дома со стороны двора достаточно живописен. В нем нашли отражение приемы грузинского национального зодчества. Со стороны улицы фасад менее удачен, в нем чувствуется некоторая сухость. Недостаточно масштабны окна и арка балкона.

Западная Грузия отличается низким рельефом и сырым климатом. Поэтому народ создал здесь тип жилого дома на столбах, обеспечивающий хорошее проветривание.

Из числа проектов, предназначенных для Западной Грузии, выделяется проект арх. Непринцева, получивший вторую премию. План дома отличается четкостью и экономичностью. Однако архитектура дома — несколько бедна. Перила имеют примитивный рисунок.

Проект арх. Сумбадзе, получивший первую премию, дает более живописный и интересный образ дома, отвечающий по своему характеру народной архитектуре Западной Грузии. Хорошо прорисованы здесь детали. Недостаточно экономичной, однако, является планировка дома, предусматривающая наличие совершенно лишнего, по местным условиям, хозяйственного коридора. Вряд ли может быть оправдан, в условиях сырого климата Западной Грузии, и невысокий, глухой цоколь с продувами. Программой конкурса предусмотрены в Западной и Восточной Грузии довольно просторные жилые дома. Такие дома могут быть построены только для многосемейных колхозников. Следовало бы запроектировать и более экономичный тип дома, рассчитанный для массового строительства.

КОЛХОЗНЫЙ КЛУБ

Я. КОРНФЕЛЬД

Архитектура колхозного клуба является одной из самых малоразработанных тем советского зодчества.

Нельзя сказать, чтобы над этой темой у нас мало работали. Наоборот, в течение последних пяти лет она дважды выносилась на всесоюзные и однажды на всеукраинский конкурсы, неоднократно разрабатывалась в крупных проектных организациях и научно-исследовательских учреждениях, но результаты этой разработки не могут быть признаны удовлетворительными.

Каждый раз проектирование колхозного клуба предпринимается без достаточного изучения предшествующего опыта, и каждый раз вновь разрабатываются умозрительно основные положения и программы, вновь глубокомысленно обсуждаются особенности этого типа зданий, многократно обсужденные и выясненные, вновь начинают работу с исходного положения.

Вместе с тем, каждый раз пытаются выработать обязательно типовые проекты, универсальные, пригодные для повсеместного строительства, и в результате получаются проекты, лишенные связи с специфическими требованиями культуры и строительными условиями места.

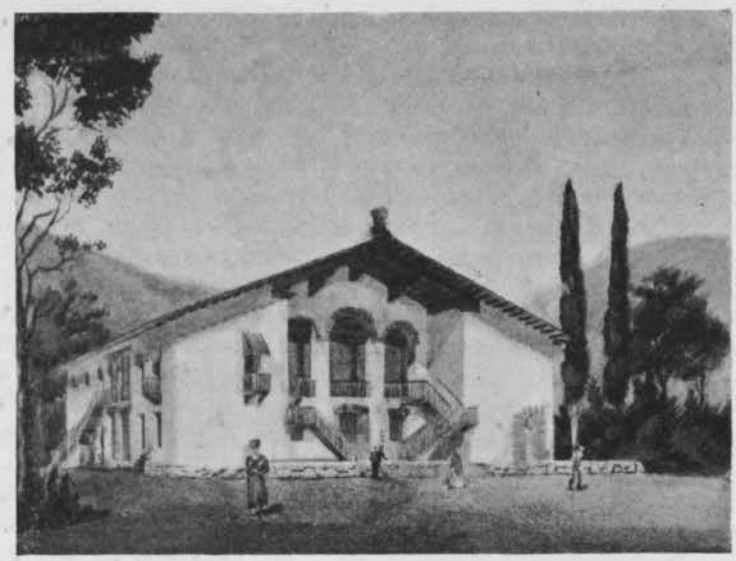
Архитектура колхозного клуба может быть создана только на основе глубокого и всестороннего изучения локальных условий быта, строительства, культуры.

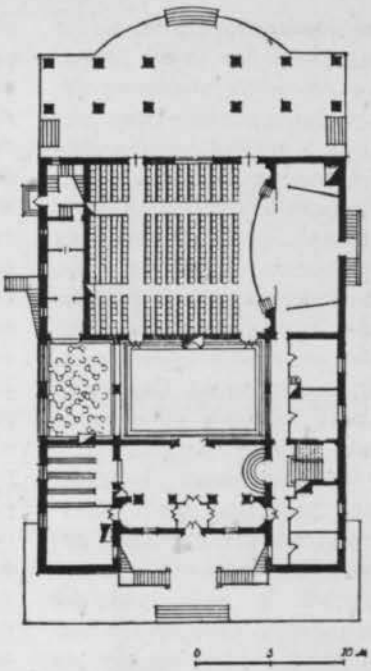
Вместо типовых проектов клубов, которые в условиях разрозненного строительства, осуществляемого местными силами, средствами и материалами, ничем не оправданы, следует тщательно работать над образцовыми проектами ограниченного радиуса действия.

Эти образцовые проекты, составленные с знанием местных условий, смогут оказать действительное влияние на направление строительства, которое пока еще осуществляется вне архитектурного влияния, самими колхозами.

Больше чем в какой-либо иной теме архитектор обязан здесь углубиться в изучение народного творчества, чтобы найти пути его отображения в своих проектах.

Архитектурные формы и строительные приемы, складывавшиеся веками в творчестве данного народа, на данной земле, на данных местных





Проект клуба на 300 мест для колхозов южной полосы.
Арх. В. А. Ашастин.

материалах, на фоне определенного пейзажа, подскажут архитектору наиболее органическую связь его проекта с местными условиями, вкусами, нравами и безмерно обогатят его композицию.

Мы далеки от мысли о непосредственном перенесении в нашу практику этих приемов и форм. Социалистическое село сближается по культуре с городом и хочет иметь у себя полноценную, отображающую современность, архитектуру. Нисколько не оспаривая права села на высокую архитектурную культуру, мы считаем «медвежьей услугой» селу игнорирование всех сокровищ его собственной культуры и высокомерное насаждение какой-то универсальной архитектуры.

В последние годы мы наблюдаем среди архитекторов все ширящееся движение к изучению народного творчества в его лучших памятниках. Можно с уверенностью сказать, что воздействие этого изучения на нашу практику не замедлит обнаружиться.

В современных условиях массового строительства часто оправдывают низкое архитектурное качество ссылками на утилитарные требования, забывая о том, что роль архитектора именно и состоит в гармоническом сочетании обеих сторон задачи.

С этой стороны особое значение имеет изучение народного зодчества.

Традиции народной архитектуры в общественных и культовых сооружениях дают нам прекрасный образец того, как утилитарное дополняется высокохудожественным, эмоциональным. Сравнительно простыми средствами достигается выражение большой торжественности, скульптурная выразительность объемов, живописность силуэтов.

Высокие восьмерики, крутые шатры и крыши, шеи и луковицы куполов в русском деревянном зодчестве, уступчатые пирамиды украинских деревенских сооружений, высокие барабаны, купола и башни каменных зданий и бесконечное разнообразие других форм и приемов превращали эти здания в почти скульптурные произведения, в которых преобладает значение пластики внешнего объема.

Если сравнить внешний вид церкви в Кижах или в Юромском и их разрезы, показывающие, что теплые помещения занимают лишь небольшую часть внешнего объема, становится ясно, как высоко ставилась задача внешней выразительности центрального здания и какими мудрыми средствами эта задача разрешалась. Незачем повторять эти приемы, но нужно извлечь из них поучительный урок для современного строительства на селе.

Можно предвидеть здесь возражения некоторых архитекторов о «правде», об «органичности» образа, о «функциональной оправданности», которую они понимают весьма ограниченно, как сумму площадей и кубометров, обусловливающих образ. Однако немаловажная правда заключается и в том воздействии на среду, на человека, которое оказывает архитектура здания, а эту-то правду псевдофункционалисты сбрасывают со счетов.

Центральное здание в общественной жизни социалистического села имеет право на полнозвучную архитектуру, владеющую всеми средствами большого искусства.

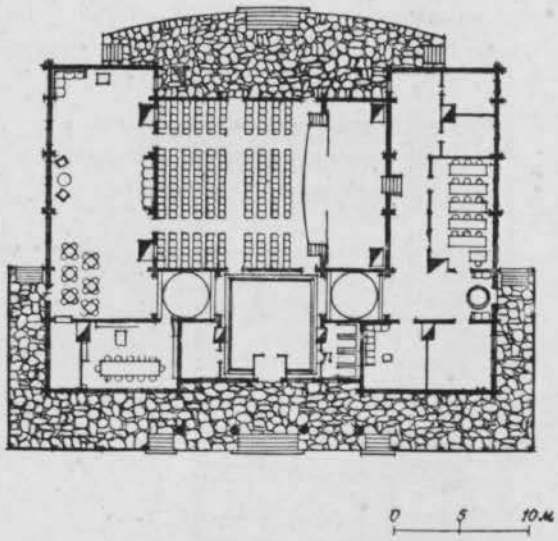
Эти цели нужно ясно осознать и научиться их сочетать с разумной экономикой, с реалистическим воплощением в современных условиях.

Последнее по времени совещание по колхозной архитектуре, происходившее в Киеве в начале апреля, решительно высказалось за то, что в здании клуба нужно найти элементы для вертикального построения, которые могли бы служить силуэту села не хуже, чем в прошлом ему служили колокольни.

Экспедиция Академии архитектуры СССР произвела недавно обследование жилищного и общественного строительства в колхозах среднеазиатских республик.

Привезенные фото, обмеры, зарисовки прошлого и современного строительства иллюстрируют живую преемственность развития традиций в народном творчестве. Колхозники Узбекистана или Казахстана, строя свои новые клубы, сохраняют исторически сложившиеся черты быта, комбинируют клуб с чайханой, окружают его тенистыми айванами — крытыми верандами, располагают

Проект клуба на 200 мест для колхозов северной полосы. Арх. В. А. Ашастин.



места в зрительном зале на невысоких помостах, окружающих центральный партер двумя ярусами.

Несложная резьба, орнаментальная роспись и рельеф оживляют деревянные стойки веранд и стены, служащие им фоном.

Внутри, в центральном зрительном зале, обильная орнаментальная и ковровая роспись, узорные ткани на суфах (помостах) и стенах создают интерьер, проникнутый особым теплом и привлекательностью.

Такой клуб человек чувствует своим, приходит в него запросто, относится к нему бережно, любовно. Тщательно продуманы и очень рационально организованы помещения клуба, учтены все особенности вкусов, требований, и при этом создан новый тип здания, отвечающий совершенно новым условиям общественной жизни.

Задача архитектора — зорко проследить тенденции этого развития и, отправляясь от них, поднять колхозную архитектуру на уровень современной культуры.

Серьезную попытку в этом направлении представляют последние работы Института градостроительства Академии архитектуры СССР.

В основу разработки целой серии проектов были положены результаты проведенного в 1939—40 гг. обследования колхозного строительства на Северном Кавказе.

Задание состояло не только в том, чтобы ориентировать проекты на особенности климата, пейзажа, строительных материалов, быта, художественных и строительных традиций, но и в том, чтобы подсказать на этой основе путь развития современного здания для колхозного села.

Облеченное в плоть даже такой сравнительно широкой характеристики, здание стало для архитектора несравненно более конкретным и ясным, чем обычные «типовые здания», и в решении его он стал опираться на живое, образное представление о предмете композиции.

Характерной в этом смысле является тщательность, с которой авторы изобразили пейзаж, стараясь перенести здание в его будущее природное окружение и вообразить его как можно теснее связанным с этим окружением.

Три проекта, составленные для Северного Кавказа, во многом схожи по общему духу архитектуры, но вместе с тем заметно различаются в разработке темы.

Общие черты в композиции проектов — хорошие пропорции объемов, простые, незатейливые силуэты, богатая светотень, три проема в центре под фронтоном главного фасада и по их сторонам глухие стены, сочетание камня, белых оштукатуренных гладких плоскостей стен и сочных деревянных элементов в наружных лестницах, под широкими свесами черепичных кровель.

Мотив трех проемов, балконов и лестниц разработан в трех отчетливо различных вариантах, в разной степени приближающихся к типу общественного здания.

Наиболее характерное решение дается в проекте арх. В. А. Ашастина для клуба с залом на 300 посетителей.

Энергичная лоджия во всю высоту здания, крупные проемы, глубокий навес кровли над входами, поддержанный сильными деревянными консолями — достаточно выразительные средства для характеристики здания общественного назначения. Некоторый диссонанс и излишнюю интимность вносят, однако, многочисленные легкие наружные лестницы.

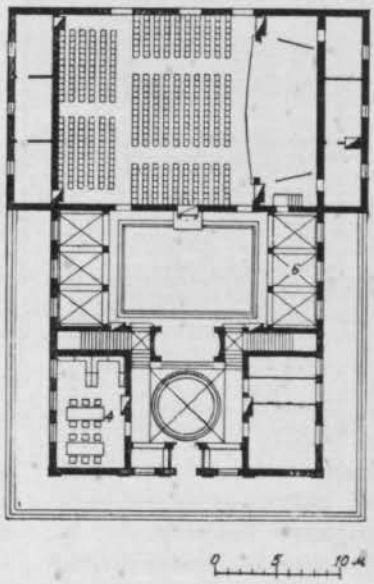
Менее удачно в этом смысле решение в проекте архитектора И. Г. Гайнутдинова для клуба с залом на 400 посетителей.

Лоджия застроена на половину высоты тамбуром и центральное пятно фасада этим очень ослаблено, столбы превращаются в нижней части в плоские пилястры, и теряется ощущение их силы.

Одно только заглубление тамбура могло бы уже заметно изменить к лучшему верную в общем композицию.

Еще более интимный вид имеет спроектированный архитектором Гайнутдиновым клуб с залом на 200 посетителей. Богатая декорация фасада деревянными лестницами, балконом на консолях, поддерживающих колонны, которые в свою очередь поддерживают верхние консоли под свесом кровли, — все это мельчит

Проект клуба на 400 мест для колхозов южной полосы. Арх. И. Г. Гайнутдинов.



фасад и придает ему характер жилого дома.

Это впечатление усиливается симметричными одноэтажными портиками на втором плане. Нет основания избегать известной теплоты и интимности в облике небольшого клуба, но при этом нельзя, конечно, согласиться с утратой его характеристики как здания для общественного, а не для индивидуального, пользования, как здания, обслуживающего культурные интересы населения.

Однако, несмотря на наличие этих недочетов, архитектура всех трех проектов оставляет впечатление органической связанности с духом местного строительства, и в этом уже большая заслуга авторов.

Плотное построение планов и объемов во всех трех проектах обладает большими достоинствами, но и одним существенным недостатком—усложнением конструкции крыш. Пролеты висячих ферм, перекрывающих зрительные залы вдоль, доходят до 20 м.

В планах всех трех клубов можно отметить общие принципы: небольшой вестибюль, укромно размещенный в отдельной комнате гардероб, фойе хороших пропорций, удобное для использования его в качестве зала для танцев, примыкание зрительного зала к фойе длинной стеной, отсутствие санузлов, печное отопление.

Не со всеми этими принципами можно согласиться. В частности отсутствие санузлов и печное отопление можно рассматривать лишь как временное, паллиативное решение. В ближайшем будущем мы несомненно будем иметь возможность устраивать санузлы и центральное калориферное или водяное отопление во всех пунктах, где зимой приходится ходить в верхней теплой одежде, и в зданиях нужно предусматривать соответственные помещения.

Привлекательная черта проекта арх. В. А. Ашастина — устройство центрального двусветного фойе, вокруг которого объединены все помещения клуба почти без коридоров. Этот прием придает парадность и простор интерьеру.

Несколько неожиданна группировка по этажам помещений в проекте арх. И. Г. Гайнутдинова (для небольшого клуба с залом на 200 мест).

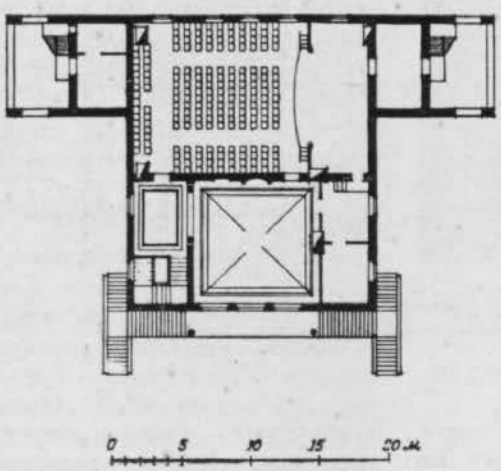
Расположив зрительный зал и его фойе на втором этаже, автор усложнил конструкцию здания, обрек на темноту и холод центр первого этажа, лишил возможности разумно использовать вестибюль как дополнение к залу фойе, и, наконец, обслуживая второй этаж одной лестницей, нарушил существующие нормы.

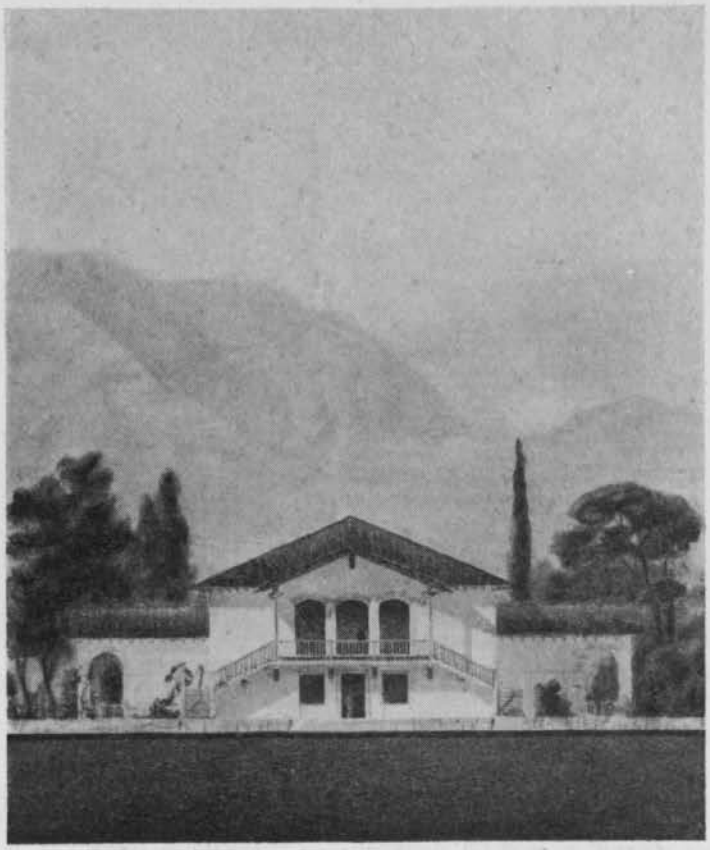
Никаких выгод в сравнении со своим же проектом клуба с залом на 400 мест автор при этом не добился.

В остальном, планы и разрезы всех трех клубов хороши в схеме, в последовательности и в пропорции помещений и грешат лишь в отдельных деталях.

Проект клуба для северной полосы с залом на 200 мест арх. В. А. Ашастина основан, в общем, на тех же принципах. В деревянном срубе, в крутых крышах с возвышающимися друг за другом фронтонами, в бесхитростной декорации столбов и наличников—характерная сдержанность форм зданий сурового севера. Здание вписано в скупой пейзаж севера и срастается с ним. Но общий тон архитектуры несколько минорен. Зданию недостает жизнерадостности, которую можно наблюдать во многих деревянных сооружениях

Проект клуба на 200 мест для колхозов южной полосы. Арх. И. Г. Гайнутдинов.





севера. Площадь плана недостаточно рационально использована широкими переходами, места для киноаппаратной — нет, кладовая декораций — проходная. Все это — результат не сложившейся до конца композиции плана.

В проектах клубов для украинских колхозов киевские проектные организации также стремились найти локальный тон архитектуры и в известной мере достигли успеха. Клуб с залом на 400 мест в проекте арх. Добровольского, Благодатного и Копоровского (киевский Горпроект), несмотря на несколько подчеркнутую театральность его главного портала, имеет характерную внешность, легко ассоциирующуюся с колоритом местной архитектуры. Не только в орнаментации, но и в основных чертах, в сочетании своеобразных прозрачных арочных пилонов с уступчатым фронтоном и деревом в глубоком свесе кровли, в стройных стойках перголы на фоне штукатурных стен, — можно уловить своеобразные черты, роднящие это здание и с украинским барокко полтавщины и с кубанскими и северо-кавказскими строениями.

Авторам удалось здесь выявить характер общественного сооружения, предназначенного для мягкого климата, и придать ему в то же время простой облик, располагающий посетителя к непринужденности.

Не вдаваясь в критику таких ошибок, как близкая постановка высоких стоек перголы к стене и неудачное их завершение, как недостаточно тонкий рисунок обрамления главного входа, можно говорить о вполне положительном и своеобразном впечатлении от фасадов. Планы, напротив, трафаретны по приему и не обещают ни особых удобств, ни красивых интерьеров в сильно вытянутых, узких и не организованных по форме залах и других помещениях.

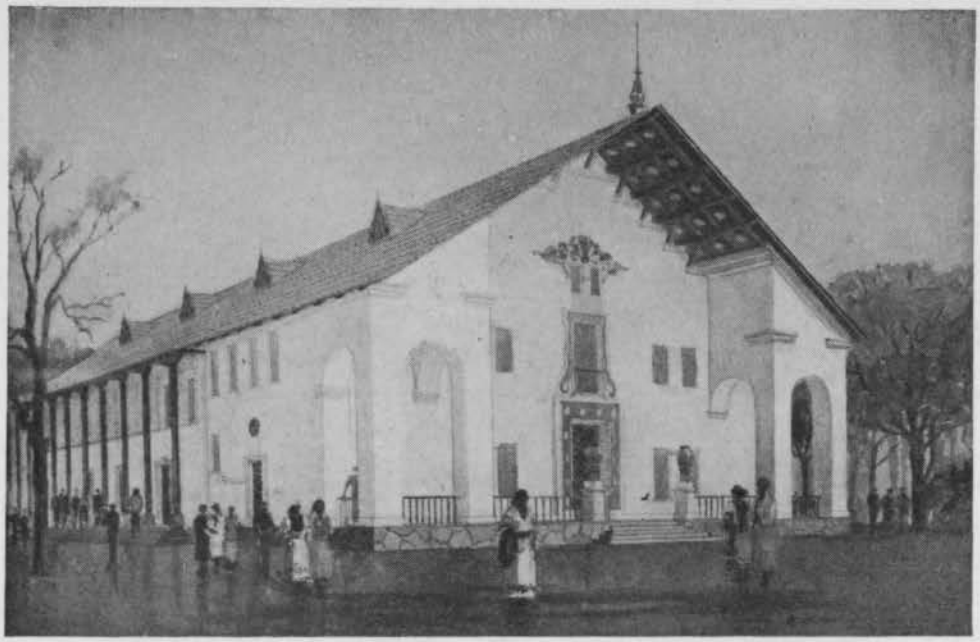
Почти в той же схеме, но в лучших пропорциях и рисунке помещений, решен план клуба с залом на 200 человек арх. Волынской и Перельмутер (киевский Школпроект). Но в композиции объема и в рисунке отдельных элементов этот клуб сложен, несмотря на то, что он вдвое меньше. Три портика на небольшом расстоянии, обилие балконов придают зданию неопределенную характеристику, приближающуюся к загородной усадьбе.

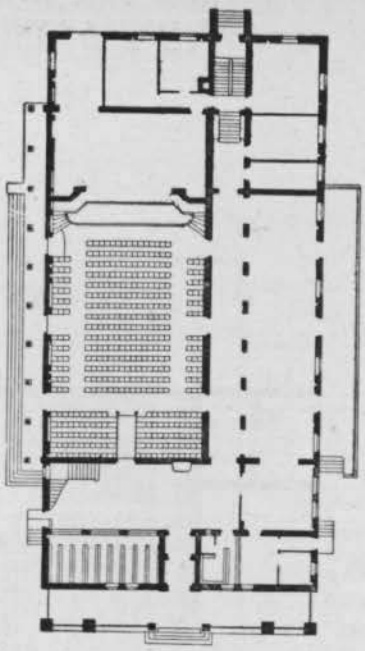
В композиции частей — в крутом фронтоне, в рисунке боковых портиков, пергол — все же передан дух украинской архитектуры, и здание нельзя упрекнуть в безличии, в нейтральности.

Как только задача обезличивается и архитектору приходится проектировать здание для какой-то абстрактной типовой обстановки, оно становится серым, безликим. Это можно видеть на проекте клуба, разработанном Сельхозстройпроектом. Здание северного типа решено с глубокой лоджией, с большим балконом, с огромными окнами. Формы его сухи, бесхарактерны. План небольшого клуба усложнен, площадь вестибюля превращена в уширенный коридор и плохо используется.

Отсутствие адресата обусловило схематичность и более удачного проекта клуба, разработанного Совхозпроектом.

Арх. Ким сумел остроумно использовать очень экономный объем небольшого здания и его крыши, сумел придать хорошие пропорции основным помещениям, но создать внешность клуба для неведомой обстановки ему не удалось, как не удалось это и многочислен-





Проект клуба на 400 мест в с. Лесках (осуществляется).
Арх. А. В. Добровольский, Г. К. Благодатный, Г. И. Копоровский. (Горпроект, Киев).

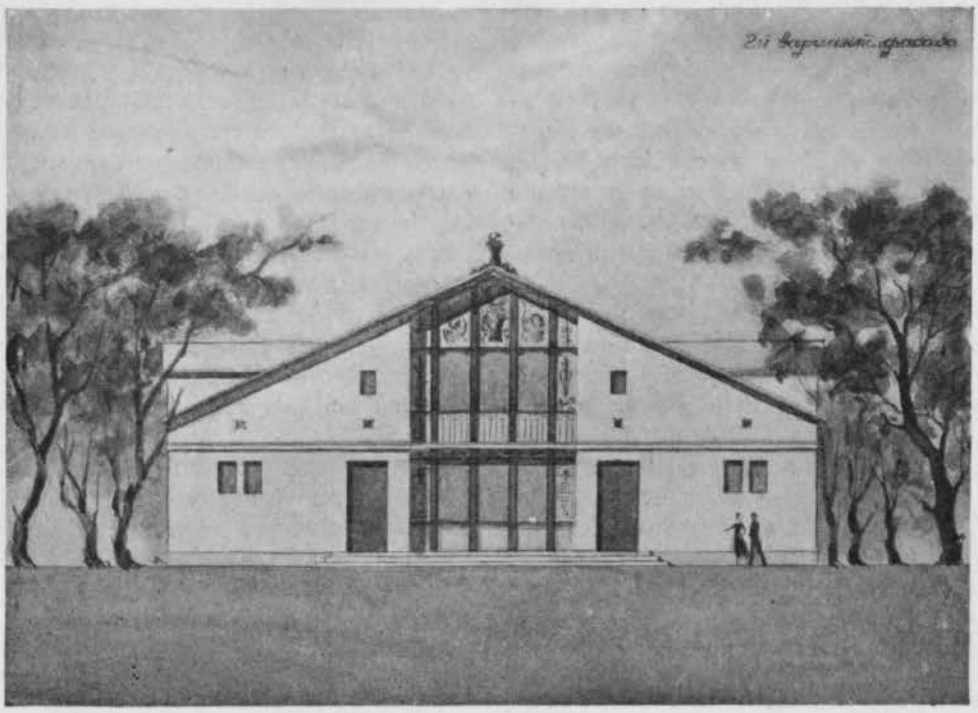
ным авторам конкурсных проектов, лишенных связи с местом постройки.

Как мы уже говорили, Институт градостроительства Академии архитектуры после Северного Кавказа провел обследование строительства в колхозах среднеазиатских республик. На основе этого обследования разрабатывается в настоящее время серия проектов для жилищ и клубов. Своеобразие всех условий быта и культуры, изученное на месте, отражено в проектах и придает им особую убедительность.

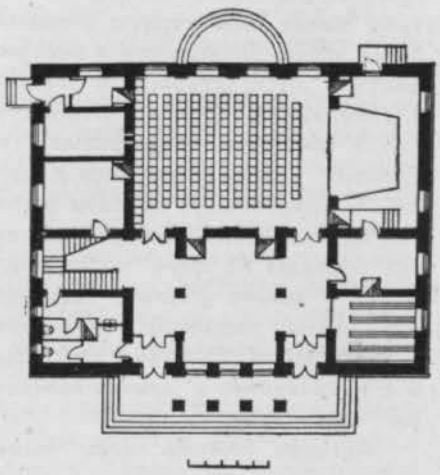
Веками складывались традиции народного искусства, веками кристаллизовались формы быта и их отражение в каждой черте зданий. Многое из того, что создано гением народов, остается неоспоримо жизненным и сегодня, в новом колхозном селе.

Колхозники остро ощущают особенности своей национальной культуры, красоту произведений народного творчества.

Социалистический строй вносит новое содержание в быт деревни, и долг архитектора, глубоко изучая народное творчество и внимательно преобразовывая формы, созданные национальной культурой, в преображенной национальной форме отобразить социалистическое содержание колхозной деревни.



Типовой проект совхозного клуба на 170 мест.
Арх. Ким.



ПЛАНИРОВКА И БЛАГОУСТРОЙСТВО КОЛХОЗНОГО СЕЛА

Л. БУДЕННЫЙ

Архитектура колхозных селений, отдельных домов и общественных учреждений должна отражать возросшее благосостояние колхозной деревни и отвечать производственным и культурным запросам социалистического сельского хозяйства. Именно на эту сторону дела обращал внимание колхозников и архитектурной общественности тов. Н. С. Хрущев в своем докладе на совещании партийного, советского и колхозного актива Киевской области 28 января 1941 года.

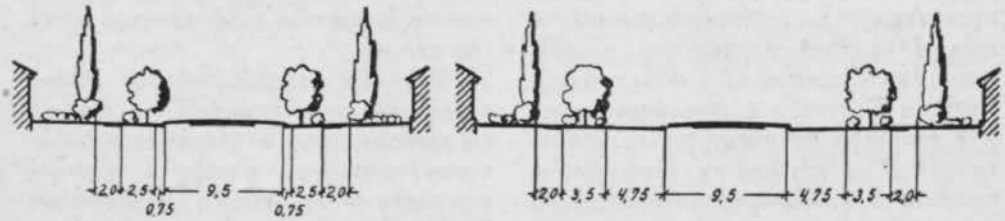
Архитекторы и строители должны во-время обеспечить сельскохозяйственное строительство проектами высокого качества как для планировки колхозных селений, так и для строительства жилых, культурно-общественных, бытовых и производственных сооружений.

Значительное количество новых зданий в колхозах строится по типовым проектам (по данным статистического учета, более 30% из общего числа выстроенных и приспособленных зданий).

На необходимость отбора лучших проектов, осуществленных в колхозных селениях, для широкого использования их в других колхозах указывал в своем докладе тов. Н. С. Хрущев. Это отмечено и в решениях совещания архитекторов по вопросам планировки и строительства в колхозах, совхозах и МТС, организованного Союзом советских архитекторов в мае 1939 года.

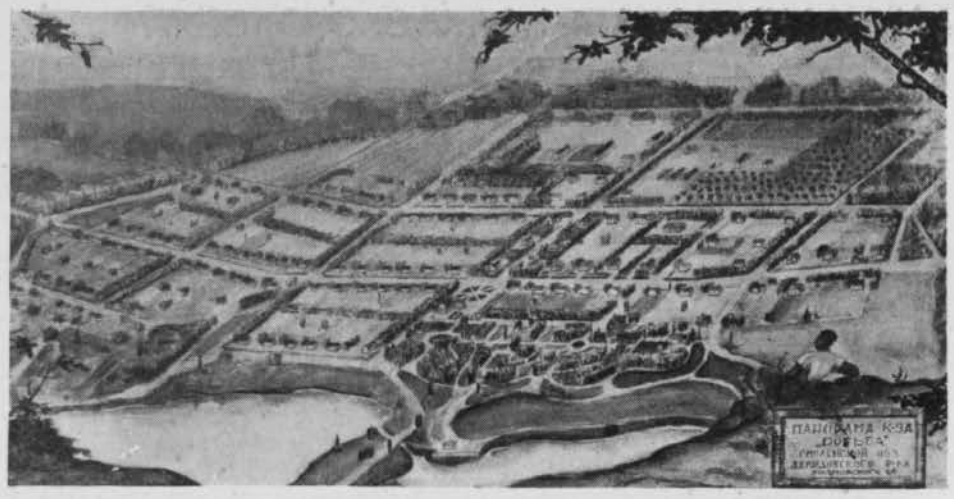
За последние 2—3 года качество типового проектирования и строительства в колхозах значительно улучшилось. Однако в планировке и строительстве колхозных селений имеются существенные недочеты, тормозящие и удорожающие строительство. Плохо, в ряде случаев, обстоит дело с осуществлением проектов в натуре. Зачастую совершенно недостаточно учитываются в планировке поселков и в проектах отдельных сооружений местные ландшафтные условия, рельеф участка. В ряде случаев планировщики еще остаются во власти гео-

Проект планировки с. Зачепиловка Харьковской области. Арх. Буценко. (Гипроград, Харьков).



Профили улиц с. Зачепиловка.

Проект планировки парка в с. Зачепиловка. Арх. Борисенко и Архангельская.



Проект планировки колхоза «Борьба» Смоленской области.

метрических схем и вместо умело вписанного в ландшафт ансамбля накладывают на причудливый рельеф местности геометрическую сетку улиц и кварталов.

На апрельском (1941 г.) пленуме правления Союза советских архитекторов УССР, наряду с хорошими проектами, были представлены и весьма неудачные проекты планировки, которые подверглись суровой критике за чисто формальное решение вопросов архитектуры колхозного села, за грубейшие технические ошибки, а главное, за излишества, за неэкономичные решения в части благоустройства села и т. п. К таким проектам относятся, например, проекты генпланов, представленные Полтавским институтом инженеров сельскохозяйственного строительства (руководитель кафедры планировки тов. Тимошевский). В этих проектах никак не решены вопросы реконструкции села. В одном из проектов за селом запроектировано кино на 500 мест, а в центре — клуб на 300 мест, также с возможным использованием его для кино, причем в колхозе этом имеется всего 140 дворов.

В селе запроектирован также огромный парк культуры и отдыха городского типа с большим количеством дорожек, аллей и разных площадок неизвестного назначения. Обширные улицы села оформляются широкими бульварами с непомерно больших размеров проезжей частью по сторонам.

Со всеми этими недочетами архитектурная общественность должна повести решительную борьбу, добиваясь полноценного архитектурно-планировочного решения сельскохозяйственных поселков.

Заслуживают внимания работы по планировке колхозных селений, выполненные Сельхозстройпроектом Наркомзема Союза ССР в Демидовском районе Смоленской области, при сселении с хуторов. Всего в Смоленской области было составлено 54 проекта генеральных планов колхозных селений.

Колхозники помогли авторам-архитекторам своими практическими советами и предъявлением ряда конкретных требований культурно-бытового и хозяйственного порядка. Этот контакт с колхозниками дал архитекторам возможность исправить в проектах ряд недочетов при застройке селений.

Для характеристики архитектурно-планировочных работ, остановимся на планировке отдельных поселков.

Проект планировки колхозного поселка «Комсомол» осуществлен в натуре (автор проекта арх. А. Зыков). Проектом предусмотрена площадь, представляющая собой центр колхозного села.

На площади расположены клуб, правление колхоза, магазин и другие здания общественного назначения.

Клуб, выходящий на площадь, расположен непосредственно у парка, который создается на основе существующего лесного массива с рекой, органически сливаясь таким образом с местным ландшафтом.

Различная ширина приусадебных участков со стороны улиц обусловлена конкретными особенностями рельефа.

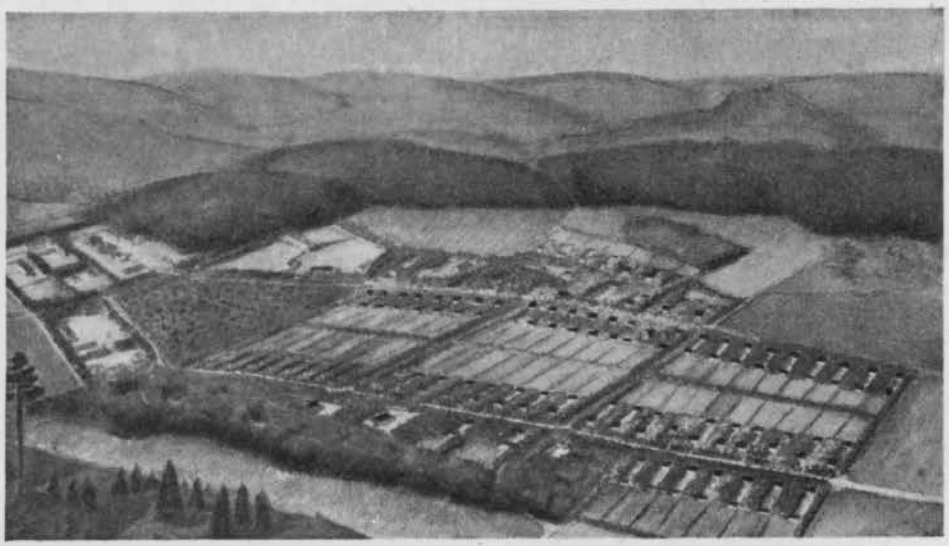
Производственная часть колхоза организована как единый комплекс. Это усиливает представление о современном облике колхозного села с его новыми производственными зданиями (силосные башни, гаражи и т. д.).

Проект планировки колхозного поселка имени Сталина (автор — арх. А. Зыков) предусматривает организацию центра поселка на небольшой площади, вокруг которой и на прилегающих к ней улицах сосредоточены наиболее значительные общественные здания колхоза. К клубу, расположенному на площади, примыкает спускающийся к реке, по живописным склонам речной террасы, небольшой парк.

Жилые кварталы организуются из отдельных усадебных участков и участков общественного назначения. Количество усадеб в квартале от 3 до 11. Застройка кварталов запроектирована по всему контуру, за исключением периферийных односторонних кварталов.

Усадьба колхозника представляет собой вытянутый прямоугольник, узкой стороной примыкающий к улице.

Проект планировки колхоз-



Проект планировки колхоза «Труд» Куркийокского района Карело-Финской ССР.

ного поселка «Борьба» (автор — арх. А. Зыков) учитывает спокойный, но пересеченный несколькими промоинами в сторону озер рельеф местности. Берега озер — крутые и высокие (до 15 м).

Центр села решен в виде площади, застраиваемой общественными зданиями колхоза. За клубом, расположенным на площади, по направлению к озерам, на живописных склонах рельефа располагается колхозный парк.

Кварталы решены в виде комплексов усадебных участков колхозников и участка общественного назначения. Застройка кварталов — двух,- трех- и четырехсторонняя.

Улицы проектируются различной ширины: главная — в 30 м, жилая — в 20 м, переулки — в 15 м, производственные дороги — в 12 м.

Жилые дома на усадьбе располагаются на первом плане с отступом от улицы на 5—6 м, для устройства палисадника.

Разрывы между домами по улице отводятся под фруктовые посадки.

Проект планировки колхозного поселка «Пролетарский труд» (автор арх. П. Гуреев) решает центр села в виде улицы, заканчивающейся небольшой площадью перед клубом.

Клуб занимает доминирующее по рельефу положение. Он расположен на небольшой горке внутри парка.

Основным композиционным замыслом проекта является выявление общественного центра села, путем сосредоточения всех общественных зданий по главной улице и увязки расположения клуба и других зданий с рельефом и ландшафтом местности.

Организация жилого квартала принята односторонняя.

Жилые дома располагаются в глубине усадьбы с отступом от границ улицы на 5—6 м. За домом, в глубине участка, располагаются надворные постройки.

Проект планировки колхозного поселка «XIII лет Октября» (автор — арх. А. Зыков) учитывает рельеф территории села, сильно приподнятой над окружающей местностью и образующей куполообразное возвышение (до 15—20 м высоты).

Вблизи села лесных массивов не имеется. На южном склоне территории находится старый фруктовый сад.

Центр села застраивается зданиями общественного назначения, расположенными на небольшой площади и на прилегающих к ней улицах. Доминирующим зданием на площади является колхозный клуб, к которому примыкает участок парка.

Жилые кварталы колхоза слагаются из отдельных усадебных участков.

Застройка проектируется по всему контуру квартала (за исключением периферийных односторонних кварталов). В квартал, кроме усадебных участков, включены также участки общественного назначения.

Проект планировки колхозного поселка «2-я Пятилетка».

Территория села также приподнята над окружающей местностью, благодаря чему открываются перспективы на озеро и его живописные берега.

Непосредственно к территории села примыкает глубокая балка, являющаяся естественной границей поселка.

Центр села застраивается зданиями общественного назначения.

Перед клубом организуется небольшая площадь, оформляемая зданиями и зелеными насаждениями. К клубу примыкает парк, в решении которого учтен рельеф местности.

Жилой квартал составляется из отдельных усадебных участков, располагаемых в один или два ряда или же по всему контуру квартала.

Проект планировки колхозного поселка «Красный Октябрь» (автор — арх. В. Рябов).

Композиционным замыслом генерального плана является рациональная увязка расположения жилья и производственных построек. В генплане подчеркнута основная улица, на которой сосредоточены здания общественного назначения. Площадь создается только перед зданием клуба.

Кварталы решены односторонними. Количество усадебных участков в квартале — от 5 до 12.

Проект планировки колхозного поселка «Красный Восток» (автор — арх. Т. Протасова).

Территория села — равнинная, пересеченная оврагом в юго-восточной части. По соседству находится озеро.

Центр села решен в виде площади, на которой расположены основные общественные здания колхоза. С одной стороны клуба расположена площадь, а с другой — парк.

Площадь заканчивает главную улицу села, связывающую его с центром — сельсоветом.

Жилые кварталы слагаются преимущественно из двух рядов усадебных участков.

* * *

Работы по планировке колхозных селений, образуемых при сселении с хуторов, выполненные в новых районах Карело-Финской ССР, представляют интерес, ввиду специфических особенностей, заключающихся в разбросанности сселяемых хуторских хозяйств и наличии мелиоративных систем на участках, отводимых под территорию колхозного поселка.

Наиболее интересным примером планировочных работ является здесь проект планировки колхоза «За родину» (автор — арх. Чихладзе).

Архитектурно-планировочная композиция плана построена с учетом существующей дорожной сети и магистральных осушительных канав.

Две основных магистрали пересекаются в центре села под прямым углом. На их пересечении организована небольшая площадь, образующая композиционный центр села.

На самом видном месте площади расположен клуб.

Непосредственно к клубу примыкает красивый массив леса. Зрительно этот парк заканчивается скалистыми гранитными сопками.

Организация жилых кварталов определяется волнообразным рельефом местности, по гребням которого проходят жилые улицы, а в низменностях организованы огороды колхозников.

Аналогичные черты характеризуют и проект планировки колхоза «Труд», Куркийокского района (автор — арх. А. Зыков), с той лишь разницей, что здесь влияние существующей мелиоративной сети на планировку сказывается еще сильнее.

* * *

Большой интерес с точки зрения современных приемов и методики построения архитектурно-планировочной композиции генплана колхозного села представляют проекты планировки, разработанные Гипроградом (Харьков). Проекты эти построены с учетом использования рельефа и существующих построек, хорошо увязаны с ландшафтом местности, с окружающей живописной обстановкой. Положительным примером является, в частности, проект планировки колхозного села Зачепиловка, Харьковской области (автор — арх. А. Е. Буценко). В этом проекте хорошо выявлен центр села, на самом видном и высоком месте которого поставлен клуб и другие культурно-общественные здания колхоза. Улицы запроектированы по естественным водоразделам, что говорит о привязке проекта к местным особенностям рельефа. Жилые кварталы и приусадебные участки колхозников естественно вписываются и сочетаются с рельефом местности. Спортивные площадки, как и небольшой парк, расположены к северу от центра села, на уклоне, и непосредственно примыкают к реке.

Проект разработан на четкой геодезической основе и, несмотря на сравнительно спокойный рельеф местности, архитектурно-планировочная композиция генплана отличается большой выразительностью и органически сочетается с природными условиями (река, кустарники и т. п.) Зачепиловки. В южной части села расположены колхозные фермы и фруктовые сады. Производственная часть колхоза хорошо вписывается в планировочное решение комплекса в целом.

На основе практических работ по планировке колхозных селений, Сельхозстройпроектом НКЗ СССР разработан сборник норм и правил планировки и застройки сельскохозяйственных населенных мест, а также (с участием Совхозстройпроекта) новые технические условия по проектированию зданий и сооружений сельскохозяйственного назначения. Нормы, применяемые Сельхозстройпроектом в практике проектирования колхозных селений, предусматривают ширину жилых улиц от 12 до 20 м и от 15 до 30 м (между красными линиями), ширину проезжей части улицы — от 6 до 9 м и ширину тротуаров — от 1,5 до 2 м.

Глубина палисадника, или отступ от красной линии улицы до жилого дома, предусмотрена нормами в 5—8 м.

Хозяйственные постройки на усадьбах колхозников должны ставиться за жилым домом, в глубине усадьбы (ближе к огороду), в 10—20 м от жилого дома.

Длина жилых кварталов по улице может варьировать от 150 до 300 м, а ширина канавок (кювет) для отвода воды принимается от 0,75 до 0,90 м.

• • •

Огромное значение в создании нового облика села имеют вопросы благоустройства.

До Великой Октябрьской социалистической революции застройка деревни отличалась хаотичностью, антисанитарией и неблагоустроенностью как в усадьбах, так и на улице.

Теперь над архитектурой, планировкой и благоустройством колхоза работают советские архитекторы, которые несут в колхозы достижения науки и техники и помогают им благоустраивать и перестраивать села на основе современных технических, санитарных и противопожарных норм, на основе возросших культурно-бытовых и производственных требований населения.

Наряду с благоустройством улиц, кварталов и усадеб колхозников, предусмотренных проектами генпланов колхозных селений, большое внимание должно уделяться строительству колхозных прудов, созданию водоемов, использованию рек для культурно-бытовых, производственных и других потребностей колхозного населения (рыбоводство, устройство водных спортивных станций, постановка водяных мельниц на реках и т. п.).

Эти мероприятия получают свое отражение и в проектах планировки колхозных селений. На усадьбе, помимо жилого дома, предусматривается размещение хозяйственного сарая, навеса, мест для навоза или для постановки компостной кучи, мест для уборной, садика фруктовых деревьев или палисадника перед домом, огорода с выделением места для ягодника, колодца, чистого двора с забором, воротами и калиткой.

Наша задача — поднять интерес архитектурной общественности к проектированию и строительству на селе, разработать обязательные правила застройки и благоустройства колхозных сел. Необходимо создать при районных земельных отделах строительные дворы для изготовления деталей, дающих возможность в максимальной мере стандартизировать строительство, и организовать специальные группы по техническому надзору за строительством в колхозах.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Б. НИКАНДРОВ

Огромный объем строительства производственных зданий в колхозах со всей остротой выдвигает задачу типизации проектов.

Созданные за последние годы типы производственных зданий коренным образом отличаются не только от построек дореволюционной России, но и от зарубежных производственных сооружений, характеризующихся отсутствием резко выраженной специализации.

Заграничная практика строительства сельскохозяйственных производственных зданий (и особенно практика США) представляет для нас интерес, главным образом, с точки зрения индустриализации строительных работ. Стандартное внутреннее оборудование (вентиляционное и канализационное, подвесной и наземный транспорт, перегородки, кормушки, автоматические и электротехнические агрегаты и др.) изготовляется специальными фирмами. Эти же фирмы изготовляют стандартные элементы производственных зданий, осуществляют стандартное сборное строительство, изучают опыт эксплоатации зданий и на основе этого создают новые типы их оборудования.

Типовые проекты сельскохозяйственных производственных построек в СССР характеризуются **большим объемом зданий** (особенно в МТС и крупных колхозах) и резкой их **специализацией** (зернохранилище, гараж, конюшня, коровник, свинарник, сушилки, кормоприготовительная, молочная, мастерские с резко выраженными цехами, электростанции, мельницы и т. д.).

Другой особенностью типовых проектов наших производственных построек является **секционность в планировке зданий**, дающая возможность планомерно увеличивать объем сооружения и располагать его на участке по батарейному (секционному) принципу, создающему хорошие условия для механизации производственных процессов, как внутри здания, так и вне его (подвозка продуктов, кормов, вывозка навоза и т. д.).

И, наконец, в типовых проектах всемерно учитываются **зоогигиенические, ветеринарные, производственные и пожарные требования**, обеспечение изоляции отдельных групп животных, а также необходимость создания нормальных условий для организации труда колхозников и совхозных рабочих.

По специально отобранным типовым проектам был сооружен ряд построек на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Построенное здесь здание машинотракторной мастерской (с пропускной способностью до 100 тракторов в год) имеет все необходимые цехи, компоновка которых обеспечивает поточность технологического процесса, а также изоляцию и обособленность отдельных цехов. Монтажный цех имеет боковое освещение, что избавляет от необходимости устраивать верхний свет (фонари), очень не желательный в сельскохозяйственных сооружениях.

Столь же удачно решены на ВСХВ и животноводческие постройки: здание коровника на 50 голов, в левом торце которого располагаются два помещения для инвентаря, с примыкающей к одному из

них силосной башней; скотный двор с выгульными площадками, огражденными изгородью и затеняемыми зелеными насаждениями; здание коровника на 30 голов, характеризующееся гладкой поверхностью побеленных саманных стен, делящихся тамбурами по переднему фасаду на две симметричных части; П-образное здание овчарни на 600 племенных маток с приплодом; свинарник на 100 голов; зернохранилище, колхозный склад и т. д.

Приходится, однако, отметить, что возводимые на местах, даже и по этим лучшим типовым проектам, производственные здания зачастую не отличаются высоким качеством. Объясняется это, прежде всего, невысоким качеством строительных работ, а также многочисленными отступлениями от проектов, перепланировкой помещений, видоизменением системы привязей скота, игнорированием предусмотренной в проекте вентиляции и т. д.

Для повышения качества типовых проектов производственных зданий необходимо, прежде всего, уточнить оптимальные размеры типовых построек по набору цехов, по их площадям, производительности и пропускной способности, по производственному направлению колхоза и т. д.

При разработке типовых проектов должны учитываться также результаты испытания новых типов внутреннего оборудования и санитарных устройств, опыт эксплоатации уже выстроенных зданий, новые рационализаторские предложения, местные специфические условия и местные строительные материалы.

• • •

Производственные постройки нельзя проектировать изолированно от планировки хозяйственно-производственных и животноводческих секторов колхоза или совхоза.

Планировка производственных секторов до сих пор не получила правильного решения. В планах нередко допускаются излишества и разбросанность построек на значительной территории.

Нередки случаи, когда проектируют большие разрывы между автотракторным и конным двором, в то время как ремонтная мастерская обслуживает, наряду с тракторами и автомобилями, весь конный сельскохозяйственный инвентарь и транспорт. Наиболее целесообразно проектировать хозяйственно-производственный сектор (двор) в виде обособленного производственного участка, представляющего собой замкнутую по периметру систему застройки, с учетом внутрисекторного транспорта и противопожарных разрывов. Мастерскую надлежит располагать в центре территории производственного сектора.

Сильная тяга колхозников к благоустройству своих селений находит свое отражение, в первую очередь, в создании хозяйственно-животноводческих секторов в отдалении от усадьбы.

Помещаемый здесь проект планировки производственно-хозяйственного сектора (двора) колхоза им. Красной армии и флота (Реутовского района, Московской области) показывает, как решается этот вопрос в проектной практике. Основными предпосылками, определяющими композицию плана хозяйственного сектора, является здесь расположение животноводческих построек вдали от усадьбы, приближение к ней складских построек и организация главного въезда со стороны существующей дороги, связывающей колхоз с железнодорожной станцией.

В соответствии с этим, здания хозяйственного сектора разбиты, в зависимости от их назначения, на три основные группы — транспортную, складскую и животноводческую, причем расположение этих групп по отношению друг к другу дает возможность четкой организации технологического процесса.

При планировке животноводческого сектора следует учитывать также основные эксплоатационные моменты — кормление животных в помещениях, получение продукции животноводства и ее обработку, вывозку продуктов животноводства и отбросов (навоза) и кормление животных на пастбище.

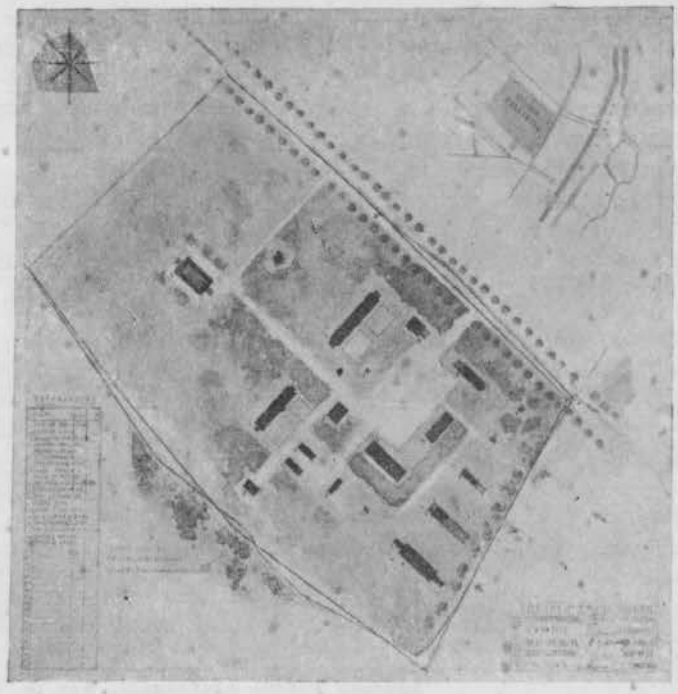
Эти эксплоатационные моменты диктуют необходимость дифференцировать здания и сооружения, располагающиеся в животноводческом секторе, на отдельные группы (собственно животноводческая группа, кормовая группа и т. д.).

Опыт проектирования и строительства животноводческих зданий приводит к выводу, что наиболее удобной формой группировки зданий является «батарея», т. е. параллельное расположение зданий своими продольными осями.

Примером такой группировки может служить генплан животноводческого сектора в свиносовхозе им. С. М. Буденного (Челябинской области).

• • •

Одной из основных причин, тормозящих развертывание строительства производственных зданий и отрицательно влияющих на его стои-



Проект планировки хозяйственного сектора колхоза имени Красной армии и флота, Реутовского района Московской области. Арх. А. С. Смирнов (Сельхозстройпроект).

Проект овчарни на 750 голов. Арх. Б. И. Никандров.

мость и качество, является недостаточное применение стандартов, полузаводских методов изготовления отдельных частей и элементов зданий и совершенно незначительное число предприятий, занятых выработкой местных строительных материалов.

Необходимо широко развернуть в колхозах производство местных строительных материалов — кирпича, черепицы, туфов, самана, глинобитки, кровельных материалов, вяжущих (извести, алебастра) и керамических изделий.

При районных замельных отделах или отделах местной промышленности надо создать строительные дворы по изготовлению стандартного внутреннего оборудования (окна, двери, кормушки, вентиляционные и канализационные приборы), а в ряде случаев и по производству стандартных сборных построек и отдельных частей здания (стропила, перекрытия, полы, силосные башни и пр.).

Для пополнения кадров инженеров и техников-строителей, работающих в земельных отделах, и повышения их квалификации, следует организовать специальные курсы, продумать вопрос о профиле специалистов, подготавливаемых в средних и высших учебных заведениях, создать школы и курсы для подготовки строителей из числа членов колхозов и т. д.

Скорейшая реализация всех этих мероприятий может быть осуществлена путем организации треста по строительству в колхозах, по типу существующих в совхозном секторе строительных организаций. Этот трест, наряду с производством строительных работ, должен осуществлять опытное строительство производственных зданий, испытание новых типов внутреннего оборудования, санитарных устройств, проведение экспериментальных работ по изготовлению и испытанию новых строительных материалов.

Перед советскими архитекторами поставлена ответственная, но в то же время и интересная задача — создать новый архитектурный образ колхозной постройки, который соответствовал бы социально-политическим и экономическим условиям нашего сельскохозяйственного производства и отражал бы культурную и зажиточную жизнь колхозника. Исходными моментами в работе архитекторов в этом направлении должны явиться производственные, культурные и бытовые запросы колхозников, а также естественные условия и местные строительные материалы.

Новые объекты — животноводческие фермы, бригадные дворы, мастерские, гаражи, мельницы, электростанции, хранилища и другие производственные здания — меняют облик колхозной деревни и являются ярким и убедительным показом ее достижений.

Архитектурный образ производственных, и главным образом животноводческих, построек характерен своим объемом. Чаще всего это — одноэтажное, невысокое, вытянутое в длину здание. Общий объем и размеры производственных зданий и их форма удачно выделяют их на фоне других, более мелких построек колхоза или совхоза и привлекают внимание зрителя.

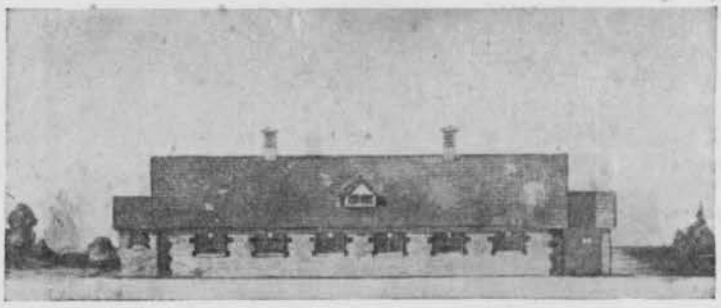
Большое внимание архитектор должен уделить и отдельным деталям производственных зданий — фронтонам, входам, выходам, слуховым окнам и пр.

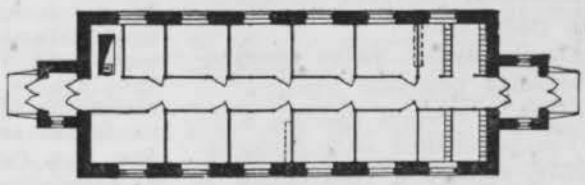
Интерьер производственных построек очень прост и определяется конструктивной схемой решения здания и его внутренним оборудованием.

Необходимо, чтобы архитектор внимательно отнесся к деталям оборудования и к его расположению внутри помещения.

Большое значение для внешней архитектуры и для интерьера производственных зданий имеет хорошее качество строительных работ (прямые и сделанные по отвесу углы, правильная обработка проемов, качество кладки стен, устройства кровли и пр.).

В архитектуре производственных зданий исключительное значение имеет удачное расположение построек на территории производственного или животноводческого секторов колхоза и совхоза. При удачном размещении зданий в этих секторах, при учете окружающего пространства и зелени, удастся создать законченный в масштабе колхоза или совхоза архитектурный ансамбль.





Типовой проект свинарника. Арх. Б. Г. Носков, А. Я. Зубкин (Сельхозстройпроект).

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

О КЛАССИЧЕСКОМ И О КЛАССИКЕ

О. МУНЦ

Как известно, термины — классика и классическое — употребляются в архитектуре в двух различных смыслах. Классической мы называем совершенно определенную архитектурную систему, сложившуюся в античном (греческом и римском) зодчестве и по-новому разработанную в эпоху Возрождения, а позднее — во времена классицизма. В совершенно другом смысле мы называем «классиками» лучших художников всех времен. Этим термином подчеркивается качество и значимость их творений, притом вне какого-либо отношения к античной культуре и античному миру вообще. В этом же смысле словом «классический» может быть охарактеризовано всякое произведение и всякое действие, в котором определенная система или стиль получили наиболее яркое и законченное выражение.

Говоря об архитектуре, можно сказать, что храм св. Софии является классическим памятником византийского зодчества, а Реймский собор — классическим памятником готики; далее, можно привести «классические» примеры арабской, индийской и вообще какой-угодно архитектуры. И каждый раз, в этом случае будет подразумеваться образцовость, значимость, характерность, «первоклассность» памятника среди ему подобных.

Но когда в наши дни мы говорим о своего рода воскрешении классики в архитектуре, то мы должны подразумевать прежде всего критическое овладение тем наследием прошлого, которое преемственно связано с античными формообразованиями.

Есть существенная разница между наследием античного мира, воскресшим в Италии, и той архитектурой, которую оно пришло сменить. Для всех же других европейских стран эта совершенно новая система архитектурных форм явилась чем-то вроде откровения и подчинила себе творческие искания.

Так, во Франции Филибер Делорм в своем трактате — «Первый том архитектуры», разбирая готический ребристый свод, еще широко применявшийся в его время, говорит: «Сегодня те, что имеют некоторое знание в настоящей (или подлинной) архитектуре (la vraie architecture), не следуют более этому приему свода». В предисловии к сочинению Катремер-де-Кэнси — «История жизни и произведения наиболее знаменитых архитекторов от XI века до конца XVII», изданном в 1830 году, мы читаем: «Так как мы не признаем настоящего искусства архитектуры, кроме того, которое одно среди всех видов строительства обязано своим происхождением, своим прогрессом, своими принципами, своими законами, своей теорией и практикой грекам и которое, пропагандированное римлянами, стало таковым (т. е. искусством архитектуры) большей части цивилизованного мира, то мы должны предупредить, что не найдется в нашем изыскании ни одного упоминания о каком-либо произведении или о каком-либо архитекторе жанра, называемого готическим».

Оба цитируемые автора, разделенные друг от друга без малого тремя столетиями, называют заимствованную от античного мира систему форм «настоящей» архитектурой.

Едва ли может быть сомнение, что в классической системе форм, прошедшей во всевозможных вариациях через века, системе, то отвергаемой, то вновь воскрешаемой, и мы должны видеть важный источник для создания полноценной архитектуры наших дней. Но при этом мы должны, однако, отдать себе отчет в том, какова природа этой системы, и отказаться от многих неправильных о ней представлений. Это относится прежде всего к пониманию логической основы классической системы архитектурных форм.

Надо признать, хотя это часто и оспаривается, что система классических архитектурных форм в гораздо меньшей степени обусловлена конструктивно-строительными задачами, чем система форм европейского средневековья, где устои, колонны с их целесообразными капителями, своды, массивные или ребристые, контрфорсы, аркбутаны и, наконец, общая концепция здания, разрешающая главным образом задачу образования внутреннего объема — все сплошь основано на чисто строительной логике. Формы классики проникнуты логикой иного порядка и в этом их сила и значение.

Можно сказать, что научно обоснованный взгляд современной механики на сопротивление твердого тела внешней силе, как на результат изменений во взаимном расположении частиц, т. е. как на результат деформации тела — взгляд, в силу которого само существование твердого тела немыслимо вне понятия упругости, был интуитивно предвосхищен древними. И вот, в пластических формах, древние рассказывают нам сказку об ожившем материале, ощутимо проявляющем напряженность, в нем действительно скрытую. Одухотворенный, не мертвый камень бодро реагирует на работу механических сил, частью реальных, частью воображаемых, и мы любуемся этой застывшей в уравновешенности, полуфантастичной борьбой в напряженно припухшем фусте колонны, в капителях всех ордеров, в обломах карниза. Выразить мощь напряженности в формах расчлененных каменных масс — это не то же самое, что найти просто формы конструктивно рациональные. Есть разница меж-

ду этими двумя задачами, и первая из них разрешается формами классики, вторая — главным образом в архитектуре средневековья.

Одновременно с пластическим истолкованием задач строительной механики, античные зодчие допускали и даже предписывали известные отступления от утилитарности в разрешении внутренних объемов. Отсюда их гармоничное и только во имя гармонии допускаемое нарастание, отсюда и преобладающая осевая симметрия, которая редко порождена жизненными требованиями, но легко и властно эти требования себе подчиняет.

Классика дает широкий простор вымыслу, пафосу, в области архитектурного творчества. И этот классический пафос потому дорог и понятен всем и каждому, что в отличие от, например, готического, близкого определенной конструктивной идее, он выражается в формах, далеких от утилитарных соображений и вне их развившихся. Сбейте в готическом соборе покрывающее его каменное кружево и останется все же внушительное готическое здание. Лишите храм св. Софии его мозаики и орнаментальных деталей — останется почти тот же византийский храм, — это блестящее разрешение строительной задачи сводчатого захвата пространства и площади. Но вообразите на миг, что подобная операция проделана над Парфеноном, — и от него не останется почти ничего... Незначительна его конструктивная идея, незначительна его задача образования внутреннего объема,—весь он самодовлеющая архитектурная форма, гениальная в своей законченности, в своем скульптурном совершенстве, и скорее символизирующая строительную проблему, чем ее разрешающая.

Такое же отступление от чисто строительной логики находим мы и в архитектуре Возрождения. В фасаде палаццо Питти — этом, — по выражению Жолтовского («Строительная газета» от 12 января 1940 г.), — «венце понимания истинной выразительности стены», мы должны отметить строительную нелогичность в перекрывающих оконные отверстия арках, которые уширяются в замке во имя выразительности иного, не строительного порядка. Нелогично вообще всякое подчеркивание замка полуциркульной арки, как камня, как раз наименее напряженного и даже необязательного (шелыга арки может иметь шов). В классике замок выделяется не как конструктивно важный элемент, а как последний, завершающий возведение арки камень — символ определенного этапа труда. Нелогичны и профили классического архивольта, камни которого снижаются не по направлению к центру (заметим, что ни замков, ни архивольтов не знает средневековая романская или византийская архитектура). Безукоризненный в своей художественной выразительности, в радостном ритме своих форм фасад палаццо Канчеллерии также не выражает строительного приема, так как ритмически расставленные пилястры здесь не проходят сквозь толщу стены. Впрочем, эстетическое чутье и не требует точного соблюдения строительной логики, не требует каркасного приема возведения стены: оно удовлетворяется только символом такого каркаса.

Оторванность форм классики от житейских, будничных задач — есть причина того, что нападки на классическую архитектуру весьма легки. Но эта же оторванность, дающая простор мечте, обеспечивает периодические победы классики над разумными и трезвыми формами средневековья, если говорить о прошлом, и над конструктивизмом, функционализмом, если говорить о современности. Нельзя воскресить готику, архитектуру Византии или наш допетровский стиль, не повторяя тесно связанных с ними типичных строительных приемов и не заставляя этим самым современную жизнь подчиняться требованиям, отошедшим в своем большинстве в область преданий. Памятники этой, стоящей вне классики, архитектуры достойны изучения скорее как образцы столетиями назревавших и в совершенстве разрешенных конструктивных задач, не всегда нам чуждых и в настоящее время. Но декоративные формы этой архитектуры отжили, повидимому, навсегда. К формам же классики мы можем возвращаться совершенно искренно, как к общечеловеческим и неувядающим. Однако — с одной оговоркой.

Если формы классики не стремятся к логике конструктивной в смысле выявления статической картины усилий в материале и ставят себе иную, скажем, высшую задачу, задачу выразительности, задачу символа, то тем не менее, эти формы находятся в чарующем соответствии с физическими свойствами материала — камня. Статически не оправданные формы здесь конструктивно выполнены из камня. Это — конструктивность второго порядка и должна остаться в классике. Правильное преподнесение материала есть один из важных факторов художественного воздействия, а потому, по крайней мере, во внешней архитектуре, классические формы, исполненные не в камне, теряют значительную долю своего художественного смысла.

Заметим, что сложный процесс архитектурного творчества также ставит иносказательным формам классики границы, за которыми они делаются лживыми, надоедливыми, ненужными. Эти границы устанавливаются отчасти развитием техники, которому формы классики могут мешать, если не претерпят изменения (такие изменения вполне возможны), отчасти климатом (с которым также надо считаться) и, прежде всего, содержанием современных зданий, их типами, не всегда воспринимающими строй классической архитектурной речи в его традиционном виде.

ШВЕДСКИЕ ОКНА[1]

В. ГРОМОВ

Характерной особенностью шведских окон является непосредственное сближение и соединение между собой наружного и внутреннего переплетов и навеска их на одну коробку на общих петлях. Такая конструкция дает около 50% экономии древесины и имеет ряд других положительных показателей.

Шведские окна с давних времен широко применяются в Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании; встречаются они в Голландии, Германии, Румынии и других странах.

В СССР на территории, отошедшей от Финляндии по мирному договору 1940 года, имеется много домов, оборудованных шведскими окнами.

В других районах СССР, в связи с внедрением в строительство скоростных методов, также проявляется большой интерес к шведским окнам.

В июне 1940 года Отделом типов и стандартов Управления проектирования Москвы были разработаны типы шведских окон для скоростного строительства и был поставлен перед Управлением жилищного строительства и трестом «Мосжилстрой» вопрос о производстве опытов для применения этих окон в жилищном строительстве.

В результате, осенью 1940 года и зимою 1941 года были установлены шведские окна в жилом доме № 5/19 по Можайскому шоссе (17 окон), в Управлении жилищного строительства (1 окно) и в Академии архитектуры (1 окно). Опыты эти дали благоприятные в теплотехническом отношении результаты как в условиях строительства, так и при эксплоатации (общественных зданий). В настоящее время решено применить шведские окна в ряде жилых домов.

* * *

В скоростных домах по Б. Калужской улице в Москве были применены окна с размером проема в 1,760×1,885 м, в общих коробках с отделкою откосов внутренней части проема деревом. Окна имеют двухстворные переплеты (без глухих фрамуг) с форточками. Створки и форточки в этих окнах настолько велики, что изготовление их, при нормальных сечениях брусков, требует применения металлических угольников.

Окна эти характеризуются рядом крупных недостатков. Они отличаются чрезмерно большой шириной створок, отнимающей значительную площадь и объем при открывании, громоздкой конструкцией, требуют большого расхода древесины и являются нетранспортабельными (особенно при железнодорожных перевозках). Высокое расположение форточки приводит к тому, что ее можно открывать и закрывать лишь с подставки или с подоконника. Все эти недостатки оказались столь существенными, что на очередь дня поставлен был вопрос о разработке специального типа окон для скоростного строительства.

В последнее время на скоростных стройках от отделки деревом внутренней части проема отказались и применяют стандартные окна в общих коробках, возвращаясь к обычной штукатурке внутренней части проема. Это сокращает расход древесины, но задерживает производство работ и по существу является частичным отступлением от скоростных методов.

Такое положение дел заставило обратиться к поискам других, более рациональных, решений окон. Одним из таких решений является применение шведских окон.

Шведские окна, как уже было отмечено, представляют собою сближенные до непосредственного соприкосновения наружные и внутренние переплеты, навешенные на общую коробку. Несущим переплетом является внутренний, который и навешивается на коробку; наружный переплет навешивается на внутренний. Оба переплета скрепляются особыми застежками (крючками), открываются вместе, а расчленяются только для чистки стекол или замены их (на внутреннем переплете). Расстояние между стеклами обычно оставляется в пределах 4,5—5 см.

Шведские окна делаются всегда с наплавом и прокладками, без форточек. Проветривание помещений в Швеции производится непосредственно через створки. Двухстворные окна могут делаться с импостом и без него. Окна с импостом обладают более плотным притвором, что имеет большое значение для теплотехнических свойств окна. Возможно и устройство в шведских окнах форточек, но это вносит осложнение в конструкцию и несколько увеличивает теплопотерю окна. Шведские окна чаще всего делаются без фрамуг (глухих и открывающихся), но могут без особых затруднений делаться и с фрамугами при наличии горизонтального средника (импоста).

Горбыльков в шведских окнах в последнее время не делают, так как неточная разбивка их при непосредственном сближении обоих переплетов становится заметной, и, кроме того, при общей толщине их в 78 мм они (сбоку) кажутся шире и грубее обычных горбыльков той же ширины.

Шведские окна, по сравнению с обычными, имеют ряд преимуществ. Прежде всего, они дают большую экономию в древесине. Экономия эта достигается рациональной конструкцией переплетов и решением окна с одной коробкой.

Наряду с этим, шведские окна отличаются высокой транспортабельностью, обусловленной компактностью конструкций, что позволяет изготовлять их на деревообделочных комбинатах в лесных массивах.

Минимальное количество отдельных деталей и решение шведских окон с одной коробкой упрощает изготовление их на заводах и установку в проем.

Сближение наружного и внутреннего переплетов уменьшает затемнение окна пересекающими проем обвязками и горбыльками. Свободное раскрытие створок (более чем на 90°) способствует лучшему доступу света в помещение. Применение четвертей с шириною выступа в 65 мм увеличивает световую площадь окна без уменьшения простенков.

Кроме того, шведские окна характеризуются простейшим решением проема, достигаемым применением четверти в 65 мм, нормальными зазорами и легкостью оштукатурки проема.

При применении шведских окон значительно улучшается и архитектурное оформление проема. Окна эти дают возможность устройства четверти с глубиной

1 Чертежи см. в «Справочнике архитектора», стр. 78.

выступа в 25 см, создания глубокой ниши, широких откосов и подоконной доски в интерьере.

В результате открывания окна одним шпингалетом, а форточки — одной форточной заверткой, достигается значительная экономия в приборах. Кроме того, в этом случае ненужным является и останов, а петли для шведских окон значительно легче, чем для обычных. Отсутствие необходимости замазывать переплеты на зиму и снимать внутренний переплет на лето, широкая подоконная доска, свободное и удобное (одним прибором) открывание створок и форточек, удобство мытья стекол и вентиляционных приборов, — таков далеко не исчерпывающий перечень бытовых удобств, получающихся при применении шведских окон. Стоимость всего проема, при применении шведских окон выражается в 234 руб. 39 коп. против 275 руб. 10 коп. при применении стандартных окон (на скоростных стройках по Калужской улице стоимость проема выразилась в 279 руб. 41 коп.), а стоимость 1 м² шведского окна равна 72 руб. 57 коп., при стоимости 1 м² стандартного окна в 85 руб. 17 коп.

Экономия в пиломатериалах, расходуемых на шведские окна, по сравнению со стандартными окнами, имеющими общие коробки, составляет около 50%, а с учетом подоконных досок и деревянных откосов — около 60%. По сравнению со стандартными окнами, имеющими раздельные коробки, экономия эта определяется в 35—40%. Это дает возможность заводам увеличить выпуск продукции, улучшить сушку древесины и повысить качество продукции.

При освоении производства и массовом изготовлении шведских окон экономия эта значительно увеличится.

Следует, однако, иметь в виду, что применение шведских окон несколько увеличит расход на оштукатурку внутренней части проема сухой или обычной штукатуркой. Но расход этот весьма незначителен.

Недостатками шведских окон являются также несколько большая теплопотеря и звукоизоляция, несколько ослабленная герметизация зазоров между коробкой и кладкой и необходимость повышенной точности при разбивке и вгонке переплетов.

Большое значение в теплотехническом отношении имеет теплопередача по стеклам. Экспериментальными работами, проведенными в ряде научно-исследовательских учреждений, установлено, что теплопотеря через стекла, при расстоянии между переплетами в 4,5 см, увеличивается на 13% против обычного расстояния (принимаемого в 12—13 см). На общей теплопотере жилого здания сближение стекол отразится в значительно меньшей мере, так как площадь остекления составляет весьма небольшую часть всех теплоограждающих площадей здания или его отдельных помещений.

В соответствии с расчетами, произведенными Мастерской санитарно-технических работ Управления по проектированию Москвы, установлено, что применение шведских окон может вызвать понижение температуры воздуха в помещениях от 0,3 до 2,7°С, при наружной температуре в —30°С.

Так как шведские окна дают больше света, чем обычные, то излишние теплопотери могут быть компенсированы соответствующим сокращением площади окон без уменьшения освещенности помещений.

Расчетами и практикой установлено, что решающее значение в теплотехнике окна имеет его герметизация (заделка щелей), а не расстояние между стеклами и переплетами.

Теплопотери через окна с нормальным проницанием, по данным Ритшеля и Гребера, на 80% больше, чем через окна герметизированные, а разница в теплопотерях, вследствие различного расстояния между стеклами, не превышает 10—13%. Поэтому, шведы уже много лет назад сблизили расстояние между стеклами, уделив при этом исключительное внимание вопросу герметизации. В нашей практике строительства этому вопросу уделяется, напротив, очень мало внимания. Необходимо совершенно ясно осознать, что окна с небрежным остеклением, щелями в притворах и плохо проконопаченными зазорами между коробкой и кладкой — недопустимы при любой конструкции.

Помимо теплопотерь через стекла, обвязки и щели, окна несут теплопотери и через откосы в обход коробок. При неправильном решении конструкции и плохом выполнении работ эти теплопотери могут быть весьма значительны.

Наряду с этим, при неправильном решении конструкций создается угроза образования конденсата на внутренних откосах окон при низких наружных температурах и большой влажности воздуха внутри помещения. Конденсат на откосах может вызвать появление пятна и порчу штукатурки. Поэтому, в помещениях с влажностью более 50% следует установку коробок и проконопатку зазоров производить с особой тщательностью и во внутреннем откосе сопряжение коробки со штукатуркой прикрывать деревянной рейкой, шириной в 50—60 мм. Откосы могут быть оштукатурены как обычной, так и сухой штукатуркой. Подоконные доски надо применять деревянные.

Согласно данным, приведенным проф. В. Д. Мачинским, теплопотери через окно не зависят от глубины наружной и внутренней ниш. Однако не следует упускать из виду, что глубина внутренней ниши оказывает непосредственное влияние на охлаждение поверхности наружных стен, так как по мере уменьшения глубины внутренней ниши низкие температуры поверхностей откосов приближаются к поверхности стены и могут заходить на нее и способствовать образованию конденсата, особенно на закрытых местах стен (за картинами, мебелью и т. д.).

Шведские окна, имея небольшую толщину, позволяют устраивать глубокие ниши даже в тонких стенах, где это представляет единственное рациональное решение.

Ведя борьбу за рациональную конструкцию окон и хорошее выполнение работ, не следует забывать, что главными причинами образования конденсата в оконных проемах и на стенах являются высокая влажность воздуха внутри помещения и закрытие охлажденных поверхностей от свободного омывания их комнатным воздухом. По этим причинам, в домах с обычными окнами и стенами (в 2,5 кирпича), но сильно перенаселенных, можно наблюдать в проемах, углах и на стенах появление конденсата, особенно при закрывании окон занавесами, а углов и стен мебелью.

Физико-технический сектор бывш. ВИС (Всесоюзный институт сооружений) и проф. В. Д. Мачинский, на основании произведенных ими расчетов, пришли к заключению, что применение шведских окон во втором климатическом поясе в теплотехническом отношении вполне допустимо. Практическая же возможность применения этих окон подтверждена многолетним опытом западных и северных стран.

Сравнительными показателями звукоизоляционных и герметизирующих качеств шведских и обычных окон мы в настоящее время еще не располагаем. Не вызывает, однако, никаких сомнений то, что теплоизоляция и звукоизоляция окон зависят в основном от тщательности выполнения всего комплекса работ по герметизации.

Наиболее рациональными шведскими окнами в производственном, конструктивном, теплотехническом и экономическом отношениях являются окна без форточек, но применение их связано с преодолением наших бытовых привычек — вентилировать комнаты только через форточки, а не через створки. Поэтому шведские окна, применяемые в опытном порядке, делаются с форточками.

Форточки предпочтительнее делать с наплавом, как более надежные в теплотехническом отношении. Однако следует заметить, что петель для форточек с наплавом стандарт не предусматривает. Наружные и внутренние переплеты и форточки соединяются между собой по притворам при помощи крючков.

Прокладки для оконных створок и форточек следует прибивать тонкими обойными гвоздиками к наплаву.

Прокладки можно изготовлять из хлопчатобумажных или шерстяных материй и из резины, в виде круглых шнуров, трубок (резины) или тесьмы. Лучшими прокладками в Швеции считаются шерстяные шнуры, срок службы которых определяется в 8—10 лет. Резиновые прокладки сохнут, разрушаются от солнца и служат не свыше 6 лет.

Петли предпочтительно применять стандартные «вколотные» (а не «угловые»), как наиболее защищенные от промерзания.

Переплеты шведских окон делаются без угольников, но в наших условиях, особенно в первый период внедрения шведских окон, против применения угольников можно не возражать.

Из всего сказанного видно, что преимущества шведских окон велики, а недостатки их не так уж существенны. Поэтому необходимо решительнее и быстрее внедрять их и не только в практику московского строительства, но главным образом в строительство третьего и четвертого климатических поясов, где шведские окна дадут еще больший эффект. В настоящее время Отдел типов и стандартов Управления по проектированию Москвы разрабатывает стандарт шведских окон для московского строительства.

ТВОРЧЕСТВО И. А. ФОМИНА

Пять лет, прошедшие со дня смерти И. А. Фомина (12 июня 1936 г.), не только не сгладили в представлении современников живых черт этого замечательного деятеля советской архитектуры, но позволили по-новому оценить значение его творчества.

Уже после смерти зодчего был осуществлен в натуре один из интереснейших его проектов — станция «Площадь Свердлова» московского метрополитена. Эта посмертная работа выдающегося мастера продолжила и развила основную линию его творчества, наметившуюся в последнее десятилетие. Но не только это произведение, в котором перед нами вновь ожил Фомин последних лет, — периода нового, замечательного расцвета своего дарования, — напомнило нам о его творческой роли в советской архитектуре, — все творчество Фомина продолжает оказывать воздействие на архитектурную мысль наших дней, на искания новых путей советской архитектуры.

В чем же заключен «секрет» большого творческого влияния работ Фомина? В чем причина жизненности целого ряда выдвинутых им архитектурных идей? Прежде всего — в цельности его творческой личности, в той непреклонной последовательности, с какой он осуществлял свои архитектурные искания, стремясь тем самым ответить на большие задачи, поставленные перед ним эпохой.

Старый мастер, принесший в советскую архитектуру многие традиции и навыки архитектурного прошлого, Фомин с исключительной остротой ощущал необходимость новой формы, новых образов, новой тематики, рождающихся из самых глубоких недр новой культуры.

Известно, что этот новаторский путь Фомин видел прежде всего в переработке классической формы, в том, что он сам назвал (быть может, несколько упрощенно) «реконструкцией классики».

В дореволюционных работах Фомина была продолжена традиция русского классицизма, традиция больших русских зодчих конца XVIII — начала XIX веков. На фоне широко распространенного в предвоенные годы стилизаторства работы Фомина выделялись очень резко. В сущности, Фомин был мало связан с так называемой «петербургской школой» 1910-х годов. Ему остались совершенно чуждыми те академические стилизации «под ренессанс», которыми характеризовалась основная линия этой школы. Подобно большим русским зодчим эпохи классицизма, Фомин устремляется к античным первоисточникам, к строгой дорике Пестума, к мощным сооружениям древнего Рима, к Египту, к лучшим памятникам русского классицизма.

Над всеми этими архитектурными первообразами доминировала одна идея, — идея мощного архитектурного ансамбля, охвата больших пространств единой архитектурной композицией, — идея целостного построения огромных архитектурных массивов. Именно в этом заключалось внутреннее родство Фомина с мастерами русского классицизма и ампира. Неосуществленные фоминские проекты «Нового Петербурга» — «Тучков-Буян» и «Остров Голодай» — замечательные документы, неоспоримо подкрепляющие подлинность этого родства и этой преемственности.

И. А. ФОМИН

Наполненный идеями монументального зодчества античности, Фомин вошел в советскую архитектуру, сумев глубоко воспринять новые властные требования времени. Разработка нового архитектурного языка на классической основе, — вот что стало основной идеей его творчества. Фомин был настолько последователен и настолько чуток, что мог понять, что новые требования к архитектуре суть, прежде всего, требования нового содержания, новых образов, а не какого-нибудь только внешнего обновления формы.

Он выдвинул свою концепцию новой классики, свои приемы переработки классического ордера. С убежденностью и упорством доказывал он непригодность старого академического арсенала «увражных» форм для создания архитектурного стиля новой эпохи. Он пытался сочетать классические основы композиции с теми началами, которые продиктованы современной архитектуре ее новыми техническими возможностями и новыми типами сооружений. Он доказывал, что классический ордер может быть применен в современных зданиях, но в видоизмененных элементах и формах. Он точно определил при этом, в чем должны заключаться эти видоизменения,

Так, им были выдвинуты (и практически реализованы) такие приемы, как масштабная переработка «большого ордера» путем объединения не двух или трех, а многих этажей, упрощение колонны путем упразднения баз и капителей, применение сдвоенных колонн в соответствии с увеличившимся «вертикальным» масштабом современного здания и т. д.

Все эти приемы, а также самые предпосылки той «реконструкции классики», которую предпринял Фомин, вызывали серьезнейшие и основательные возражения. Ему вполне резонно указывали, что та или иная архитектурная система не может определяться одной лишь переработкой ордера, что сам ордер есть лишь функция определенной архитектурной системы, и что создать новые образы, новый язык архитектуры невозможно, следуя по пути чисто внешней трансформации ордера или перестановки отдельных его элементов.

Не менее серьезные возражения вызывала и та характеристика, которую Фомин давал идейно-художественному содержанию советской архитектуры: в этой последней мастер хотел видеть, прежде всего, выражение строгого «спартанского духа» и суровой борьбы.

Нет нужды здесь снова повторять, насколько односторонним и обуженным было подобное понимание основных образов и мотивов советской архитектуры. Впрочем, сама творческая практика Фомина заставила его внести существенные коррективы в эту концепцию. В последних работах мастера, — в тех же станциях метро («Красные ворота» и «Площадь Свердлова»), в доме СНК УССР в Киеве, а также в проекте Ашхабадского театра,—мы видим уже преодоление той преувеличенной строгости и жесткости формы, которыми отмечены более ранние его работы (дом «Динамо», новое здание Моссовета и др.).

Но дело не в этих оттенках и не в отдельных преувеличениях, к которым нередко приходил Фомин. Гораздо важнее то ярко положительное, что проходило через все его творчество: его настойчивое стремление к внутреннему обновлению архитектурного образа, его страстная любовь к простоте и высокое умение превращать простоту в выражение силы, а не слабости, мощного богатства, а не хилой бедности.

Из своего большого творческого опыта и из живого (а не увражного, не книжного только) общения с великими мастерами прошлого, а главное, из своего всегда живого чувства современности, Фомин черпал глубокую убежденность в том, что подлинно великая архитектура всегда покоится на великой простоте, на ясной, невычурной, монументальной форме.

Именно о простоте он не переставал твердить, обращаясь к своим ученикам, к молодому поколению советских архитекторов, убеждая их не соблазняться легкими победами в архитектуре, не отдавать предпочтения внешнему украшению, бутафории — перед внутренним, — композицией, образом, идеей.

Эти уроки и предостережения старого мастера, прошедшего высокую школу классической архитектурной культуры и собственного богатейшего творческого опыта, сохраняют свое значение и сегодня.

За пять лет, отделяющих нас от дня смерти выдающегося представителя старшего поколения советских зодчих, наша архитектура обогатилась новым опытом, новыми достижениями. Тем более значительным и заслуживающим глубокого изучения представляется нам творческий путь Фомина, — мастера, боровшегося за классическую простоту, монументальность и идейную выразительность языка советской архитектуры.

Станция «Площадь Свердлова» Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича. Центральный зал. Акад. арх. И. А. Фомин.

ХРОНИКА

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ А. К. БУРОВА

В апреле 1941 года правление Московского отделения Союза советских архитекторов заслушало творческий отчет арх. А. К. Бурова.

А. К. Буров останавливается на отдельных этапах своей практической работы. В период увлечения конструктивизмом А. К. Буров строит в натуральную величину макет совхоза для съемки фильма «Старое и новое». К этому же периоду относится и ряд клубов, созданных А. К. Буровым в конструктивистском духе.

В 1933 году А. К. Буров приступает к проектированию жилого дома Наркомлеса на ул. Горького. Дом начали строить в 1935 году. В основу этой работы автором кладутся принципы классической композиции.

Останавливаясь на своей работе над интерьерами Исторического музея в Москве, А. К. Буров отмечает, что «если мы говорим об искусстве национальном по форме и социалистическом по содержанию, то это искусство ни в какой мере не должно быть механическим повторением форм XVI, XVII или XVIII вв., вульгаризацией стиля, «ропетовщиной», а должно пониматься как создание новой архитектуры, архитектуры советского периода, насыщенной всем тем, что дала нам Великая Октябрьская революция».

В дальнейшем А. К. Буров детально характеризует свои работы (совместно с Б. Н. Блохиным) по проектированию и строительству крупноблочных домов на Б. Полянке и на Ленинградском шоссе и сообщает о своих опытах по замене в бетоне металлической арматуры витыми струнами из стекла.

— Мы много говорим, — отмечает в заключение А. К. Буров, — о синтезе архитектуры, скульптуры и живописи, но об органическом синтезе творчества архитектора и конструктора мы говорим очень редко, а между тем, синтез этот является совершенно необходимым. До тех пор, пока мы не усвоим тектонического отношения к архитектуре и не поймем, что архитектура это не только средство украсить поверхность, что она вытекает из здравого смысла и из содержания данного сооружения, мы долго будем блуждать в потемках чисто вкусовых разговоров об архитектуре.

По окончании отчета А. К. Бурова открылись прения.

Р. Я. Хигер указал, что для творчества А. К. Бурова характерен «американизм» в лучшем смысле этого слова. Работы подлинно современны. Буров прошел школу Жолтовского, но сохранил дух реалистического новаторства, и это резко выделяет его из среды других учеников Жолтовского.

Работы А. К. Бурова в области крупноблочного строительства представляют большой и серьезный вклад в советскую архитектуру, хотя в решениях крупноблочных домов имеется еще много сырого и недоработанного.

Г. Б. Локшин отмечает, что в домах на Берсеневской набережной и на Ленинградском шоссе автор применил старую планировку квартиры и не добился изменения предложенной ему секции.

Положительной чертой дома на Ленинградском шоссе является то, что в проекте этого дома были предусмотрены детские ясли, детский сад, кафе-столовая для жильцов, прекрасный вестибюль и пр.

К. Н. Афанасьев, указав на ряд положительных черт в прежних работах А. К. Бурова (аэровокзал, совхоз и др.), отмечает, как его особую удачу, создание нового Дома архитектора в Москве, в котором автор отчетливо трактует триумфальную стену с тремя арками. Слабой стороной работ Бурова является игнорирование объемной композиции.

Другая характерная черта творчества А. К. Бурова — это то, что, создавая интересные архитектурные формы, он их до конца не дорабатывает. Модернистский «душок» ощущается и в гараже, и в вокзале аэропорта, и в других работах А. К. Бурова. В заключение К. Н. Афанасьев характеризует педагогическую деятельность А. К. Бурова, отмечая его большие достижения в этой области.

Д. Е. Аркин отмечает, что в архитектуре дома на улице Горького А. К. Буров один из первых попытался осмыслить принципы классической композиции в тот период, когда наша архитектура только приступала к творческому освоению классики. В этом проекте архитектор осознал не только точки сближения и родства, но и линию различия, отделяющую современную архитектуру от архитектуры ренессанса.

Вместо «толстой», массивной стены Ренессанса, Буров сознательно поставил тонкую стену, удачно отойдя таким образом от архаичного решения стены. Он «осовременил» ренессансную стену не при помощи отдельных деталей, а путем видоизменения самой тектонической структуры здания. Буров понимает, что нельзя создавать современную архитектуру, если до конца не постигнуть архитектурных тенденций современной техники. Одна из этих тенденций — стремление к облегчению массы здания, к более легкой архитектурной форме.

Касаясь работ А. К. Бурова в Историческом музее, Д. Е. Аркин отмечает его правильный подход к использованию наследия древнерусского зодчества.

Г. Н. Емельянов в своем выступлении возражает против приписываемой Бурову черты «американизма». В работах Бурова чувствуется здоровый советский дух.

З. М. Розенфельд отмечает большой творческий темперамент А. К. Бурова, его непрерывные поиски нового, его стремление к решению сложных задач. При скрупулезном разборе его произведений можно обнаружить те или иные ошибки, ту или иную непоследовательность, но все это с лихвой покрывается его творческим размахом.

В заключительном слове **А. К. Буров** указал, что выступления по его творческому отчету дают ему возможность еще раз просмотреть свои творческие методы.

О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АРХИТЕКТУРЫ, УДОСТОЕННЫХ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

Президиум правления ССА СССР постановил организовать передвижные выставки архитектурных произведений, удостоенных Сталинской премии в 1941 году. Выставки будут направлены по республиканским и областным центрам.

Кроме того, в крупнейших республиканских и областных центрах будут проведены лекции с диапозитивами, посвященные творчеству лауреатов Сталинской премии.

В московском Доме архитектора будет установлен постоянный стенд, на котором будут помещены художественно исполненные снимки с проектов и с натуры архитектурных произведений, удостоенных Сталинской премии.

Решено также включить в творческую картотеку мастеров советской архитектуры, составляемую правлением ССА СССР, разделы, посвященные лауреатам Сталинской премии, и популяризировать их работы в архитектурной и общей печати.

СОВЕЩАНИЕ ПО МЕБЕЛИ

15—17 апреля в Москве в Доме архитектора состоялось совещание по мебели, созванное президиумом правления ССА СССР.

В работах совещания приняло участие большое количество архитекторов, представителей мебельной промышленности и работников научно-исследовательских учреждений.

Открывая совещание, **К. С. Алабян** указал, что совещание это созвано в порядке реализации решений VIII пленума правления ССА СССР. Восьмой пленум сыграл большую роль в усилении внимания наркоматов, хозяйственных и научных организаций к вопросам художественной промышленности. Однако в этой области предстоит еще много работы.

Задача совещания — детально обсудить состояние мебельной промышленности в нашей стране и разработать ряд предложений по улучшению постановки этого дела.

С докладом — «Художественное качество мебели для жилья» выступил на совещании директор института массовых сооружений Академии архитектуры СССР **Н. П. Былинкин.**

Детально остановившись на вопросе о роли мебели в оформлении интерьера, докладчик отмечает, что для обеспечения высокого качества массовой мебельной продукции необходимо проведение следующих мероприятий: а) разработка стандартов, типов и габаритов; б) широ-

кое развертывание научно-исследовательской работы по новым видам мебели, и, в частности, по сосновой мебели; в) установление в этой области тесной связи научно-исследовательских учреждений с наркоматами лесной промышленности; г) переход одной из фабрик Наркомлеса или местной промышленности на изготовление моделей по чертежам, утвержденным художественным советом, и организация специального магазина для приема индивидуальных заказов от трудящихся; д) издание журнала, посвященного показу лучших образцов мебели.

Совещание заслушало также доклад арх. **Л. З. Чериковера** — «Новые типы и габариты массовой мебели для жилья», доклад инж. **В. Г. Андреевского** — «О мебельной фурнитуре» и доклад инж. **Е. М. Гольдштейна** — «Отделка мебели».

В принятой совещанием резолюции отмечается чрезвычайная ограниченность ассортимента выпускаемой в продажу мебели, ее невысокие художественные качества, устарелость существующих стандартов на отдельные предметы и отсутствие комплексного решения вопроса о типах и габаритах всей мебели в целом. Качество отделки мебели стоит на низком уровне, не уделяется достаточного внимания и вопросу производства фурнитуры. Цены, установленные для устаревших типов мебели, не стимулируют внедрения новых, более рациональных, красивых и экономичных образцов мебели.

Совещание наметило ряд практических мероприятий, обеспечивающих повышение качества и расширение ассортимента выпускаемой мебельной продукции. Решено, в частности, обратиться в Наркомат лесной промышленности СССР и РСФСР с предложением о создании комиссии (с участием ССА СССР и Академии архитектуры) для рассмотрения и отбора образцов, которые могут быть внедрены в промышленность.

ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

8—9 мая 1941 года состоялось общее собрание Академии архитектуры СССР, избравшее членов-корреспондентов. В члены-корреспонденты оказались избранными:

по разделу архитектуры массовых сооружений — С. В. Беляев, П. Н. Блохин, А. К. Буров, А. И. Гегелло, С. А. Дадашев, Е. А. Левинсон, А. А. Оль, Н. В. Марковников, Г. А. Симонов, И. Н. Соболев, М. А. Усейнов, И. И. Фомин;

по разделу архитектуры общественных и промышленных сооружений — Г. Б. Бархин, А. В. Власов, В. Г. Гельфрейх, В. Л. Гофман, В. И. Заболотный, Я. А. Корнфельд, С. А. Сафарян, Л. А. Серк, Д. Н. Чечулин;

по разделу градостроительства и планировки населенных мест — В. В. Бабуров, А. В. Бунин, В. А. Витман, Л. А. Ильин, Н. А. Ладовский, Н. Х. Поляков, Е. В. Шервинский, В. А. Шквариков;

по разделу теории и истории архитектуры — Д. Е. Аркин, Н. И. Брунов, А. Г. Габричевский, И. В. Моргилевский, Д. П. Сухов, Г. Н. Чубинашвили;

по разделу строительной техники — А. А. Гвоздев, Г. Б. Красин, А. В. Кузнецов, Г. Ф. Кузнецов, Н. Н. Лукницкий, А. А. Мамуровский, А. Н. Неровецкий, А. В. Филиппов.

ПАМЯТИ И. Д. ШАДРА

В лице скончавшегося 3 апреля Ивана Дмитриевича Шадра советская скульптура потеряла одного из своих наиболее ярких и темпераментных мастеров.

Самые большие, наиболее выношенные и глубокие свои замыслы он стремился облекать в монументальные образы. Он был монументалистом не только по внешним признакам своего мастерства, но по внутреннему ощущению пластического образа и по патетической взволнованности своей художественной речи. Это изначальное стремление скульптора к монументальной форме, к образам, способным воздействовать на большие дистанции в пространстве и времени и быть воспринятыми массовым зрителем, нашло благодарный отклик в самой эпохе, в поставленных ею художественных задачах.

И. Д. ШАДР

Шадру не нужно было «искать» свои темы, своих героев — они были повсюду перед его живым взглядом художника, подлинного сына своего времени, своей страны. Не случайно самой значительной из его ранних работ явился памятник В. И. Ленину, воздвигнутый перед ЗАГЭС — новой гидроэлектроцентралью, построенной по ленинскому плану электрификации. Трудно представить себе более благодарное окружение для монумента великому вождю: стройные корпуса электростанции на слиянии Куры и Арагвы, цветущая долина и снежные горы в отдалении — великолепный пейзаж Грузии, — на этом фоне четким силуэтом высится монументальная фигура Ленина,— образ, утверждающий величие народного дела, величие человека.

Начало монументальности было в самой природе дарования и мастерства Шадра. Вполне закономерным явилось поэтому его обращение к большим, обобщающим темам, к «собирательным» образам: таковы фигуры «Строителя» и «Труженика», а также более ранняя, получившая широкую известность фигура рабочего в баррикадном бою. В этих работах со всей определенностью проявилась и другая сторона его творчества — романтическая трактовка темы и образа.

Шадру-монументалисту был глубоко чужд скульптурный академизм. Этот мастер, мечтавший о превращении огромных глыб гранита в пластические образы, о гигантских монументах, высеченных в приволжских скалах, органически не терпел какой-либо натянутости, искусственной закругленности, «зализанности» композиции и формы.

Внутреннее движение, волевой, но сдержанный внутренним усилием, жест — характерны для динамической манеры Шадра в таких его монументальных работах, как проекты памятников Максиму Горькому для Москвы и Пушкину для Ленинграда, а также для громадной фигуры «Красноармейца».

Не всегда эта романтическая приподнятость образа получала должное пластическое равновесие. Подчас скульптурные композиции Шадра бывали отягощены избытком экспрессии (как, например, фигура «Орджоникидзе», или проект скульптурной группы для Советского павильона на Парижской выставке), — и тогда образ терял свою убедительность и монументальную простоту, столь присущие его творчеству. Но это были лишь отдельные отклонения, вызванные все тем же непрестанным кипением, все теми же беспокойными поисками образов борьбы, движения, внутренней динамики.

Мастер, склонный к большим масштабам, к монументальным композициям, Шадр умел быть лириком. Эта сторона его творчества лучше всего раскрылась в прекрасном, исполненном поэзии и печали, надгробном памятнике Аллилуевой.

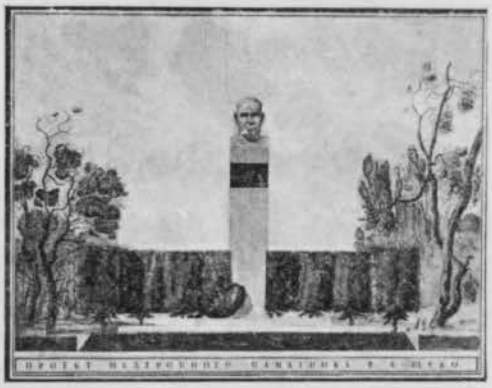
Последние значительные свои работы — памятники Горькому и Пушкину— Шадру не довелось увидеть осуществленными в натуре. Создание этих монументов по проектам Шадра — дело ближайшего будущего. Тогда перед нами вновь, во всей своей силе, предстанет образ большого советского художника, чье творчество отмечено неповторимыми чертами эпохи.

Д. А.

ПРОЕКТЫ ПАМЯТНИКА АКАДЕМИКУ АРХИТЕКТУРЫ В. А. ЩУКО,
ОТМЕЧЕННЫЕ ЖЮРИ ТОВАРИЩЕСКОГО КОНКУРСА

ПРОЕКТ арх. М. А. МИНКУСА (МОСКВА),
УДОСТОЕННЫЙ ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТЫ И ПРИНЯТЫЙ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ

ПРОЕКТЫ, ОТМЕЧЕННЫЕ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ ГРАМОТОЙ



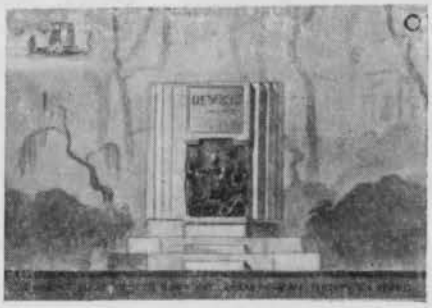
Проект арх. А. П. Великанова, скульпт. Е. В. Вучетич, худ. А. А. Нератова (Москва).

Проект арх. Ю. В. Щуко (Москва).

Проект арх. А. Ф. Хрякова, скульпт. Е. В. Вучетич (Москва).

ПРОЕКТЫ, ОТМЕЧЕННЫЕ ЖЮРИ

Проект арх. Л. В. Варзар (Москва).



Проект студента Моск. Арх. института Г. П. Беспамятных.

Проект арх. М. А. Шпотова (Москва).

Проект арх. Д. В. Карпова (Саратов).

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

М. Г. Бархин. Воинские здания. Основные положения по проектированию. Издание Военно-инженерной академии Красной армии им. В. В. Куйбышева. М. 1940 г., стр. 82. Ц. 7 р. 50 к.

Массовое строительство жилых и общественных зданий для нужд Красной армии охватывает постройки красноармейских общежитий (казарм), жилых домов квартирного типа для начальствующего состава Красной армии, школ, клубов, столовых, зданий медицинского и культурно-бытового обслуживания, торговых предприятий и др. Это строительство, являясь частью единого плана строительства в Союзе ССР, заслуживает со стороны архитектора особого внимания.

Проектирование воинских зданий представляет весьма интересную, трудную и ответственную задачу. В процессе работы над архитектурным образом того или иного объекта строительства для Красной армии, перед проектировщиком неизбежно встает и другая, не менее сложная проблема — создания новых архитектурных типов сооружений, отвечающих времени, месту, современным бытовым, конструктивным и экономическим требованиям.

Вышедшая в начале этого года книжка архитектора М. Г. Бархина посвящена основным положениям по проектированию воинских зданий. М. Г. Бархин умело систематизировал собранные им материалы, касающиеся норм и требований, предъявляемых к проектированию воинских и гражданских зданий.

Видам строительного проектирования и общим сведениям о типах зданий, их классификации и конструктивным особенностям посвящены три первых раздела книги. В качестве иллюстраций М. Г. Бархин приводит здесь составленные им образцы чертежей жилой ячейки — эскизного проекта (выполненного в масштабе 1/200), технического (1/100) и рабочего (1/50.)

В специальном разделе автор останавливается на тех требованиях, которые предъявляются к типовым проектам, занимающим особое место в проектировании. Одним из решающих условий постройки воинских городков скоростными методами, как подчеркивает автор, является широкое производство, заготовка и укладка на место, в соответствии со строительным процессом, различных индустриальных элементов. Массовый заводской выпуск деталей для скоростного строительства возможен только при наличии установленных стандартных элементов. Указывая основной путь создания таких стандартных элементов — установление единой их размерности, — М. Г. Бархин подводит читателя к понятию о модуле, как о наименьшей единой величине, которой кратны все размеры здания по горизонтали, а в ряде случаев — и по вертикали. Автором подчеркивается различие двух значений термина «модуль»: модуль конструктивный, исходящий из размеров наименьшего применяющегося строительного элемента (например, кирпича), и модуль компоновочный или конструктивно-планировочный, исходящий из укрупненного элемента, являющегося составной ячейкой, звеном всего сооружения (например, сетка колонн в плане).

В таблицах приводятся различные конструктивные схемы зданий, схемы расположения кроватей в спальнях красноармейцев (как, пример установлены конструктивно-планировочного модуля для казарменного строительства) и разработанные отделом проектирования Главного военно-строительного управления варианты модульной сетки опор и расположения прогонов для основных типов воинских зданий.

Вторая часть книги посвящена отдельным элементам сооружений. Сюда входят лестницы, окна, двери, приборы отопления и санитарные узлы.

Лестницам, являющимся существенным элементом плана здания, автором уделено особое внимание. В книге приводится ряд таблиц — различные схемы лестниц, примеры разбивки двухмаршевых и трехмаршевых лестниц, диаграмма размеров ступеней, чертежи устройства тамбуров наружных входов под площадками лестниц, а также примеры расположения лестниц в зданиях различного типа.

Поскольку это позволял объем издания, М. Г. Бархин осветил и круг вопросов, связанных с устройством печного отопления и люфтклозетов. Эти устройства нередко представляют наибольшие трудности при композиции планов различных зданий, о чем хорошо известно проектировщикам воинских городков. Ценным материалом в книге являются также сведения и нормы, касающиеся строительно-технических мероприятий ПВО.

В заключительной части приводятся данные, необходимые при определении элементов технико-экономической характеристики зданий и таблица технико-экономических показателей и их значений для проектов воинских зданий.

Книга М. Бархина «Основные положения по проектированию воинских зданий» несомненно принесет пользу не только слушателям военно-инженерных учебных заведений, для которых она непосредственно предназначена, но и всем молодым архитекторам и студентам архитектурных вузов.

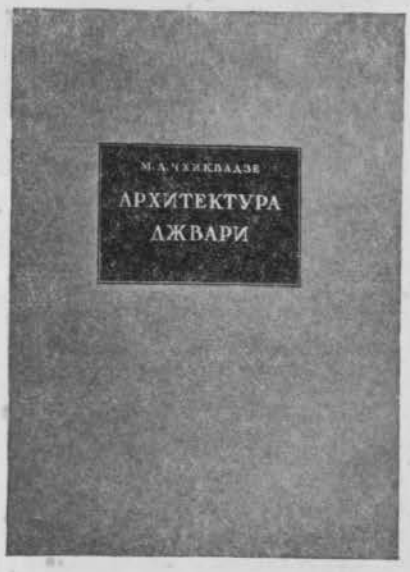
Ю. Шасс.

М. А. Чхиквадзе. «Архитектура Джвари». Издательство Академии архитектуры. М. 1940. Стр. 58. Тираж 3 000 экз. Ц. 10 руб.

Монография о Джвари — классическом памятнике древней церковной архитектуры Грузии — результат многолетней работы автора.

М. А. Чхиквадзе на основе обстоятельного разбора архитектурной композиции Джвари, в ее связи с конструкциями и строительными приемами, выдвигает ряд новых предположений о происхождении отдельных форм и частей памятника и последовательности их возникновения.

В этой же связи он совершенно правильно затрагивает вопрос о влиянии народной архитектуры на монументальную. В данном случае имеется в виду тип крестьянского жилища, «дарбази», с своеобразным перекрытием «гвиргвини», которое состоит из горизонтальных деревянных прогонов, постепенно суживающихся кверху и заканчивающихся верхним светом. Чем больше граней имеет «гвиргвини», тем более его формы напоминают купольное перекрытие. Необходимо, однако, отметить, что переход от го-



ризонтальной консольно-балочной конструкции «гвиргвини» к каменной конструкции с распором, какой является купол, следовало бы осветить более обстоятельно. Легко можно допустить, что с течением времени деревянное перекрытие было заменено каменным, но такой переход всегда сопряжен с коренными изменениями в характере строительной техники.

Автор стоит на той точке зрения, что архитектурная композиция Джвари сложилась не единовременно и что угловые квадратные помещения — более позднего происхождения. В разделе «Конструктивные особенности Джвари» М. А. Чхиквадзе, подробно разбирая сооружение по элементам, приводит целый ряд примеров, убедительно подтверждающих это его предположение. Досадно, что все эти примеры не иллюстрируются обмерами.

Останавливаясь на скульптурном убранстве Джвари и указывая на самобытный его характер, автор часть этих скульптур относит к более позднему периоду, в частности, два барельефа, фланкирующие центральную скульптуру Стефаноса I на абсиде восточного фасада. Безусловно верно, что центральная фигура гораздо оригинальнее вставлена в стену и края доски совпадают с швами кладки, тогда как этого нет в боковых скульптурах, но все же композиционная

выразительность этих скульптур заставляет предполагать, что задуманы они одновременно.

Если надпись рядом с барельефом, находящимся на южной грани купола, относится к этому барельефу, то предположение о том, что здесь изображен архитектор, строивший сооружение, кажется убедительным.

Отдельный раздел посвящен куполу Джвари. Купола с шатровым перекрытием и высоким барабаном — яркая особенность грузинской и армянской церковной архитектуры. Поэтому автор имел полное основание подробно остановиться на проблеме происхождения подкупольного барабана. Особое значение здесь приобретают указания на новшества, которые были применены при сооружении купола Джвари. Это, прежде всего, переход от квадрата здания к куполу при помощи трехъярусных тромпов и барабана. Такое разрешение проблемы возведения купола с барабаном, где конструкция и организация внутреннего подкупольного пространства и внешний объем слиты в одно целое, как правильно указывает автор, в других странах не наблюдается раньше VI века.

Разбирая фасады Джвари, автор указывает на то, что южные и восточные фасады обработаны более тщательно, чем западный и северный. При этом схематичность решения западного фасада правильно объясняется тем, что этот фасад сливается с обрывом и доступен для обозрения только на большом расстоянии. Что же касается северного фасада, то здесь отсутствие детальной обработки нельзя объяснять только невыгодным освещением.

В монографии совершенно не упоминается малая церковь (имеется только подробное описание колонны северного придела этой церкви), находящаяся рядом с Джвари и как раз с северной стороны, которую она закрывает. Г. Н. Чубинашвили датирует эту малую церковь более ранним периодом, чем Джвари; следовательно, при анализе фасада северной стороны обойти наличие объема, его закрывающего хотя бы частично, нельзя.

В целом, монография содержит ряд новых ценных предположений, всесторонне и объективно объясняющих малоисследованные вопросы истории и художественной композиции сооружения.

Г. Лежава

Анализ этажности жилых зданий. Кандидат технических наук Б. М. Скоров. Стройиздат Наркомстроя. М. 1941 г. Тир. 3 000. Стр. 84. Ц. 3 р. 15 к.

Вопросы экономики жилищного строительства у нас разработаны чрезвычайно слабо. Между тем, размах массового жилищного строительства и огромные капиталовложения, которые на него ассигнованы, обязывают нас к планомерной и серьезной научной проработке этих вопросов.

Совершенно ненормален тот факт, что многие принципы жилищного строительства основываются по существу только на общих мнениях, никак не проверенных практически.

К числу таких общих мест принадлежат утверждения, что шестиэтажный дом выгоднее четырехэтажного, что малоэтажное пригородное или поселковое строительство — самое дорогое (вследствие его экстенсивности), что большие площади квартир и комнат экономичнее малометражных и т. д.

Между тем, тщательный анализ с карандашом в руке, с экономическим подсчетом не только стоимости сооружения, но и условий его эксплоатации, часто приводит к выводам, которые никак не подтверждают общих установившихся взглядов.

Решающим показателем экономичности в жилищном строительстве является в конечном итоге строительная и эксплоатационная стоимость 1 м² жилой площади. Эта стоимость — результат влияния многих факторов (ширина корпуса, этажность, конструктивная схема, планировочные наметки квартиры, нагрузка жилой площади на лифт-лестницу, метод строительства и т. д.). Все эти факторы находятся в сложном взаимодействии, изучение которого в его влиянии на экономику строительства — неотложная задача.

Рецензируемая книга Б. М. Скорова трактует только один частный вопрос — влияние этажности жилых зданий на их экономику.

Автор приходит к выводу, что «экономически выгоднее строить кирпичные здания: пятиэтажные, без лифта и девятиэтажные с лифтом, здания с железобетонным каркасом и лифтом — девятиэтажные, и совершенно неэкономично строить здания без лифта, высотою в пять этажей с железобетонным каркасом». На первый взгляд этот вывод кажется ясным и не требующим особых доказательств. Но на практике вокруг этих вопросов много разноречивых мнений, и потому установление автором такой границы экономичности весьма важно.

Жаль, что автор не показал, что сами границы эти в некотором пределе подвижны. В самом деле, увеличение жилой площади секции (в некоторых планировках) может сделать уже нерентабельным железобетонный каркас и при восьми этажах и т. д.

Главная ценность книги заключается в том, что окончательные выводы автора основаны на прослеживании зависимости между изменяющейся этажностью и рядом различных факторов, связанных с экономикой жилища (благоустройство квартала, отопление зданий, материал и т. д.).

Большое количество подсчетов, систематизированных в таблицы, графиков зависимостей, сравнительных анализов дает в руки проектировщику и экономисту ценный материал для решения ряда практических задач и дальнейшей научной разработки вопроса.

При нашей бедности и нужде в подобной литературе, книга представляет несомненный практический интерес.

Н. Б.

НОВЫЕ КНИГИ ПО АРХИТЕКТУРЕ И СТРОИТЕЛЬСТВУ

Аркин Д. Образы архитектуры. — М. Государственное архитектурное издательство Академии архитектуры СССР. 1941 г. Стр. 378 с илл., черт. и план. 4 000 экз. 18 руб., пер. 2 руб.

Книга состоит из десяти самостоятельных очерков, посвященных выдающимся произведениям и мастерам архитектуры.

Содержание: От авторa. Палладио в Виченце. Римские заметки. Площадь Согласия. Леду. Русская классика. Баженов и Казаков. Адмиралтейство. Рождение и гибель Хрустального дворца. Небоскреб. Советский павильон. Примечания.

Белявская В. Росписи русского классицизма. Под редакцией Г. Г. Гримма. Л.—М. Государственное издательство «Искусство». 1940. 119 стр. с илл., 3 вкл. л. илл. 3 000 экз. 10 р. 50 к., пер. 2 р. 50 к.

Книга посвящена исследованию монументальной живописи архитектурных памятников классицизма и ампира в Ленинграде и его окрестностях. В приложении дан очерк о семействе художников Скотти и приведены краткие сведения о других декораторах эпохи классицизма.

Покров на Нерли (XII век). Составил М. И. Рзянин. (Памятники русской архитектуры.) М. Государственное архитектурное издательство Академии архитектуры СССР. 1941 г. 11 стр. текста, XXIII отд. л. илл., черт. и план. 3 000 экз. 15 руб. в папке.

Книга представляет собой очередной выпуск публикуемой Кабинетом теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР серии увражей, посвященных наиболее значительным памятникам русской архитектуры. Описанию выдающегося памятника предпослан краткий очерк развития владимиро-суздальской архитектуры и истории постройки церкви Покрова на Нерли.

Поляков А. В. — Организация строительства жилых зданий поточно-скоростным методом. (Обобщение опыта.) (Академия коммунального хозяйства при СНК РСФСР). М.—Л. Издательство Наркомхоза РСФСР. 1940. 142 стр. с илл., черт. график. и схем. 11 вкл. л. черт. и схем. 3 500 экз. 7 руб., пер. 60 коп.

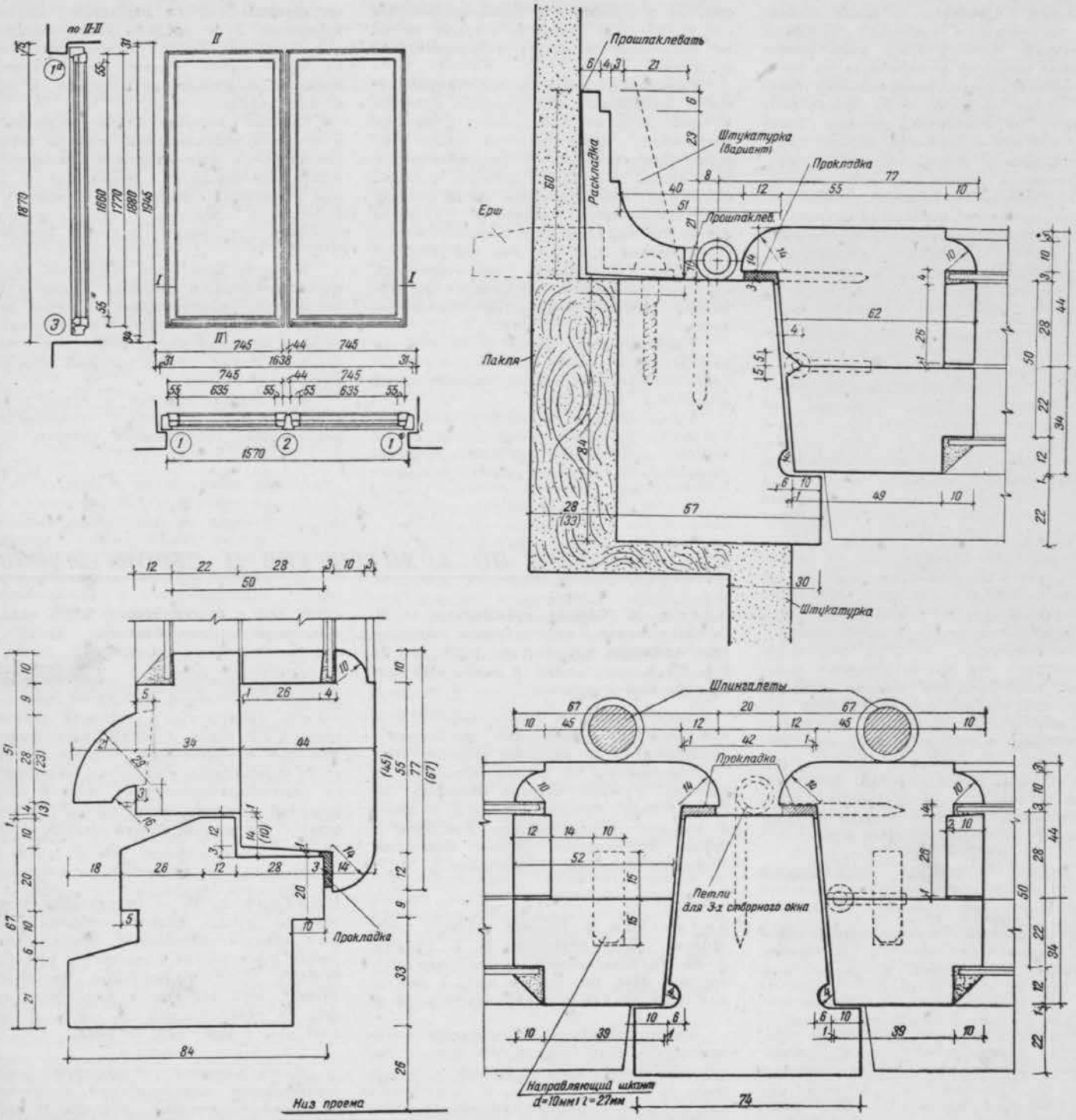
Книга является обобщением опыта строительства жилых зданий скоростным и поточно-скоростным методом. В книге приводятся решения отдельных конструктивных элементов жилых зданий, допускающие индустриальную заготовку этих элементов, а также даются указания по монтажу частей зданий из отдельных конструктивных элементов.

В конце книги приведена литература по вопросам скоростного строительства.

ОКНА ШВЕДСКОГО ТИПА

(РАЗРАБОТАНЫ ОТДЕЛОМ ТИПОВ И СТАНДАРТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ МОССОВЕТА)

ТИП I (с импостом)

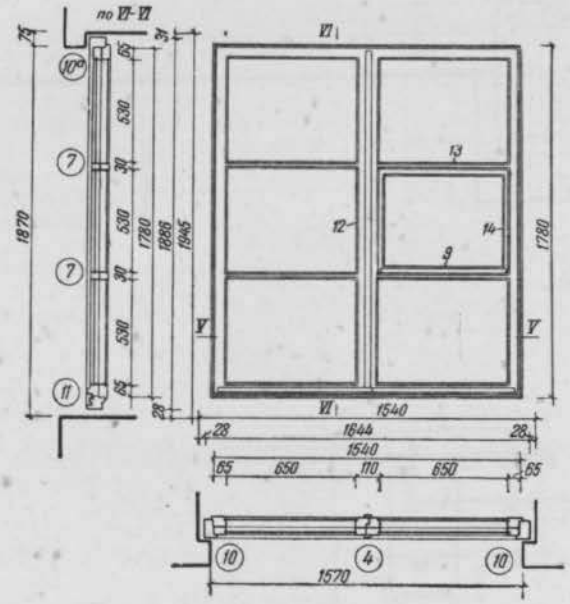


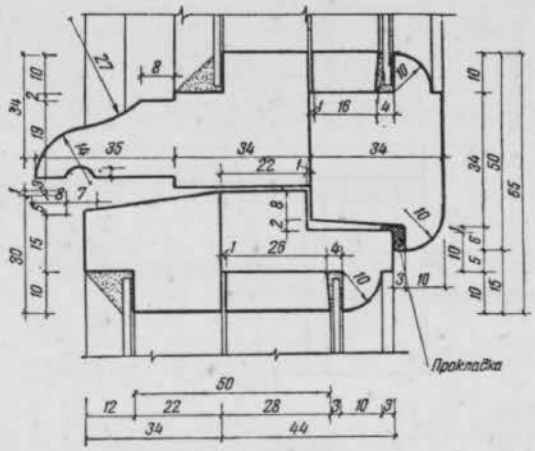
Спецификация приборов (на двухстворное окно)

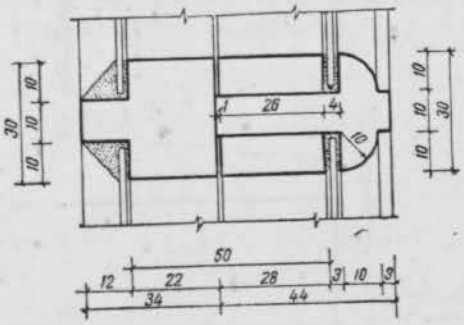
Петель по ОСТ 90013 — 39, 0 — 4, А = 125 мм — 2 пары.
Петель по ОСТ 90013—39, 0—5, А = 60 мм—3 пары.
Шпингалетов по ОСТ 90013 — 39, 0 — 18 — 2 штуки.
Крючков штампованных 1 = 28 мм (по чертежу) — 4 шт.

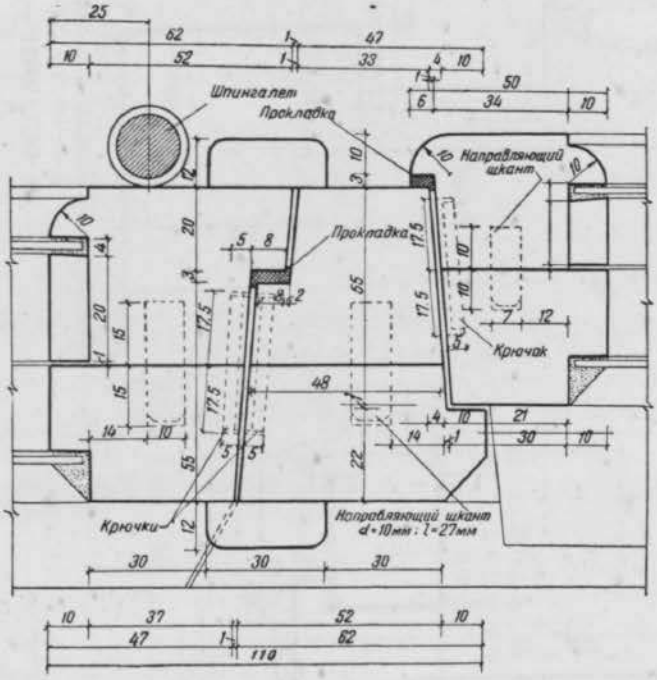
ОКНА ШВЕДСКОГО ТИПА

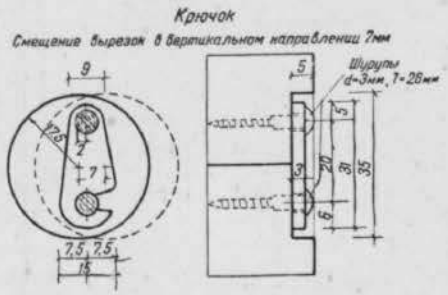
ТИП II (обвязка шириной 77 мм)







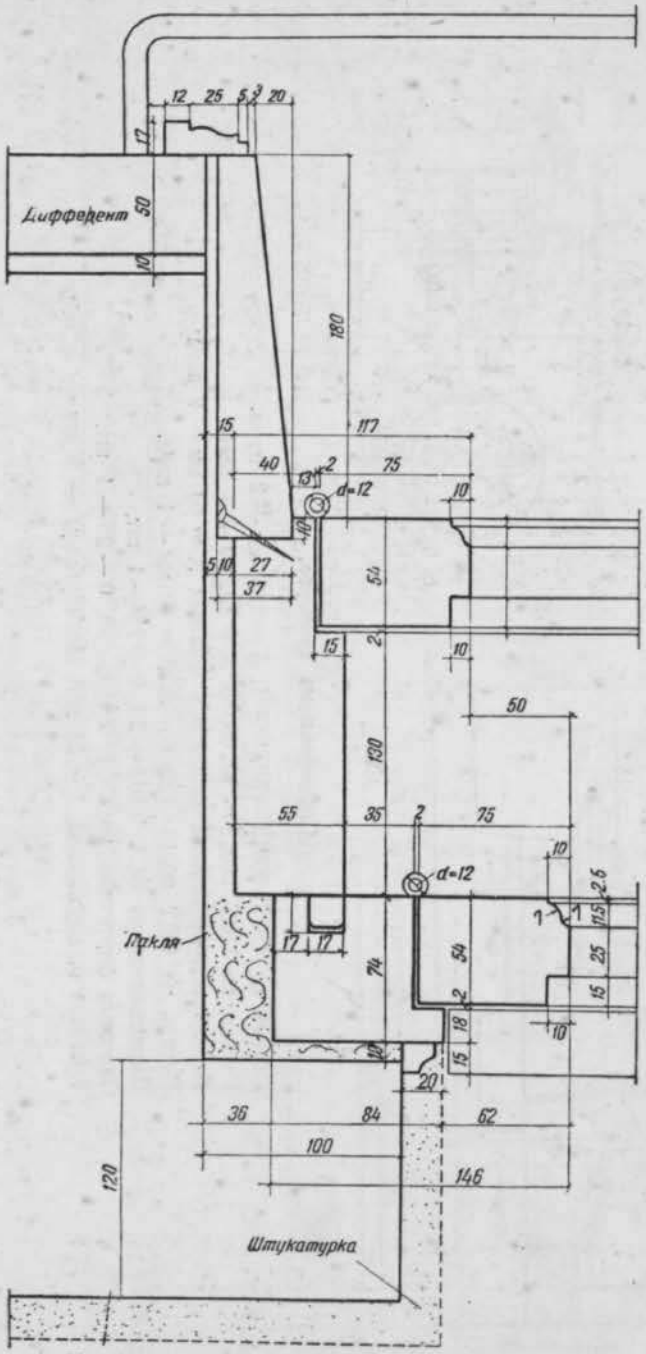




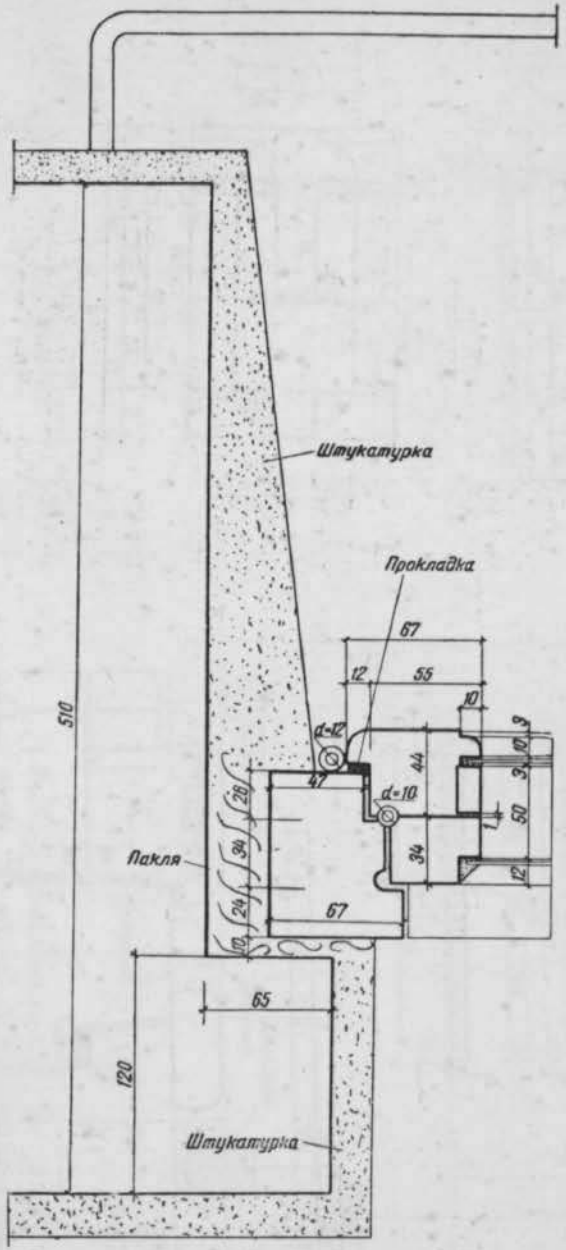
Спецификация приборов.

Петель по ОСТ 90013 — 39, 0 — 4, А = 125 мм — 2 пары.
Петель по ОСТ 90013 — 39, 0 — 5, А = 60 мм — 3 пары.
Петель полушарнирных вколотных огибных А = 60 мм — 1 пара.
Петель по ОСТ 90013 — 39, 0 — 5, А = 40 мм — 1 пара.
Шпингалетов по ОСТ 90013 — 39, 0 — 18 — 1 шт.
Заверток форточных по ОСТ 90013 — 39, 0 — 23 — 1 шт.
Крючков штампованных 1 = 28 мм (по чертежу) — 6 шт.

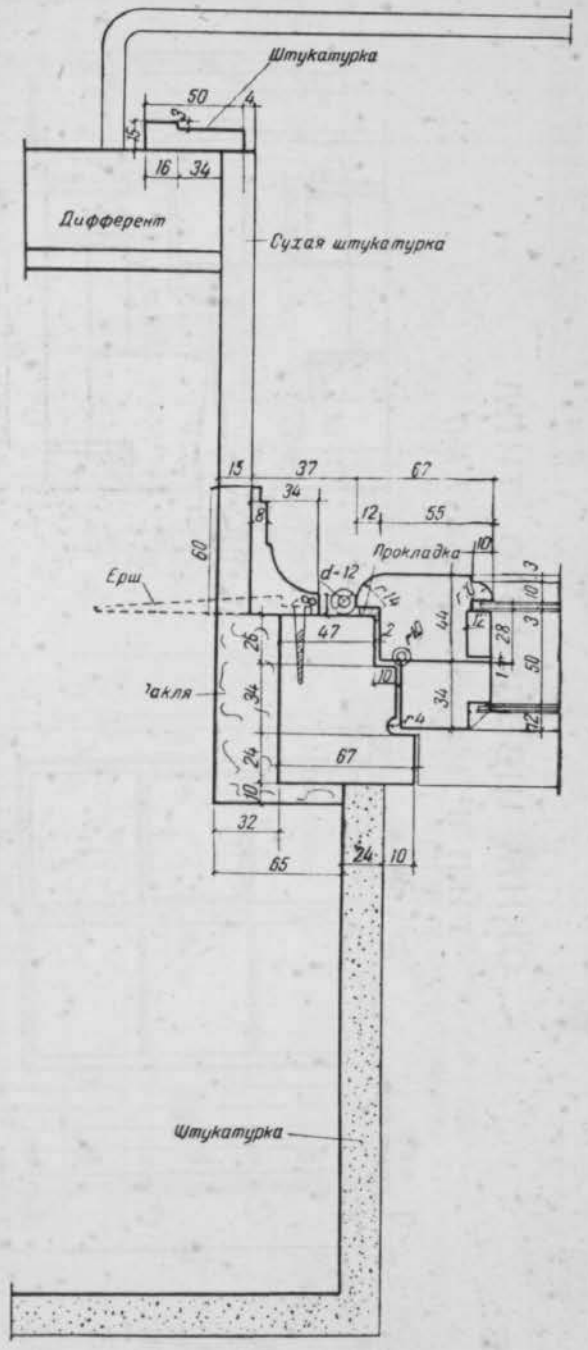
ОКНА ШВЕДСКОГО ТИПА



По проекту мастерской Моссовета № 7.



По ОСТ 90011 — 39.



Вариант установки.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр. Pages

SOMMAIRE

А. М. Горький	— 1 —	A. M. Gorki
АРХИТЕКТУРА ЗЕЛЕНЫХ НАСАЖДЕНИЙ		**SYSTÈME DE PLANTATIONS DANS LES VILLES**
Основные вопросы озеленения городов. А. Власов	— 3 —	Problème sur la création de villes fleuries, par A. Vlassov
Зеленые насаждения Киева. Проф. П. Хаустов	— 11 —	Fonds de verdure de la ville de Kiev, par le prof. P. Khaoustov
Композиция и ассортимент парковых насаждений Тбилиси. М. Нефедов	— 15 —	Composition et assortiment des plantations des parcs de Tbilissi, par M. Néfédov
Озеленение Баку. М. Кохман	— 19 —	La verdure dans les rues de Bakou, par M. Kochmann
Зелень в Риге. О. Тильманис	— 23 —	Plantations de la ville de Riga, par O. Tilmanis
Парки и скверы Львова. В. Гаркавенко	— 26 —	Parcs et squares publics de la ville de Lvov, par V. Garkavenko
Ландшафтная архитектура в курортах. В. Каковский	— 30 —	L'architecture et le paysage aux stations de cure, par V. Kakovski
МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ		**LES MAÎTRES DE L'ARCHITECTURE SOVIÉTIQUE**
В. И. Заболотный. М. Холостенко	— 33 —	L'oeuvre de V. I. Zabolotni, par M. Kholostenko
ПРАКТИКА		**NOS RÉALISATIONS**
Проект здания клиники ВИЭМ в Москве. Е. Левинсон	— 39 —	Projet de l'immeuble de la clinique de l'Institut de médecine expérimentale à Moscou, par E. Lévinson
Дом на 1-й Мещанской улице в Москве. И. Лененков	— 42 —	Immeuble rue 1-re Méschanskaia à Moscou, par I. Lénenkov
Архитектурная практика Сталинабада. В. Веселовский	— 44 —	Pratique architecturale de la ville de Stalinabad (Tadjikistan), par V. Vésséloyski
АРХИТЕКТУРА КОЛХОЗНОГО СЕЛА		**L'ARCHITECTURE DU VILLAGE KOLKHOZIEN**
Узловые вопросы сельскохозяйственной архитектуры. Акад. арх. М. Гинзбург	— 48 —	Problèmes sur l'architecture agricole, par M. Ginsbourg, membre de l'Académie
Жилой дом колхозника. Г. Мартынов	— 51 —	Maison d'habitation d'un kolkozien, par G. Martinov
Колхозный клуб. Я. Корнфельд	— 55 —	Club kolkhozien, par J. Kornfeld
Планировка и благоустройство колхозного села. Л. Буденный	— 61 —	Plan d'aménagement rationnel d'un village kolkhozien, par L. Boudenni
Производственные сельскохозяйственные постройки. Б. Никандров	— 64 —	Bâtiments affectés à la production agricole, par B. Nicandrov
ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА		**LA TRIBUNE DE L'ARCHITECTE**
О классическом и о классике. О. Мунц	— 67 —	L'architecture des époques classiques et l'architecture du classicisme, par O. Mountz
СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА		**LA TECHNIQUE DE LA CONSTRUCTION**
Шведские окна. В. Громов	— 69 —	Fenêtres suédoises, par V. Gromov
Творчество И. А. Фомина	— 71 —	L'oeuvre de I. A. Fomine
ХРОНИКА	— 73 —	**CHRONIQUE**
Памяти И. Д. Шадра	— 74 —	A la mémoire de I. D. Chadre
АРХИТЕКТУРА И КНИГА	— 76—	**L'ARCHITECTURE ET LE LIVRE**
СПРАВОЧНИК АРХИТЕКТОРА	— 78 —	**INDICATEUR DE L'ARCHITECTE**

Отв. редактор К. С. АЛАБЯН

Год издания девятый. Подписано к печати 12/VI 1941 г. 10 печ. л. Тираж 6500. 53 тыс. знаков в печ. л. Учетных авт. листов 14. Л47184. Цена 8 руб. Зак. тип. 573.

6-я типография ОГИЗ'а треста «Полиграфкнига». Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

Цена 8 руб.

АРХИТЕКТУРА СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ
Ответственный редактор К. С. Алабян
Р Е Д А К Ц И Я
Москва, Гранатный пер., 7.
Телефон—К-5-76-25
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 мес.—96 руб., 6 мес.—48 руб., 3 мес.—24 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Пушкинская ул., 24, Государственным архитектурным издательством Академии архитектуры СССР, повсеместно почтой и отделениями Союзпечати

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

ARCHITEKTUR der UdSSR

MONATSSCHRIFT DES VERBANDES DER SOWJETARCHITEKTEN

Chefredakteur K. Alabjan

ADRESSE DER REDAKTION:
MOSKAU, GRANATNI STRASSE, 7

ZU BEZIEHEN DURCH:
MEZHDUNARODNAJA KNIGA
18 KUZNETSKI MOST, MOSKAU UdSSR

KOEHLER & VOLCKMAR A.—G. & C°.
RUSSLAND-ABTEILUNG. POSTFACH 173,
LEIPZIG C. 1.

ARCHITECTURE of the USSR

MONTHLY MAGAZINE OF THE ASSOCIATION OF SOVIET ARCHITECTS

Editor-in-chief K. Alabyan

EDITORIAL OFFICE:
MOSCOW, GRANATNI STREET, 7

SUBSCRIPTIONS ACCEPTED BY:
MEZHDUNARODNAYA KNIGA. MOSCOW,
USSR. KUZNETSKY MOST, 18.

FOUR CONTINENT BOOK CORPORATION,
255 FIFTH AVENUE. NEW YORK, N. Y.

COLLET'S BOOKSHOP, LTD.,
66 CHARING CROSS ROAD,
LONDON, W. C. 2

ARCHITECTURE de l'URSS

MENSUEL DE L'ASSOCIATION DES ARCHITECTES SOVIÉTIQUES

Editeur en chef K Alabyan

RÉDACTION: 7, RUE GRANATNI, MOSCOU
ABONNEMENTS ACCEPTÉS PAR

MEZHDUNARODNAYA KNIGA,
18 KUZNETSKI MOST, MOSCOU, URSS